

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ДОКЛАД

ИСПОЛНЕНИЕ КОНВЕНЦИИ ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

*Представлен для сорок девятой сессии
Комитета ООН против пыток*

*Женева, Швейцария
29 октября – 23 ноября 2012 года*

*ЛГБТ-группа «Выход» признана Минюстом
незарегистрированным общественным
объединением, выполняющим функции
иностранного агента*

ALTERNATIVE REPORT

IMPLEMENTATION OF THE CONVENTION AGAINST TORTURE AND OTHER CRUEL, INHUMAN OR DEGRADING TREATMENT OR PUNISHMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION IN RELATION TO SEXUAL ORIENTATION AND GENDER IDENTITY

*Submitted for the 49th session
of the UN Committee against Torture*

*Geneva, Switzerland
29 October – 23 November 2012*

Non-Commercial Organization “Charity Foundation for Social and Legal Community Assistance Rainbow,”
Autonomous Non-Commercial Organization for Social and Legal Services “LGBT Organization Coming Out,”
Inter-Regional Social Movement “Russian LGBT Network”

ALTERNATIVE REPORT

“IMPLEMENTATION OF THE CONVENTION AGAINST TORTURE AND OTHER CRUEL, INHUMAN OR DEGRADING TREATMENT OR PUNISHMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION IN RELATION TO SEXUAL ORIENTATION AND GENDER IDENTITY”

(Submitted for the 49th session of the UN Committee against Torture, Geneva, Switzerland 29 October – 23 November 2012)

Summary

This report compiles alternative data on the situation of LGBT people in Russia, using the St. Petersburg region in particular to illustrate the problems regarding the implementation of the prohibition on torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. The report examines three main problems, namely: (1) hate crimes and hate speech committed on the basis of real or perceived sexual orientation and gender identity, as well as coercive medical interventions in relation to (2) transsexual and (3) homosexual people.

The UN CAT Convention obliges states parties to implement measures aimed at preventing torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. The recommendations and jurisprudence of international bodies and institutions have interpreted such obligations as implying a need for specific measures

to combat hate crimes and hate speech against LGBT people. However, this problem remains extremely prevalent in Russia. In 2006, following consideration of the previous (fourth) periodic report of the Russian Federation, the UN CAT Committee drew the Russian Federation's attention to the problem of violent incidents committed on the basis of the race, ethnicity or identity of the victim, and recommended that the Russian Federation "ensure that all officials are instructed that racist or discriminatory attitudes will not be permitted or tolerated and that any official who is complicit in such attacks will be prosecuted and suspended from his/her post pending resolution of the case or, if there is a danger of recurrence, transferred to a post which does not enable him/her to come into direct contact with potential victims," and instructed the Russian Federation to "ensure prompt, impartial and effective investigations into all such acts of violence." Unfortunately, no positive measures were taken in relation to hate crimes and hate speech based on sexual orientation and gender identity.

There is no legislation explicitly recognizing that hate crimes and hate speech directed towards LGBT persons may aggravate the circumstances of the crime. Moreover, existing legal rules are not interpreted to include LGBT people as a specific "social group." Law enforcement bodies do not collect and or analyze statistics on such crimes. There are no awareness or educational programs for law enforcement officials, nor are there programs aimed at preventing hate crimes against LGBT persons. There is no system to protect witnesses and victims of such crimes, which leads to the underreporting of these cases. Unfortunately, when NGOs, and not the victims themselves, report incidents to law enforcement bodies, officials contribute to the problem by refusing to open criminal cases. Crimes are not only committed against individuals, but also against groups and participants of human rights events

supporting LGBT rights. In such cases, law enforcement officials generally fail to implement prompt and effective measures to protect activists. Finally, regional laws prohibiting so-called "propaganda of homosexuality among minors" are being adopted in more and more Russian regions. These laws contribute to the incitement of hatred and enmity against LGBT persons and give rise to incidents of hate speech. Such incidents, particularly in the St. Petersburg region, often involve government officials, whose acts remain unpunished.

There is no legislation explicitly recognizing that hate crimes and hate speech directed towards LGBT persons may aggravate the circumstances of the crime. Moreover, existing legal rules are not interpreted to include LGBT people as a specific "social group." Law enforcement bodies do not collect and or analyze statistics on such crimes. There are no awareness or educational programs for law enforcement officials, nor are there programs aimed at preventing hate crimes against LGBT persons. There is no system to protect witnesses and victims of such crimes, which leads to the underreporting of these cases. Unfortunately, when NGOs, and not the victims themselves, report incidents to law enforcement bodies, officials contribute to the problem by refusing to open criminal cases. Crimes are not only committed against individuals, but also against groups and participants of human rights events supporting LGBT rights. In such cases, law enforcement officials generally fail to implement prompt and effective measures to protect activists. Finally, regional laws prohibiting so-called "propaganda of homosexuality among minors" are being adopted in more and more Russian regions. These laws contribute to the incitement of hatred and enmity against LGBT persons and give rise to incidents of hate speech. Such incidents, particularly in the St. Petersburg region, often involve government officials, whose acts remain unpunished.

often involve government officials, whose acts remain unpunished. While the Russian Federation officially adopted ICD-10 standards, according to which homosexuality is no longer considered a disease, in practice, there are still cases where gay people are diagnosed simply because of their sexual orientation, or where attempts to “cure” them are made without their consent. It should be noted that many professional organizations have already condemned “curative” or “reparative” therapy. Moreover, in medical education, outdated approaches to homosexuality remain, and a full revision of medical curriculum and textbooks has yet to be conducted.

At the end of this report, possible questions for representatives of the official Russian delegation are proposed, as well as a list of recommendations that would, in our view, contribute to solving these existing problems.

Recommendations in relation to hate crimes and hate speech include: (1) improving existing legislation and its implementation that would recognize a motive based on a victim’s actual or perceived sexual orientation as an aggravating circumstance; (2) implementing programs aimed at the prevention of hate crimes against LGBT persons, awareness, educational programs for law enforcement officials and judges, as well as measures to protect and maintain the confidentiality of victims and witnesses of such crimes; (3) ensuring prompt, impartial and objective investigations of hate crimes against LGBT persons, and effective punishment of perpetrators; (4) guaranteeing the protection of those participating in public LGBT events from acts of violence, harassment and threats motivated by hatred, as well as ensuring the investigation of abuses that have already been committed against LGBT human rights defenders; (5) publicly condemning hate crimes and hate speech against LGBT persons; (6) establishing a system for gathering and analyzing statistics on hate crimes and hate

speech against LGBT persons; and (7) repealing regional legislation prohibiting so-called “propaganda of homosexuality.” The implementation of each of these recommendations would reduce the climate that allows, and even fosters examples of torture committed on the basis of the real or perceived sexual orientation or gender identity of the victim.

Recommendations regarding coercive medical procedures in relation to transsexual people include: (1) issuing an explanatory note for administrative officials and judges on prohibiting the imposition of requirements not prescribed by law or justified by medical need on transsexual people seeking to change their legal gender status such as of surgical procedures, including sterilization; and developing, in cooperation with medical practitioners and NGOs working with transsexual people and representatives of transgender communities, a transparent, accessible and predictable procedure for changing one’s legal gender status that does not require coercive medical interventions. Such medical procedures may themselves constitute acts of torture, for which the state can be held accountable.

Recommendations in relation to coercive medical procedures towards homosexual people include: ensuring the prohibition on treating homosexuality as a disease, pathology or deviation; conducting a comprehensive, independent and impartial investigation into the case of the alleged involuntary detention of a gay teenager in a psychiatric clinic, and bringing the alleged perpetrators to justice.

Некоммерческая организация «Благотворительный фонд правовой и социальной помощи населению Радуга»,
Автономная некоммерческая организация социально-правовых услуг «ЛГБТ-организация Выход»,
Межрегиональное общественное движение «Российская ЛГБТ-сеть»

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ДОКЛАД

«ИСПОЛНЕНИЕ КОНВЕНЦИИ ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ»

(Представлен для сорок девятой сессии Комитета ООН против пыток, Женева, Швейцария, 29 октября – 23 ноября 2012 года)

Аннотация

Представленный доклад содержит альтернативные данные о положении ЛГБТ-людей в России в целом и в Санкт-Петербурге, как наиболее показательном в этом отношении регионе, в частности, сквозь призму недопустимости пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В докладе обращается внимание на три наиболее острые проблемы: преступления и речи ненависти, совершаемые в связи с действительной или предполагаемой сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью, а также принудительные медицинские процедуры в отношении транссексуальных и гомосексуальных людей.

Хотя Конвенция ООН против пыток предусматривает обязательства государства предпринимать меры по недопущению жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, а в рекомендациях и практике международных органов и учреждений такие обязательства трактуются как предполагающие определенные меры по борьбе с преступлениями и речами ненависти в отношении ЛГБТ-людей, для России эта проблема остается чрезвычайно острой. Несмотря на то, что по итогам рассмотрения предыдущего, четвертого периодического доклада Российской Федерации в 2006 году Комитет обращал внимание российских властей на проблему нападения, совершаемых по признаку расы, этнической или иной принадлежности жертвы, и Российской Федерации было рекомендовано «проинструктировать всех должностных лиц о том, что расистские или дискриминационные выступления будут караться и пресекаться, и что любые должностные лица, способствующие упомянутым выше нападениям, будут преследоваться по закону и будут отстранены от исполнения должностных обязанностей до окончания рассмотрения их дела или, в случае угрозы повторения, переведены на другую должность, которая исключала бы их прямой контакт с потенциальными жертвами», а также «обеспечить оперативное проведение беспристрастных и эффективных расследований всех подобных проявлений насилия», в отношении преступлений и речей ненависти, совершаемых в связи с сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью никаких позитивных мер предпринято не было.

Отсутствует законодательство, признающее преступления и речи ненависти в отношении ЛГБТ-людей совершенными с отягчающим обстоятельством, а действующие в настоящее время правовые нормы не применяются на практике.

Органы власти не производят сбор и анализ статистики по таким преступлениям, не организуют обучающих программ для сотрудников правоохранительных органов, не разрабатывают программ профилактики преступлений ненависти в отношении ЛГБТ-людей. Отсутствие системы защиты свидетелей и потерпевших от таких преступлений обуславливает их высокую латентность, при этом органы власти способствуют этому процессу, не возбуждая уголовные дела по заявлениям организаций. Преступления совершаются не только в отношении индивидуальных лиц, но и групп и участников правозащитных мероприятий в поддержку прав ЛГБТ. По фактам таких преступлений правоохранительные органы нередко не предпринимают вообще никаких действий, либо осуществляемые действия не являются достаточными, эффективными и своевременными. Наконец, принимаемые в настоящее время в регионах России законы о запрете так называемой «пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних» лишь способствуют разжиганию ненависти и вражды в отношении ЛГБТ-людей и порождают поток остающихся безнаказанными речей ненависти – в том числе высказываемых представителями власти, что особенно актуально для Санкт-Петербурга.

Несмотря на то, что законодательство России устанавливает принципиальную возможность смены документов транссексуальным людям, реализация этой возможности затруднена в силу отсутствия вот уже более четырнадцати лет механизма смены документов. В результате к транссексуальным людям предъявляются не предусмотренные законом и противоречащие медицинским исследованиям требования о проведении тех или иных медицинских вмешательств для смены документов. Особое беспокойство вызывают требования о проведении хирургических вмешательств – таких, как стерилизация.

Без таких хирургических вмешательств транссексуальным людям во многих регионах России практически невозможно поменять документы даже через суд. Положение усугубляется еще и тем, что расходы на такие медицинские вмешательства не покрываются в рамках медицинского страхования и дополнительным бременем ложатся на самих заявителей, при этом далеко не во всех регионах есть специалисты, работающие с транссексуалами. Дискриминация и стигматизация в системе здравоохранения остается безнаказанной, и транссексуальные люди несут на себе основное бремя этих нарушений.

Хотя Российская Федерация официально перешла на стандарты Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10), в соответствии с которыми гомосексуальность не считается заболеванием, на практике все еще встречаются случаи, когда гомосексуальных людей диагностируют лишь на основании их сексуальной ориентации или даже пытаются «лечить» от гомосексуальности без их согласия. Следует отметить, что многие профессиональные организации уже осуждали практику так называемой «репаративной» терапии. Кроме того, устаревшие подходы к рассмотрению гомосексуальности все еще проводятся при обучении медицинских специалистов, не произведен полный пересмотр программ и пособий.

Без таких хирургических вмешательств транссексуальным людям во многих регионах России практически невозможно поменять документы даже через суд. Положение усугубляется еще и тем, что расходы на такие медицинские вмешательства не покрываются в рамках медицинского страхования и дополнительным бременем ложатся на самих заявителей, при этом далеко не во всех регионах есть специалисты, работающие с транссексуалами. Дискриминация и стигматизация в системе

Дискриминация и стигматизация в системе здравоохранения остается безнаказанной, и транссексуальные люди несут на себе основное бремя этих нарушений.

Хотя Российская Федерация официально перешла на стандарты Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10), в соответствии с которыми гомосексуальность не считается заболеванием, на практике все еще встречаются случаи, когда гомосексуальных людей диагностируют лишь на основании их сексуальной ориентации или даже пытаются «лечить» от гомосексуальности без их согласия. Следует отметить, что многие профессиональные организации уже осуждали практику так называемой «репаративной» терапии. Кроме того, устаревшие подходы к рассмотрению гомосексуальности все еще проводятся при обучении медицинских специалистов, не произведен полный пересмотр программ и пособий.

Organización No Gubernamental
“Fundación Benéfico del Apoyo Jurídico y Social Raduga”,
Organización No Gubernamental Autónoma de los Servicios
Jurídicos y Sociales “LGBT Organización Vyjod”,
Movimiento Social Interregional “Cadena LGBT Rusia”

INFORME ALTERNATIVO

“EJECUCIÓN DE LA CONVENCIÓN CONTRA TORTURAS Y OTROS MALTRATOS CRUELES, ANTIHUMANOS O HUMILLANTES Y PENAS EN LA FEDERACIÓN DE RUSIA DEBIDO A LA ORIENTACIÓN SEXUAL E IDENTIDAD DE DENERO”

*(Presentado en la sesión N° 49 del comité de la ONU contra torturas,
Ginebra, Suiza, 29 octubre – 23 noviembre 2012 año)*

Anotación

El informe presentado contiene los datos alternativos de la posición de la gente LGBT en Rusia en general y en San Petersburgo, como la region más demostrativa, en particular, a través del prisma de la inadmisibilidad de las torturas y los otros crueles, inhumanos y humillantes tipos de trato y las penas. En el informe se presta atención a los tres problemas más agudos: los delitos y los discursos de odio, realizados en relación con la orientación sexual auténtica o hipotética o la identidad del género, y también los tratamientos médicos forzados respecto a las personas transsexuales y homosexuales.

Aunque la convención ONU contra las torturas determina la obligación del Estado tomar medidas de inadmisibilidad de los crueles, inhumanos y humillados tipos de trato y pena,

y en las recomendaciones y práctica de los órganos internacionales dichas obligaciones son interpretadas como supuestas medidas determinadas de la lucha contra delitos y los discursos de odio en relación las personas LGBT, para Rusia esto problema sigue siendo demasiado agudo. A pesar del resumen de examen del informe anterior (cuarto) periódico de la Federación Rusa en el año 2006 el Comité enfocó la atención de las autoridades rusas en el problema de los ataques raciales cometidos por los indicios de raza, la pertenencia étnica u otra de la víctima, y la Federación de Rusia había recomendada «instruccionar a todos los funcionarios que los discursos racistas y discriminatorios serán castigados y reprimidos, y que cualquier funcionarios, favorecidos a mencionados ataques, serán perseguidos por la Ley y serán removidos de sus cargos hasta que sea finalizado su proceso o, en caso de amenaza de repetición, serán trasladados a otra área de trabajo, que excluía su contacto directo con las víctimas potenciales», además «asegurar ejecución operativa de las investigaciones imparciales y efectivas de todas semejantes manifestaciones de la violencia», respecto a los delitos y los discursos de odio, realizados con relación a la orientación sexual y la identidad del género no habían tomados ningunas medidas positivas.

Falta de legislación, que reconozca los crímenes y los discursos de odio en relación con las personas LGBT realizados con circunstancias agravantes, las normas vigentes en la actualidad no se aplican en la práctica. Las autoridades no efectúan recolección ni análisis de la estadística de tales crímenes, no organizan programas de capacitación para empleados de la policía, no elaboran programas de prevención contra los crímenes de odio respecto a las personas LGBT. La ausencia del sistema de la defensa de los testigos y los siniestrados de esos crímenes determina su alta latencia, además las autoridades contribuyen

a este proceso, sin iniciar acciones legales en base de solicitudes provenientes de las organizaciones. Los crímenes se cometen no solo contra individuos sino también contra grupos y participantes de los eventos a la defensa de derechos LGBT. Es frecuente que del hecho de tales delitos el cuerpo de seguridad no adopte ninguna medida o las medidas realizadas resultan insuficientes, inefectivas y inoportunas. Finalmente, las leyes aprobadas en el presente en las regiones de Rusia sobre la prohibición de la llamada “la propaganda de homosexualidad entre los menores de edad” solo contribuyen a atizar el odio y enemistad en relación con las personas LGBT y causan un torrente de discursos de odio que quedan en la impunidad, incluso los discursos dados por los representantes de la autoridad, lo que es muy actual a San Petersburgo.

A pesar de que la legislación de Rusia establece una oportunidad principal para el cambio del documento de identidad para personas transexuales; llevar a cabo dicha posibilidad se encuentra obstaculizada debido a la falta de procedimiento para el cambio del documento de identidad existente ya desde hace más de 14 años. En consecuencia, a las personas transexuales se les imponen las exigencias no previstas en la Ley y contradictorias a los estudios médicos referentes a la realización de unas u otras intervenciones médicas con el fin de cambiar su documento de identidad. El motivo para una preocupación especial es la exigencia de realización de intervenciones quirúrgicas, tales como esterilización. En caso de no haber sido intervenidas vía quirúrgica las personas transexuales en muchas regiones de Rusia prácticamente no pueden efectuar el cambio de sus documentos de identidad ni siquiera por vía judicial. Su situación se empeora aún más, debido a que los gastos en mencionadas intervenciones quirúrgicas no se cubren en el marco del seguro médico y representan un peso adicional que recae sobre los propios solicitantes.

Además, la mayoría de las regiones no cuenta con los expertos que trabajan con los transexuales. La discriminación y estigmatización en el sistema de la sanidad sigue siendo impune, y la gente transexual sufre la presión central de estas infracciones.

Pese a que la Federación de Rusia ha aceptado públicamente las normas del Clasificador Internacional de Enfermedades-10, según las cuales la homosexualidad no se considera como enfermedad, efectivamente todavía tienen lugar los casos cuando las personas homosexuales son diagnosticadas solamente en virtud de su orientación sexual o inclusive intentan “curar” su homosexualidad sin su consentimiento. Cabe señalar que muchas organizaciones profesionales ya reprobaban las prácticas de la llamada “terapia reparativa”. Asimismo, los enfoques arcaicos respecto a la forma de considerar la homosexualidad se están practicando hasta ahora en la capacitación de los especialistas médicos, no se han redefinido por completo programas ni guías prácticas.

En la conclusión ante los representantes de la Delegación Oficial de Rusia se plantean posibles preguntas y un listado de recomendaciones que, a nuestro juicio, contribuirían a la solución de los problemas vigentes.

Las recomendaciones respecto a los delitos y charlas de odio abarcan el mejoramiento de las leyes y aplicación de prácticas legales que permitan reconocer como una circunstancia agravante el motivo de odio a la gente que son LGBT o considerados como LGBT; programas preventivos contra delitos de odio a las personas LGBT, capacitación de los empleados de los cuerpos de seguridad y sistema judicial, así como adopción de las medidas de defensa y confidencialidad de las víctimas y los testigos de dichos delitos; investigación inmediata, imparcial y objetiva de delitos de odio a las personas LGBT, imputación de los culpables; aseguramiento

a los participantes de eventos LGBT públicos de la defensa contra atentados violentos motivados, persecuciones y amenazas, así como investigación de atentados ocurridos contra los defensores de los derechos de las personas LGBT; prevención de las charlas de odio e investigación de las incidencias ocurridas; reprobación pública de delitos y charlas de odio respecto a los LGBT; implementación del sistema de recolección y análisis de estadísticas relacionadas con los delitos y charlas de odio en relación a los LGBT; derogación de las leyes regionales de la prohibición de la llamada “propaganda de homosexualidad”. Todas estas recomendaciones permitirán nivelar las condiciones que admiten o hasta favorecen a la realización de torturas, debido a una orientación sexual verdadera o presunta o identidad de género.

Las recomendaciones en cuanto a los tratamientos médicos forzados a las personas transexuales abarcan lo siguiente: emisión de las aclaraciones para empleados de las entidades administrativas y juzgados referentes a la inadmisibilidad de exigencias presentadas a los solicitantes transexuales deseosos de cambiar su documento de identidad que no hayan sido previstas en la Ley y justificadas por factores médicos, en particular los requerimientos de realización de intervenciones quirúrgicas, inclusive esterilización; creación de organizaciones no gubernamentales que se dediquen a la defensa de los derechos de personas transexuales con participación de los expertos médicos que practican en dicha área, así como a los propios representantes de la comunidad transexual; un mecanismo transparente, accesible y previsible del cambio del documento de identidad, que no incluya requerimientos de intervenciones médicas forzadas que pueden ser en forma de torturas de las cuales el Estado es responsable.

En cuanto a los tratamientos médicos forzados aplicados a las personas homosexuales se han formulado algunas

recomendaciones, tales como garantizar la inadmisibilidad de clasificar la homosexualidad como una enfermedad, patología o desviación; una investigación íntegra, independiente e imparcial, y asimismo, si fuere el caso, la imputación de los culpables en la causa de la supuesta colocación forzada de un adolescente homosexual en manicomio.

L'Organisation Non-Commerciale "Fondation Charitable pour l'Assistance Communautaire Sociale et Légale Arc-en-Ciel",
L'Organisation Non-Commerciale Autonome pour les Services Sociales et Légales "Organisation LGBT Coming Out",
Le Mouvement Inter-Régional "Réseau-LGBT Russe"

LE RAPPORT ALTERNATIF

"LA MISE EN APPLICATION DE LA CONVENTION CONTRE LA TORTURE ET AUTRES PEINES OU TRAITEMENTS CRUELS, INHUMAINS OU DEGRADANTS EN FEDERATION DE RUSSIE PAR RAPPORT À L'ORIENTATION SEXUELLE ET À L'IDENTITÉ SEXUELLE"

*(Soumis au Comité contre la torture réuni en sa 49e session à,
Genève, Suisse, 29 octobre – 23 novembre 2012)*

Résumé

Ce rapport rassemble des données alternatives sur la situation des citoyens LGBT en Russie, prenant la région de Saint - Pétersbourg comme exemple spécifique, afin d'illustrer les problèmes concernant la mise en application de la prohibition de la torture et autres peines ou traitements cruels, inhumains ou dégradants. Le rapport examine trois problèmes principaux: (1) les crimes haineux et les discours haineux commis sur la base de l'orientation ou de l'identité sexuelle vraie ou perçue de la victime, ainsi que les interventions médicales imposées aux (2) transsexuels et aux (3) homosexuels.

La Convention contre la torture de l'ONU oblige les états signataires à exécuter des mesures visées à la prévention de la torture et d'autres peines ou traitements cruels, inhumains ou dégradants.

Les recommandations et la jurisprudence des cours et des tribunaux ont interprété de telles obligations comme impliquant un besoin des mesures spécifiques pour combattre les crimes haineux et les discours haineux contre les personnes LGBT. Cependant, ce problème reste extrêmement répandu en Russie. En 2006, suite à la considération du rapport périodique précédent (quatrième) de la Fédération de Russie, le Comité contre la torture de l'ONU a porté le problème des incidents violents commis sur la base de race, de l'origine ethnique, ou de l'identité de la victime à l'attention de la Russie. Il a recommandé que «L'état partie devrait faire en sorte que tous ses agents soient informés du fait qu'aucun comportement raciste ou discriminatoire ne sera permis ou toléré et que tout agent qui s'en rendra complice sera poursuivi et suspendu de ses fonctions en attendant le règlement de l'affaire ou, s'il existe un danger de récidive, muté à un poste qui ne lui permettra pas d'entrer en contact direct avec des victimes potentielles.» Le Comité a aussi ordonné la Fédération de Russie de «mener des enquêtes rapides, impartiales et efficaces sur toute les allégations de torture et de mauvais traitements.» Malheureusement, aucune mesure positive n'a été prise relative aux crimes haineux et aux discours haineux commis sur la base de l'orientation ou de l'identité sexuelle de la victime.

Il n'y a aucune législation qui reconnaît explicitement que les crimes haineux et les discours haineux visés aux personnes LGBT peuvent aggraver les circonstances du crime. De plus, les lois existantes ne sont pas interprétées à inclure les personnes LGBT dans la définition du «groupe social». Le gouvernement russe ne rassemble pas et n'analyse pas des statistiques concernant de tels crimes. Il n'y a aucun programme éducatif pour les officiels et la police ; de plus, il n'existe aucun programme visé à la prévention des crimes haineux contre les personnes LGBT.

Il n'y a pas de système de protection pour les victimes et les témoins de tels crimes, ce qui mène à la sous-déclaration de ces cas. Malheureusement, lorsque les ONG, et non pas les victimes eux-mêmes, dénoncent des incidents à la police, les officiels contribuent au problème en refusant d'ouvrir des enquêtes.

Des crimes sont commis non seulement contre des individus, mais aussi contre des groupes et des participants aux événements soutenant les droits LGBT. Dans de tels cas, la police néglige généralement de mettre en pratique des mesures de protection rapides et efficaces. Finalement, un nombre de régions russes ont promulgué des lois qui interdisent «a propagande de l'homosexualisme parmi les mineurs». Ces lois contribuent à l'incitation à la haine et à l'hostilité contre les personnes LGBT et provoquent des incidents des discours haineux. De tels incidents, surtout dans la région de Saint-Petersbourg, impliquent souvent des officiels gouvernementaux, dont les actions restent impunies.

Bien qu'un acte de législation ait établi le droit à changer son sexe sous la loi, en pratique, il est extrêmement difficile à l'exercer, en raison du manque des procédures légales. En conséquence, les personnes transsexuelles sont obligées de subir des interventions médicales diverses afin de changer leur sexe légal, malgré le fait que de telles conditions ne sont pas mentionnées dans l'acte législatif et contredisent les conclusions médicales. Les exigences des interventions chirurgicales, y compris la stérilisation, sont un sujet d'inquiétude. Dans plusieurs régions russes, il est pratiquement impossible de changer son sexe sous la loi, sans subir des interventions médicales, même avec l'assistance d'un procès juridique. Cette situation est aggravée par le fardeau des prix élevés de ces interventions médicales qui ne sont pas couverts par l'assurance médicale. De plus, dans une majorité de régions, il n'y a pas de médecins, sensibles aux besoins particuliers des

personnes transsexuelles. La discrimination et la stigmatisation dans les services de santé restent incontestées, et les transsexuels sont les personnes les plus touchées par ces problèmes.

Quoique la Fédération de Russie ait officiellement adopté les standards de CIM-10, selon lesquels l'homosexualité ne peut plus être considérée comme une maladie, en pratique, il existe toujours des cas où des personnes homosexuelles sont diagnostiquées simplement à cause de leur orientation sexuelle. Il existe aussi des cas où l'on tente de «guérir» les homosexuels sans leur consentement. Il faut noter que plusieurs organisations médicales professionnelles ont déjà condamné les thérapies «curatives» ou «réparatrices». Malheureusement, des approches dépassées à l'homosexualité restent dans le cursus médical universitaire et une révision des cursus et des manuels scolaires n'a pas encore été effectuée.

À la conclusion de ce rapport, une liste des questions pour les représentants officiels de la délégation russe est proposée, ainsi qu'une liste des recommandations qui contribueraient à la résolution de ces problèmes actuels.

Afin de combattre le problème des crimes haineux et des discours haineux, nous recommandons que la Fédération de Russie : (1) améliore la législation existante et sa mise en application qui reconnaîtraient comme circonstance aggravante une motive basée sur l'orientation sexuelle vraie ou perçue d'une victime; (2) mette en œuvre des programmes visés à la prévention des crimes haineux contre les personnes LGBT, des programmes éducatifs pour la police et les juges, ainsi que des mesures pour protéger et maintenir la confidentialité des victimes et des témoins de telles crimes; (3) s'assure des enquêtes rapides, impartiales, et objectives sur des crimes haineux contre les personnes LGBT, et des punitions efficaces des coupables; (4) garantisse la protection de ceux qui

participent aux événements publics soutenant les droits LGBT; (5) condamne publiquement des crimes haineux et des discours haineux contre les personnes LGBT; (6) établisse un système pour le rassemblement et l'analyse des statistiques concernant des crimes haineux et des discours haineux contre les personnes LGBT; et (7) abroge les actes de législation régionaux qui interdisent la «propagande de l'homosexualisme.» La mise en application de chacune de ces recommandations éliminerait le climat qui encourage des crimes basés sur l'orientation ou l'identité sexuelle vraie ou perçue de la victime.

Nous recommandons, par rapport aux interventions médicales imposées aux transsexuels, que la Fédération de Russie : (1) informe les juges et les officiels administratifs de la prohibition sur l'imposition des obligations, y compris les interventions médicales et les stérilisations, qui ne sont pas prescrites par loi ou médicalement justifiées; (2) développe, avec la coopération des médecins, des ONG travaillant avec les transsexuels, et avec les représentants des communautés transsexuels, une procédure transparente, accessible, et prévisible pour changer son sexe légal qui n'oblige pas le demandeur de subir des interventions médicales. De telles interventions médicales peuvent elles-mêmes constituer des actes de torture, desquels l'état peut être responsable.

En ce qui concerne les interventions médicales imposées aux homosexuels, nous recommandons que la Fédération de Russie : (1) s'assure que l'homosexualité n'est pas considérée comme maladie, pathologie, ou déviation; et (2) mène une enquête compréhensive, indépendante et impartiale sur le cas d'une détention involontaire d'un adolescent homosexuel dans une clinique psychiatrique et traduit les coupables en justice.

非商业组织--“社会法律援助桥梁慈善基金会，独立提供社会和法律服务的非商业组织，
“泛同性恋联盟诞生了”， 伴随而来的是地区间
“俄罗斯泛同性恋联盟网络” 社会运动.

备选报告

“俄罗斯法律中源于性取向和性别认同而规定的酷刑以及其他粗鲁的，不人道或者贬低性待遇和刑罚的规定需要完善。”

(至第49界联合国大会反对刑罚的报告，日内瓦，瑞士，2012年10月29日至11月23日)

总结报告

本报告选取了关于俄罗斯LGBT（泛同性恋者统称）人群一般情况数据，圣彼得堡地区试点有针对性的情况数据，重点反映刑罚或不人道待遇等情况的不受理状况。报告揭示了三大主要问题：源于真实或感知的性取向和性别认同的仇视性犯罪；源于真实或感知的性取向和性别认同的仇视性语言行为；对转换性别人群的强制性医疗干预。

《联合国禁止酷刑公约》规定了国家政党完善措施阻止酷刑和不人道刑罚待遇的义务， 也为国际主体和组织运用特别措施打击针对LGBT人群的犯罪和语言行为提供了法理来源。然而，这个问题依然与俄罗斯密切相关。继考虑到俄罗斯之前（第四个）的阶段性的报告，联合国禁止酷刑委员会让俄罗斯注意到暴力事件中受害者种族或身份差异的问题，而其并没有积极措施应对源于性取向和性别认同导致的仇视犯罪和语言表达的情况，因此建议俄罗斯“确保引导全部官员禁止出现种族主义及种族歧视的态度，任何认同该种袭击行为的官员将接受监察，并审查其未决的案件，一旦有这种情况再次发

生的危险，该案件将被移交给另外与潜在受害人没有直接关系的官员处理”，同时“确保正确、公正和有效地调查暴力事件的一切环节”。

立法上并未将仇视针对LGBT人群的犯罪和语言行为作为加重处罚的情节，同时现存的法规并未在这个领域有所完善。执法部门没有搜集分析这类犯罪的相关数据，针对执法者的意识提升和教育项目没有得到认同，以阻止针对LGBT人群的仇视性犯罪为目标的项目同样也并未引起重视。缺乏该类犯罪针对目击者和受害者的保护机制也同样导致了该类案件未得到报告。与此同时，当非政府组织或者非受害者本人向执法机构报案时，执法者拒绝公布案件信息也会导致这种问题的产生。这些犯罪不仅仅针对个人，同样也针对维护LGBT权利的机构组织和LGBT人权事件的参与者。在这种情况下，执法官员通常不采取任何行动，也并不开展有效正确的完善举措。结果，越来越多的俄罗斯地方法律禁止所谓的“在少数民族群中宣传同性恋”，而这更煽动了LGBT人群的仇恨和敌视，并导致了仇视性语言行为事件的发生，这其中包括一些政府官员，而这些人并未得到惩处。这种情况在圣彼得堡尤为突出。

尽管俄罗斯立法规定变性人的性别状况在官方文件中进行改变具有可能性，也即使到了十四年之后，还是由于制度原因很难将这种可能性转换成现实。结果是，变性人为了改变法律上的性别状况被要求通过一个或者另外医疗干预措施，虽然事实是法律或冲突性医学发现并未提及这些要求。类似绝育术的要求是一个特别值得关注的方面。在大多数俄罗斯地区不经过这样的外科手术甚至法庭诉讼变性人是很难改变自己的性别状况的。而该类医疗措施的费用却不能涵盖在医保范围内，成为了申请者自己的负担更加使这种形势趋于恶化。此外，许多地区医疗专家面对变性人工作时比较谨慎。

感。在健康关照体系内歧视和侮辱情况没有得到改变，而这其中变性人群首当其冲。

尽管根据俄罗斯官方采用ICD-10 标准认定同性恋不是一种疾病，实践中有些地方仍然有同性恋仅仅是因为他们的性取向被诊断或者未经他们的同意而试图“治愈”的情况发生。需要指出的是许多专业组织已经谴责这种“治疗”或者“治愈”的做法。另外，一些医疗专业教育维持同性恋性别的方法已经过时，而更新版本的师资和教材并未跟进。

报告于结尾处 向俄罗斯代表团提出了潜在的问题，以及一系列建议，我们认为这些建议有助于现存问题的解决。

针对仇视性犯罪及语言行为的建议包括：改善立法及法律执行中针对实际或感知的LGBT人群是加重处罚情节的意识；实行旨在阻止针对LGBT人群的仇视性犯罪的计划，开展针对执法者和法官的意识提升和教育项目，推行保护和保障这些犯罪的受害者和目击证人隐私的举措；推进针对LGBT人群的仇视性犯罪案件的公平、公正和客观的调查侦查，惩处肇事者；在公共LGBT事件中保护参与者免受暴力、威胁和困扰，调查已经存在的针对LGBT人权保护者的语言攻击行为；公开谴责针对LGBT人群的仇视性犯罪和语言行为；建立针对LGBT人群仇视性犯罪和语言行为的数据搜集分析系统；以及废止地区性立法中禁止所谓的“宣传同性恋”条款。以上每条建议均会减弱由于真实或感知的性取向和性别认同造成的现存的酷刑的环境。

针对变性人的强制性医疗程序的建议包括：颁布对行政官员和法官的解释条文，使他们针对变性人希望更改他们的官方性别状态的行政要求条件中未得到法律认可和医疗指引的部分，例如包括节育术等手术的要求得到改变；与变性工作的医疗实践者，维护变性人权利的非政府组织以及变性人社区进行合作，设立公开透明的，适宜的，可预测的程序促使不

将能够导致酷刑的强制性医疗干预囊括在内的要求在文件中得到更正，促进这些干预的可追责性。

针对同性恋强制性医疗程序的建议包括：确保对待同性恋作为疾病、病理组织或者偏见的行政不受理；对声称同性恋青年非自愿被扣留于医疗机构的案件开展广泛深入、独立的、公正的调查，如果符合条件对肇事者移交司法机关。

Non-Commercial Organization “Charity Foundation for Social and
Legal Community Assistance Rainbow”
Autonomous Non-Commercial Organization
for Social and Legal Services
“LGBT Organization Coming Out”
Inter-Regional Social Movement “Russian LGBT Network”

ALTERNATIVE REPORT

“IMPLEMENTATION OF THE CONVENTION AGAINST TORTURE AND OTHER CRUEL, INHUMAN OR DEGRADING TREATMENT OR PUNISHMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION IN RELATION TO SEXUAL ORIENTATION AND GENDER IDENTITY”

*Submitted for the 49th session
of the UN Committee against Torture,
Geneva, Switzerland
29 October – 23 November 2012*

Table of Content

SUMMARY	36		
KEY TERMINOLOGY	41		
INTRODUCTION	43		
1. HANT CRIMES AND HATE SPEESH AGAINST LGBT PERSONS (ART. 2, 10, 12, 13, 14 AND 16)	46		
Existing international approaches and practice	46		
The Committee’s recommendations and questions for the Russian Federation	50		
Data on hate crimes and hate speech against LGBT people in Russia	51		
<i>Lack of legislative measures and appropriate law enforcement practice</i>	51		
<i>Lack of the official statistics and programs aimed at prevention of hate crimes</i>	54		
<i>Inaction of law enforcement bodies or lack of appropriate response</i>	56		
<i>Lack of measures aimed at protection of victims and witnesses</i>	58		
<i>Hate crimes against human rights defenders</i>	60		
<i>Adoption of discriminatory laws as a factor contributing to the incitement of hatred against LGBT persons</i>	62		
<i>Hate crimes against LGBT persons and lack of the protection from them as factors relevant to granting asylum for the Russian citizens</i>	66		
Conclusion	69		
2. COERCIVE MEDICAL INTERVENTIONS IN RELATION TO TRANSSEXUAL PERSONS (ART. 2, 10, 12, 14 AND 16)	70		
Existing international approaches and practice	70		
Data on coercive medical interventions in relation to transsexual persons in Russia	72		
<i>Attempts to “cure for transsexualism”</i>	72		
<i>Lack of appropriate legal framework for changing documentation</i>	73		
<i>Administrative practice</i>	74		
<i>Court practice</i>	76		
Consequences of incompatibility between transsexual persons’ appearance and documentation	78		
Conclusion	79		
		3. COERCIVE MEDICAL INTERVENTIONS IN RELATION TO GAY PERSONS (ART. 2, 10, 12, 14 AND 16)	80
		Existing international approaches and practice	80
		Data on coercive medical interventions in relation to gay persons in Russia	81
		Conclusion	83
		PROPOSED QUESTIONS FOR THE RUSSIAN FEDERATION	84
		A. Hate crimes and hate speech (art. 2, 10, 12, 13, 14 and 16)	84
		B. Coercive medical interventions in relation to transsexual persons (art. 2, 10, 12, 14 and 16)	86
		C. Coercive medical interventions in relation to gay persons (art. 2, 10, 12, 14 and 16)	86
		PROPOSED RECOMMENDATIONS FOR THE RUSSIAN FEDERATION	87
		A. Hate crimes and hate speech (art. 2, 10, 12, 13, 14 and 16)	87
		B. Coercive medical interventions in relation to transsexual persons (art. 2, 10, 12, 14 and 16)	89
		C. Coercive medical interventions in relation to gay persons (art. 2, 10, 12, 14 and 16)	89
		ACKNOWLEDGMENTS	90
		INFORMATION ABOUT NGOS SUBMITTING THE REPORT	91

SUMMARY

This report compiles alternative data on the situation of LGBT people in Russia, using the St. Petersburg region in particular to illustrate the problems regarding the implementation of the prohibition on torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. The report examines three main problems, namely: (1) hate crimes and hate speech committed on the basis of real or perceived sexual orientation and gender identity, as well as coercive medical interventions in relation to (2) transsexual and (3) homosexual people.

The UN CAT Convention obliges states parties to implement measures aimed at preventing torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. The recommendations and jurisprudence of international bodies and institutions have interpreted such obligations as implying a need for specific measures to combat hate crimes and hate speech against LGBT people. However, this problem remains extremely prevalent in Russia. In 2006, following consideration of the previous (fourth) periodic report of the Russian Federation, the UN CAT Committee drew the Russian Federation's attention to the problem of violent incidents committed on the basis of the race, ethnicity or identity of the victim,¹ and recommended that the Russian Federation "ensure that all officials are instructed that racist or discriminatory attitudes will not be permitted or tolerated and that any official who is complicit in such attacks will be prosecuted and suspended from his/her

post pending resolution of the case or, if there is a danger of recurrence, transferred to a post which does not enable him/her to come into direct contact with potential victims,"² and instructed the Russian Federation to "ensure prompt, impartial and effective investigations into all such acts of violence."³ Unfortunately, no positive measures were taken in relation to hate crimes and hate speech based on sexual orientation and gender identity.

There is no legislation explicitly recognizing that hate crimes and hate speech directed towards LGBT persons may aggravate the circumstances of the crime. Moreover, existing legal rules are not interpreted to include LGBT people as a specific "social group." Law enforcement bodies do not collect and or analyze statistics on such crimes. There are no awareness or educational programs for law enforcement officials, nor are there programs aimed at preventing hate crimes against LGBT persons. There is no system to protect witnesses and victims of such crimes, which leads to the underreporting of these cases. Unfortunately, when NGOs, and not the victims themselves, report incidents to law enforcement bodies, officials contribute to the problem by refusing to open criminal cases. Crimes are not only committed against individuals, but also against groups and participants of human rights events supporting LGBT rights. In such cases, law enforcement officials generally fail to implement prompt and effective measures to protect activists. Finally, regional laws prohibiting so-called "propaganda of homosexuality among minors" are being adopted in more and more Russian regions. These laws contribute to the incitement of hatred and enmity against LGBT persons and give rise to incidents of hate speech. Such incidents, particularly in the St. Petersburg region, often involve government officials, whose acts remain unpunished.

While the right to officially change one's legal gender status was established by Russian legislation, it is difficult to exercise

this right because the legal mechanism to do so has not been developed, even after fourteen years. As a result, transsexual people are required to undergo various sorts of medical intervention in order to have their legal gender status changed, notwithstanding the fact that such requirements are not mentioned under the law and contradict medical findings. Requirements of surgical procedures, such as sterilization, are a matter of particular concern. It is virtually impossible for transsexual people in many Russian regions to change their legal gender status without such surgical interventions, even through court actions. This situation is exacerbated by the fact that expenses related to these medical interventions are not covered by medical insurance and place a burden on applicants themselves. Moreover, in many regions there are simply no medical professionals who are sensitive to the particular needs of transsexual people. Discrimination and stigmatization within the health care system remain unchallenged, and transsexual people bear the brunt of these problems.

While the Russian Federation officially adopted ICD-10 standards, according to which homosexuality is no longer considered a disease, in practice, there are still cases where gay people are diagnosed simply because of their sexual orientation, or where attempts to “cure” them are made without their consent. It should be noted that many professional organizations have already condemned “curative” or “reparative” therapy.⁴ Moreover, in medical education, outdated approaches to homosexuality remain, and a full revision of medical curriculum and textbooks has yet to be conducted.

At the end of this report, possible questions for representatives of the official Russian delegation are proposed, as well as a list of recommendations that would, in our view, contribute to solving these existing problems.

Recommendations in relation to hate crimes and hate speech include: (1) improving existing legislation and its implementation that would recognize a motive based on a victim’s actual or perceived sexual orientation as an aggravating circumstance; (2) implementing programs aimed at the prevention of hate crimes against LGBT persons, awareness, educational programs for law enforcement officials and judges, as well as measures to protect and maintain the confidentiality of victims and witnesses of such crimes; (3) ensuring prompt, impartial and objective investigations of hate crimes against LGBT persons, and effective punishment of perpetrators; (4) guaranteeing the protection of those participating in public LGBT events from acts of violence, harassment and threats motivated by hatred, as well as ensuring the investigation of abuses that have already been committed against LGBT human rights defenders; (5) publicly condemning hate crimes and hate speech against LGBT persons; (6) establishing a system for gathering and analyzing statistics on hate crimes and hate speech against LGBT persons; and (7) repealing regional legislation prohibiting so-called “propaganda of homosexuality.” The implementation of each of these recommendations would reduce the climate that allows, and even fosters examples of torture committed on the basis of the real or perceived sexual orientation or gender identity of the victim.

Recommendations regarding coercive medical procedures in relation to transsexual people include: (1) issuing an explanatory note for administrative officials and judges on prohibiting the imposition of requirements not prescribed by law or justified by medical need on transsexual people seeking to change their legal gender status such as of surgical procedures, including sterilization; and developing, in cooperation with medical practitioners and NGOs working with transsexual people and representatives of transgender communities, a transparent, accessible and predictable procedure

for changing one's legal gender status that does not require coercive medical interventions. Such medical procedures may themselves constitute acts of torture, for which the state can be held accountable.

Recommendations in relation to coercive medical procedures towards homosexual people include: ensuring the prohibition on treating homosexuality as a disease, pathology or deviation; conducting a comprehensive, independent and impartial investigation into the case of the alleged involuntary detention of a gay teenager in a psychiatric clinic, and bringing the alleged perpetrators to justice.

KEY TERMINOLOGY

Gender identity refers to each person's deeply felt internal and individual experience of gender, which may or may not correspond with the sex assigned at birth, including the personal sense of the body (which may involve, if freely chosen, modification of bodily appearance or function by medical, surgical or other means) and other expressions of gender, including dress, speech and mannerisms (The Yogyakarta Principles).⁵

Hate crime refers to any criminal offence, including offences against persons or property, where the victim, premises, or target of the offence are selected because of their real or perceived connection, attachment, affiliation, support, or membership with a group. A group may be based upon a characteristic common to its members, such as real or perceived race, national or ethnic origin, language, color, religion, sex, age, mental or physical disability, sexual orientation, or other similar factor.⁶ The present report uses this term mostly in relation to hate crimes motivated by hatred against lesbian, gay, bisexual and transgender people.

Hate speech refers to all forms of expression, including in the media and on the Internet, which may be reasonably understood as likely to produce the effect of inciting, spreading or promoting hatred or other forms of discrimination against lesbian, gay, bisexual and transgender persons.³

LGBT is an abbreviation for lesbian, gay, bisexual and transgender people.

Sexual orientation refers to each person's capacity for profound emotional, affectional and sexual attraction to, and intimate and sexual relations with, individuals of a different gender or the same gender or more than one gender (The Yogyakarta Principles).

Transsexual person is a person whose gender identity is opposite to the sex assigned at birth, and who desires to bring his or her body in accordance with the preferred gender – usually by the means of hormonal and surgical correction.⁴

Transsexualism is a medical diagnosis in the International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems (ICD-10) coded F64.0 that falls under the category of gender identity disorders in the class of mental and behavioural disorders.

Transsexual woman (MtF, male-to-female) is a person who was born into a male body but identifies as a woman.

Transsexuality is a state of discrepancy between biological sex and gender identity of a person characterized by the desire to bring one's body in line with one's gender identity.

Transsexual man (FtM, female-to-male) is a person who was born into a female body but has a male identity.

INTRODUCTION

In November 2011, the UN High Commissioner for Human Rights noted in her special report on violence and discrimination against LGBT persons: “In all regions, people experience violence and discrimination because of their sexual orientation or gender identity. [...] Violations include – but are not limited to – killings, rape and physical attacks, torture, arbitrary detention, the denial of rights to assembly, expression and information, and discrimination in employment, health and education.”¹ At the same time, “the obligations of States to prevent violence and discrimination based on sexual orientation and gender identity are derived from various international human rights instruments. These obligations include the ones listed below.”²

One of the core universal international human rights treaties is the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment.³ While gender identity and sexual orientation are not mentioned in the CAT Convention itself, the UN CAT Committee in its general comments noted that “the protection of certain minority or marginalized individuals or populations especially at risk of torture is a part of the obligation to prevent torture or ill-treatment. States parties must ensure that, insofar as the obligations arising under the Convention are concerned, their laws are in practice applied to all persons, regardless of [...] sexual orientation [or] transgender identity.”⁴

It is our opinion that a number of problems faced

by LGBT persons in Russia are connected with the Russian Federation's failure to fulfill its obligations under the CAT Convention in relation to this social group. There is no legislation in the Russian Federation that protects LGBT persons or recognizes them as a vulnerable group. No programs aimed at enhancing tolerance or combating discrimination and violence against this group of people have been developed or implemented. Official statistics regarding hate crimes and other incidents motivated by bias against LGBT persons are not collected. At the same time, the organizations presenting this report, encountered numerous cases of discrimination, violence, and other rights violations directed against LGBT persons. In these cases, the state bodies either fail to protect the victims at all, or take measures that are both ineffective and unsystematic.

Taking all this into account, the present report is devoted to filling the existing informational gap and providing members of the UN CAT Committee with additional data on the situation of LGBT persons in Russia with respect to the CAT Convention.

This report examines three main problems that fit within the frameworks of the UN CAT Convention.

The first problem concerns hate crimes and hate speech directed at LGBT persons, as well as the lack of legislative, administrative, organizational and other measures to combat these infringements (such as the recognition of a motive based on a victim's actual or perceived sexual orientation as an aggravating circumstance in legislation, the development of the system of investigation of such crimes, the protection of victims and witnesses, etc.), and the absence of programs aimed at preventing such crimes.

The second problem relates to coercive medical interventions in relation to transsexual people. Due to the absence of a clear and

transparent procedure for the recognition and changing of one's legal gender status, officials often require transsexual persons to undergo various sorts of medical interventions. This raises the concern that transsexual people are being coerced to undergo surgery as a prerequisite to changing their legal gender status, when there is no legal requirement to do so.

Finally, we also note the current problem of treating homosexuality as a disease and attempting to "cure" people of homosexuality, despite the fact that Russia has adopted standards established by the 10th revision of the International Classification of Diseases (ICD-10).

Each of these problems facilitates acts of torture or cruel, inhuman, and degrading treatment, for which the state can and should be held accountable. We assert that each of these problems creates a climate in which torture is deemed acceptable, and may represent acts of torture preventable by, and indeed sometimes administered by, state agents.

At the end of this report, we provide a list of possible questions and recommendations that would allow the Committee to examine the situation of LGBT persons in the Russian Federation in more detail, and ensure the improvement and development of measures to protect LGBT persons from torture and other cruel, inhuman or degrading treatment.

1. HANT CRIMES AND HATE SPEESH AGAINST LGBT PERSONS (ART. 2, 10, 12, 13, 14 AND 16)

Existing international approaches and practice.

The CAT Convention established a number of obligations for member states aimed at overcoming the consequences of and preventing torture itself and “other acts of cruel, inhuman or degrading treatment or punishment [...], when such acts are committed by or at the instigation of or with the consent or acquiescence of a public official or other person acting in an official capacity.”¹ The Convention dictates that member states shall take effective legislative, administrative, judicial or other measures to prevent the mentioned acts,² shall ensure that its competent authorities proceed to a prompt and impartial investigation of such acts,³ shall ensure that any individual who alleges he has been subjected to torture in any territory under its jurisdiction has the right to complain to, and to have his case promptly and impartially examined by, its competent authorities, and to ensure that the complainant and witnesses are protected against all ill-treatment or intimidation as a consequence of his complaint or any evidence given.⁴

The CAT Committee noted in its **General Comments No. 2 – Implementation of article 2 by States parties** that “the protection of certain minority or marginalized individuals or populations especially at risk of torture is a part of the obligation to prevent torture or ill-treatment. States parties must ensure that, insofar as

the obligations arising under the Convention are concerned, their laws are in practice applied to all persons, regardless of [...] sexual orientation [or] transgender identity [...]. States parties should, therefore, ensure the protection of members of groups especially at risk of being tortured, by fully prosecuting and punishing all acts of violence and abuse against these individuals and ensuring implementation of other positive measures of prevention and protection, including but not limited to those outlined above.”⁵

Thanks to the states parties’ periodical reports concerning the implementation of the UN CAT Convention, the UN CAT Committee repeatedly recognized the problem of hate crimes and hate speech against so-called vulnerable groups or minority groups. In particular, the Committee expressed its concern over the very existence of such acts, as well as the inappropriate responses to them (i.e., lack of effective investigation) by law enforcement agencies.⁶ The Committee also recommended that states parties adopt legislation for combating hate crimes and hate speech and ensure its proper implementation.”⁷

Additionally, the Committee consistently pays special attention to hate crimes and hate speech directed towards LGBT persons. For instance, the Committee expressed its concern at hate crimes and hate speech, and other abuses committed against LGBT persons by both officials and private actors.⁸ It recommended that states parties ensure the protection of such a vulnerable group, adopt legislation to combat hate crimes and hate speech, and develop measures to properly implement such legislation in order to ensure the careful investigation of crimes and the creation of a safe environment for reporting such crimes. Furthermore, the Committee underscored the need to collect and analyze statistics on such crimes.⁹

The Special Rapporteur on the question of torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment¹⁰ also

drew attention to the fact that members of the LGBT community often fall victim to torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment in the form of physical violence and “corrective rapes” due to their real or perceived sexual orientation or gender identity.¹¹ He was additionally concerned that “members of sexual minorities are disproportionately subjected to torture and other forms of ill-treatment, because they fail to conform to socially constructed gender expectations. Indeed, discrimination on the grounds of sexual orientation or gender identity serves to dehumanize the victim, which is often a necessary condition for torture and ill-treatment to take place.”¹²

According to **the Organization for Security and Cooperation in Europe**, homophobic hate crimes and related incidents often exhibit a high degree of cruelty and brutality, which may include beatings, torture, mutilation, castration and sexual assault.¹³

The UN High Commissioner for Human Rights in her report on sexual orientation and gender identity pointed out that “quantifying homophobic and transphobic violence is complicated by the fact that few States have systems in place for monitoring, recording and reporting these incidents. Even where systems exist, incidents may go unreported or are misreported because victims distrust the police, are afraid of reprisals or threats to their privacy, are reluctant to identify themselves as LGBT or because those responsible for registering the incidents fail to recognize the motives of the perpetrators.”¹⁴

On the basis of data contained in the report, it was recommended that member states: “investigate promptly all reported killings and other serious incidents of violence perpetrated against individuals because of their actual or perceived sexual orientation or gender identity, whether carried out in public or in private by State or non-State actors, and hold perpetrators

accountable, and establish systems for the recording and reporting of such incidents; and take measures to prevent torture and other forms of cruel, inhuman or degrading treatment on grounds of sexual orientation and gender identity, to investigate thoroughly all reported incidents of torture and ill-treatment, and to prosecute and hold accountable those responsible.”¹⁵

Consideration of the problem of hate crimes and hate speech directed towards LGBT persons is becoming more and more frequent amongst the institutions of the Council of Europe. For example, **the CM Recommendation** established a set of measures to be implemented by member states in order to protect LGBT communities from hate crimes.¹⁶ In particular, these measures include guaranteeing the proper investigation of such crimes, ensuring that aggravating circumstances (i.e., hatred based on sexual orientation or gender identity) are taken into account when determining sanctions, ensuring support for and protection of witnesses and victims, as well as collecting and analyzing data on such crimes. A specific list of measures established by the CM Recommendation is aimed at combating hate speech directed towards LGBT persons.¹⁷ Similar recommendations for member states were also drafted by **the Council of Europe Commissioner for Human Rights** following the results of comparative research on the social and legal situation of LGBT persons in all 47 Council of Europe member states.¹⁸

The European Court of Human Rights has already held that failure to take aggravating circumstances into account when investigating and determining sanctions for hate crimes could constitute a violation of articles 3 (prohibition of torture) and 14 (prohibition of discrimination) of the Council of Europe Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms¹⁹

Finally, the **Yogyakarta Principles** paid special attention to defining states' obligations and measures aimed at combating and preventing hate crimes and hate speech.²⁰ It is worth noting that the UN CAT Committee has already proposed these principles as a possible standard for implementation of the Committee's recommendations by states parties.²¹

The problem of hate crimes and hate speech against LGBT persons in Russia has been already recognized by the UN treaty bodies. For instance, in 2009 the UN Human Rights Committee voiced its concern at "acts of violence against lesbian, gay, bisexual and transgender (LGBT) persons, including reports of harassment by the police and incidents of people being assaulted or killed on account of their sexual orientation," and pointed out the existence in Russia of "hate speech and manifestations of intolerance and prejudice by public officials, religious leaders and in the media."²² Similar observations were formulated by the UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women in 2011.²³

The Committee's recommendations and questions for the Russian Federation.

Following consideration of the previous (fourth) periodic report of the Russian Federation in 2006, the UN CAT Committee drew the Russian Federation's attention to the problem of violent incidents committed because of the race, ethnicity or identity of the victim, noting at the same time "the reported rise in [such] violent attacks [...], and the alleged absence of effective investigations into such crimes."²⁴ It was recommended that the Russian Federation "ensure that all officials are instructed that racist or discriminatory attitudes will not be permitted or tolerated and that any official who is complicit in such attacks will be prosecuted and suspended from

his/her post pending resolution of the case or, if there is a danger of recurrence, transferred to a post which does not enable him/her to come into direct contact with potential victims."²⁵ The Committee also highlighted the need to "ensure prompt, impartial and effective investigations into all such acts of violence."²⁶

In 2009, the Committee additionally proposed that the Russian Federation explain, in detail, what measures were implemented to organize awareness campaigns, whether investigations into complaints of hate crimes were conducted, how many of them resulted in charges against perpetrators, and what kinds of punishments were implemented.²⁷

Data on hate crimes and hate speech against LGBT people in Russia.

Lack of legislative measures and appropriate law enforcement practice.

The Criminal Code of the Russian Federation²⁸ establishes a list of specific protected grounds. According to this list, motives based on a bias towards any sort of "social group" could be recognized as an aggravating circumstance, or could constitute an essential element of the crime as defined in the Criminal Code.²⁹ It should be noted that the list contained in the initial version of the Criminal Code was later amended. However, neither sexual orientation, nor gender identity was included in the provisions of the Criminal Code despite attempts to amend the legislation accordingly.³⁰

LGBT organizations' proposals to implicitly add sexual orientation and gender identity to the Criminal Code's list of protected grounds are constantly ignored by officials, alleging that "our society is not ready for this yet,"³¹ or that such amendments would be "unreasonable." Moreover, representatives of the

government sometimes fail to recognize the importance and value of creating a system to protect LGBT people from hate crimes. The officials stated, for example, that establishing such a system would lead to a violation of other people's rights and interests.³²

Under the current legislation, therefore, hate crimes directed towards LGBT persons could theoretically be considered as hate crimes committed against a "social group" (although this is not explicitly mentioned in the Criminal Code). However, even this option remains only speculative and in practice the law is not implemented in such a way.

For instance, in 2008, law enforcement officials refused to recognize a public statement made by the governor of a Russian region. The governor said: "Tolerance?! To hell! Faggots must be torn apart and their pieces should be thrown to the wind!... This rotten nest must be wiped out!" The refusal to open the case was justified by an expert opinion stating that gay people are not a social group. An alternative expert opinion by Prof. Igor Kon explaining that gay people could be considered as a social group, was not taken into account.³³ In another case in 2007, law enforcement officials refused to start a criminal case against religious leaders under art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation (incitement of hatred or enmity towards a social group). The religious leader stated that gay people "must be just beaten." The refusal to open the case was also justified by an expert opinion according to which "sexual minorities are not a social group, much less a gender-defined social group, they are part of a deviant social group together with criminals, drug addicts, and other individuals with deviant behavior."³⁴

The LGBT organizations asked the Supreme Court of the Russian Federation to explain the term "social group" mentioned as a protected ground by the Criminal Code. However, this request

was refused.³⁵ The resolution "On judicial practice on criminal cases of crimes of extremist nature"³⁶ recently issued by the Plenum of the Russian Supreme Court does not even mention the protection of LGBT people in relation to hate crimes.

In practice, courts sometimes charge people committing hate crimes against LGBT persons. However, the courts do it on general grounds, and the motive of crime is not investigated into and not taken into account when determining sanctions.

For example, a transsexual woman was brutally beaten to death by a group of men in 2011 in Moscow. According to the results of the forensic medical examination, the victim's death was caused by open skull fractures, accompanied by multiple contusions on the head, cerebral contusion and other brain injuries. While the perpetrators were found guilty and convicted (for infliction of a grave injury involving the death of the victim by negligence), the real motive of the crime was not taken into account by the court. This happened notwithstanding the fact that perpetrators themselves, as well as witnesses of the crime, openly indicated the motive (the perpetrators started to beat the woman right after they realized that she was transsexual), and it was recorded in reports and court decisions.³⁷

In September 2010, three young men cruelly beat their acquaintance to death. It was established in the judgment that this crime was committed "intentionally, because of the personal aversion resulting from the assumption that [the victim] was a person of non-traditional sexual orientation,"³⁸ and that the victim suffered multiple grievous bodily injury, including "haematoma of the chest region (left), fractured ribs, injuries to the pleural cavity, as well as internal haemorrhaging of the abdominal and small intestines [...] that led to the victim's death a short time later." One of the attackers admitted that "in the conversation someone

supposed that [the victim] was a person of non-traditional sexual orientation. Such message made [perpetrators] indignant.”³⁹ One of the attackers was found guilty by the court judgment and punished with a jail term of four years and three months. However, the court in this case stated that there was no aggravating circumstance.⁴⁰ Another attacker, who was older, was sentenced to imprisonment for four years and six months, and the court also failed to find any aggravating circumstances.⁴¹

Lack of the official statistics and programs aimed at prevention of hate crimes.

In Russia, statistics on hate crimes and hate speech are not gathered and, accordingly, are not analyzed. One reason for this is that sexual orientation and gender identity are not listed among the protected grounds in legislation, and therefore are not included in official statistical forms.⁴²

The requests of LGBT organizations to law enforcement bodies to provide them with such statistics remain unanswered. Federal and regional bodies reply that such crimes were not recorded (criminal cases were not opened or investigated)⁴³ or even that such crimes were not committed.⁴⁴ What is indicative here is that, due to the lack of statistics, law enforcement bodies usually conclude that there are no crimes, and therefore no need to adopt legislation that would protect LGBT persons from hate crimes and hate speech. Furthermore, this prevents the introduction of sensitivity training for law enforcement bodies, and the development and implementing programs aimed at preventing hate crimes and hate speech.⁴⁵

St. Petersburg is a region that is illustrative in this regard, as it hosts the highest number of active human rights and other LGBT-focused NGOs, and at the same time, has a high incidence of violent

attacks against members of the LGBT community. Furthermore, there have been numerous legislative attempts to limit the rights of LGBT activists. According to the monitoring programs conducted by the LGBT Organization “Coming Out,” in collaboration with the ISM “Russian LGBT Network” in St. Petersburg, only one hate crime case (a beating) against members of the LGBT community was recorded in 2010. In 2011 13 incidents were recorded in the monitoring database, while 6 cases (namely, five beatings and one murder) have been recorded in 2012 to date.

However, regional law enforcement bodies do not recognize the problem and do not intend to develop any programs aimed at preventing hate crimes against LGBT people. For example, the Head of the Central Internal Affairs Directorate in St. Petersburg and Leningrad Oblast noted: “cases of mass or systemic crimes against the mentioned class of people, as well as cases of violations of these people’s rights on the ground of hatred against this social group by law enforcement officials were not recorded in St. Petersburg and Leningrad Oblast during the last several years. For this reason, we believe that the development of a special program of prevention of hate crimes against homosexuals, bisexuals and transsexuals, as well as including materials on the prevention of such crimes into vocational training curriculums for law enforcement officials, and collecting detailed statistical information about hate crimes against the mentioned class of people, would be unreasonable.”⁴⁶ The same opinion was expressed by the Deputy Chief of the Committee on Law, Order and Security of the Government of St. Petersburg: “development of a specific program of prevention of crimes motivated by hatred against homosexual, bisexual and transgender people in St. Petersburg appears to be unreasonable.”⁴⁷

Inaction of law enforcement bodies or lack of appropriate response.

A special problem related to hate crimes against LGBT persons within the context of the UN CAT Convention is the conduct of state representatives – especially law enforcement bodies. Unfortunately, they either remain inactive (refuse to open criminal cases, do not come to the scene of the incident), or their actions are ineffective and inadequate in relation to the circumstances (efforts are not made to find perpetrators or determine the motives for their crimes, necessary evidence are not collected, etc.).

For example, a group of LGBT activists disseminating leaflets about tolerance toward LGBT persons in the streets was attacked on 30 October 2010 in Tomsk. The activists were attacked by a group that consisted of eight or nine men whose faces were hidden by white and green colored scarves, the traditional color of a local football club. The attackers shouted homophobic slurs. As a result of the cruel attack, three of the LGBT activists found themselves in the hospital with serious injuries. The attack had taken place right near the police station, but police officers did not intervene.⁴⁸ The victims made every effort to have the incident investigated. However, the police stopped the case, noting that no perpetrators were found and that it was impossible to categorize the attack as a hate crime, since the victims did not prove their affiliation with a particular social group (despite the fact that investigative authorities were aware of the leaflets being disseminated, the nature of the activists' work, and the homophobic slurs shouted at them).⁴⁹

On 12 March 2012 in Samara, a young man (M.) went out with a group of people, including an acquaintance of his. Eventually, M. came out, stating that he is gay. Later, when M. decided to go home, his acquaintance proposed to accompany him.

In the elevator, he beat M. in the head. M. went to the hospital, where he was diagnosed with facial bruising and a brain injury (brain contusion). These facts were submitted to the police. After M. was released from the hospital, he went to the police in order to submit an application to open a case. However, the police officers started to convince him not to take any action, and instead to invite the perpetrator to the police station in order to “talk and solve the disagreement.” After M. refused to do this, police officers refused to give him a document confirming receipt of his complaint, and issued it to him only after a conversation with a lawyer from the Russian LGBT Network.⁵⁰

In March 2012 in Omsk, a transsexual woman was attacked by a group of young men. The girl was followed by men from the karaoke club where she had been. Before the attack started, the girl managed to call the police by phone (and also called them several times after). However, police officers only arrived after 40-50 minutes and waited further before intervening (by that time attackers had already started to beat the woman). After taking the victim and two of the perpetrators to the police station, the officers reluctantly called an ambulance, recorded their testimonies, and released all of them. The next day, the woman got a forensic medical examination and submitted the results to the police. However, the police refused to open the case on the basis of insufficient evidence.⁵¹

On 20 November 2010 in St. Petersburg, a group of neo-Nazis, supporters of the Russian Imperial Movement, members of the ultra-right religious organization “Narodny Sobor,” and football fans, attacked participants of a protest held by the LGBT organization “Equal Rights” (“Ravnopravie”) and dedicated to the International Day of Tolerance. The attackers threw eggs and firecrackers, snatched posters and banners from the organizers’

hands, and shouted insults such as “Sodom will not pass,” “Faggots, get out of St. Petersburg!”, “Down with faggots!”. This was all recorded in photographs and video made at the scene. Despite the fact that the event had been approved by the administration of the Central District of the city, the police failed to prevent the attack. Moreover, a proper investigation into the attack was not carried out, despite the request submitted to the Main Department of the Ministry of Internal Affairs and the General Prosecutor’s Office in St. Petersburg by the LGBT organization “Coming Out” and the victims themselves.⁵²

On 20 November 2011, a flash mob, whose members opposed the adoption of law on prohibition of so-called “propaganda of homosexuality” was organized at the Dvortsovaya Square in St. Petersburg. At the end of the event, one of the Flashmob observers asked police officers to accompany a group of flash mob participants to the subway because of the risk of attacks by nationalists and football fans. However, the police officer refused to accompany the group, saying that their security was their own business.⁵³

Lack of measures aimed at protection of victims and witnesses.

The need to ensure the protection and safety of witnesses and victims of hate crimes is established by the UN CAT Convention. More specifically, the recommendations of a number of international bodies call for the need to protect the witnesses and victims of hate crimes against LGBT persons. However, Russia has not taken any steps to protect the witnesses and victims of hate crimes against LGBT people. This significantly reduces the possibility of opening and investigating such crimes. According to Russian legislation, hate crimes are considered cases of public prosecution (meaning that law enforcement officials should open investigations

regardless of where information concerning the case came from). Similar crimes without such a motive are in many instances considered as cases of private prosecution, meaning they can only be opened upon request of the victim). However, when it comes to hate crimes motivated by homophobia, the victims are already in an atmosphere of extreme insecurity, having been violently attacked simply because of their integral characteristics. Additionally, the victim of a hate crime may be afraid of a similar incident occurring again or of retaliation by radical groups. Therefore, he or she may be even more reluctant to contact the police, to be involved in the case, or to face with her or his attackers. As a result, hate crimes against LGBT people often go unpunished, and the cycle of violence continues.

On 24 December 2011 in Novosibirsk a rally for fair elections, one of the rally participants was attacked. This person, an LGBT activist, spread out the rainbow flag (there were many different symbols carried by representatives of different movements). Just a few minutes later, he was assaulted, knocked down and beaten. The attackers allegedly were members of a nationalist group. The victim was rescued by a police officer, but the incident was not officially documented, the attackers were not detained, and the attackers continued to participate in the rally and speak at the scene. The LGBT organizations asked law enforcement bodies to open a criminal investigation into the attack, emphasizing the need to examine the motive for the attack. The organizations’ listed specific provisions of the Criminal Code of the Russian Federation permitting the classification of the case as a hate crime against a social group, and specific information, upon which it would be possible to allege a motive of hatred for the attack, was provided (rainbow flag as a symbol of the gay movement, the nationalist symbols of the attackers, etc.). However, in early 2012, law

enforcement officials refused to open a criminal case, alleging that this was a case of private prosecution and that the victim did not request an investigation. The activist did not go to law enforcement officials himself out of the fear for his own safety and that of his family. However, under the Criminal Code of the Russian Federation, only cases of “simple” assault are considered “private cases,” while hate-motivated crimes are automatically cases of public prosecution. This means that law enforcement authorities are obligated to open a case on the basis of information received, even without a statement by the victim.⁵⁴

Hate crimes against human rights defenders.

As was noted by the Special Rapporteur, LGBT human rights defenders “are often very vulnerable to prejudice, to marginalization and to public repudiation, not only by State forces but other social actors.”⁵⁵ Therefore, hate crimes against LGBT human rights defenders should be a matter of special concern for states. Unfortunately, such crimes in Russia are committed often, however not one case has led to the prosecution of the perpetrators.

St. Petersburg is again a very illustrative example in this regard. Many pro-LGBT demonstrations and public events are held, and several LGBT organizations are active in this region.

For instance, on 17 May 2012, the LGBT organization “Coming Out” held a legal demonstration “Rainbow Flashmob.” Law enforcement officials offered protection for the event. “Orthodox activists” opposed to public actions of the LGBT community gathered near the demonstration’s participants. One of the counterdemonstrators attacked the Flashmob participants and fired a gas gun at the face of one of the participants in the LGBT demonstration. Physical injuries were recorded by the emergency medical facility. The incident was videotaped and photographed.

The attacker was arrested by police officers. A criminal case on “Hooliganism” was opened, but the motive of the attack was not considered by law enforcement bodies, despite efforts made by the victim himself, as well as by his representatives.

At the same time, radical young men belonging to an ultra-right group gathered near the LGBT demonstration. Young men, most of whom had hidden their faces under masks and scarves, came to the opposite side of the embankment. Walking along the embankment, near the LGBT demonstrators, they chanted “We will hang and bury you!” and raised their right hands. After the demonstration had finished, the participants were placed in buses organized by the police, and taken to a subway station. At the same time, the same counterdemonstrators attacked two buses with foreign workers, with shouting homophobic slurs. They knocked out the windows of the buses, assaulted people, and created a traffic jam. The police stood near and did nothing.

In June 2012 in St. Petersburg, activists of the human rights group “Alliance of Heterosexuals for Equal Rights of LGBT” were attacked after a democratic civil society demonstration. The attackers, several aggressive young men, beat the activists, snatched banners from their hands, and then tried to disappear. Police arrested three of the attackers. All the victims had injuries and required medical attention. They submitted medical documents to the police. The police considered the incident as an act of “hooliganism.” Although the victims noticed that they were being followed during the demonstration and told police officers about this, the police officers convinced them that nothing would happen, and they could not go to protect everybody.

The organizers of the LGBT Film Festival “Side by Side” constantly face threats, physical attacks and harassment. However, in most cases, law enforcement bodies do not take action.

For example, before the opening of the festival in Kemerovo on 1 June 2012, the festival's organizers were threatened by the ultra-right group "Russian Patriotic Club" based nearby in Novokuznetsk. These threats were reported to the police by the organizers of the festival, but the police did not take action. After that, the organizers of the festival met with officials of local law enforcement agencies and the city administration, but the officials refused to protect the festival. On 3 June 2012, the regional festival coordinator was attacked. A member of "Russian Patriotic Club" stated in a video disseminated on social network sites, that they "had to go in Kemerovo" and that they "were going to burn out to hell the hotel [where the festival was planned to be held]."

On 6 June 2012 in Novosibirsk, during the second day of the "Side by Side" festival a group of about 30 homophobic young people surrounded the building where the films were being screened. The police present at the scene asked the people to leave. The young people did this, but returned a few minutes later. The organizers left the building at 9pm in the custody of the police. While they were sitting in a taxi, an attempt was made to break the windows of their car, and the car was struck by surrounding cars and motorcycles. The police did not react.⁵⁶

Adoption of discriminatory laws as a factor contributing to the incitement of hatred against LGBT persons.

The problem of hate crimes is closely connected with the emerging societal support for negative or aggressive attitudes towards the LGBT community. In turn, this situation worsened by discriminatory laws and by laws restricting the rights of a specific social group, which symbolically sanctioning violence against them.

As was stressed by the Special Rapporteur, "because of their economic and educational situation, allegedly often exacerbated

or caused by **discriminatory laws** [bold added] and attitudes, members of sexual minorities are deprived of the means to claim and ensure the enforcement of their rights."⁵⁷ The relationship between discriminatory or restrictive laws and the growing number of hate crimes against LGBT people was proved through research statistics.⁵⁸

The Committee has also noted that it is inadvisable to punish or ban the activities of groups that are already vulnerable to hate crimes, as such actions place the representatives of such groups at further risk. The Committee also condemns statements of officials demanding that minority groups "not provoke" society.⁵⁹

In this regard, it is extremely important to highlight the laws prohibiting so-called "propaganda of homosexuality among minors" that have been adopted in several Russian regions. The first such law was adopted in Ryazan in 2006. A similar law was adopted in St. Petersburg garnered the most public attention,⁶⁰ when LGBT organizations actively protested against it. By now, such legislation has already been adopted in nine Russian regions, and a draft of an analogous federal law was introduced in the State Duma.⁶¹

Although these laws were adopted recently, trends relating to hate crimes against LGBT persons can already be tracked. Radical groups perceive the adoption of such laws as sanctioning violence.

Thus, in St. Petersburg, representatives of groups attacking LGBT people and pro-LGBT demonstrations, openly state that by doing this, they are "defending the law." For example, on 17 May 2012 (see the case above) one of the counterdemonstrators said in the interview: "These barefaced sodomites are violating the law, they want to recruit youngsters to do their perverse things and debauch these people."⁶²

Also in St. Petersburg in 2012, one of the attackers of the

activists of the group “Alliance of Heterosexuals for Equal Rights of LGBT” (see above) was arrested by police and detained. However, he was soon released, and the judge took into account an appeal prepared by six ultra-right organizations in support of the attacker.⁶³ In addition, a campaign in support of the attacker was organized in on a social network, and the attacker was presented as “one stopping the perverts’ infringement of the law” and “fulfilling his civic duty.” Participants in the campaign state that the attacker “has suffered because of his non-indifference,” and “fighting propaganda of sodomy and pedophilia is the duty of every citizen, irrespective of his religion and sexual orientation.” The organizers of this campaign also sent letters to the Governor of St. Petersburg, appealing to the fact that he “is Orthodox” and “signed a law banning the propaganda of sodomy” to gain support of the public.⁶⁴ During protest in support of the attackers, posters with slogans such as “They are not victims, they are child molesters!”, “He was protecting our children from child molesters,” “He prevented the infringement of the law, and they want to give him seven years” were used.⁶⁵ A lawyer of the attacker notes that “in the third year of an active struggle against sodomy, even after the adoption of the law, law enforcement officials punish those who tried to stop the illegal actions of perverts instead of the perverts themselves. And to the delight of the enemies of the country, the church and of society, a man, who simply snatched a banner from a fagot, was detained.”⁶⁶

Moreover, the discussion and adoption of such “anti-propaganda” laws are often accompanied by hate crimes directed towards LGBT, often perpetrated by officials themselves. For example, when the draft of the law was being considered by the St. Petersburg Legislature, Ms. Elena Babich, the head of the Russian Liberal Democracy Party’s faction expressed her indignation at the fact that the proposed punishment

was merely administrative, “a cheap fine,” and suggested instead, a life sentence for “propaganda of perversions.”⁶⁷

Mr. Vladimir Karpov, a member of the state policy, legislation and local government of the Novosibirsk Legislature, stated that “homosexuality is an evil so serious that the legislature should get people involved who can professionally counteract this.” Mr. Karpov then mentioned law enforcement bodies and representatives of religions “that strive to suppress this evil by their own means” as “the experts in the appropriateness of the LGBT community’s existence.” According to him, law enforcement bodies “suppress the propaganda even without relevant provisions in the law.”⁶⁸ Mr. Aleksandr Zhivaykin, the Deputy Head of the Committee on Health Care, Demography and Social Policy of the Samara Legislature, said: “I believe that such things as propaganda of homosexuality... as well as any acts in this regard should be punishable by death.”⁶⁹

In April 2012, Mr. Dmitry Kiselev, the TV host, stated in his broadcast: “it is not enough to fine gays for propaganda of homosexuality. It should be prohibited for them to donate blood and sperm, and their hearts in cases of traffic accidents should be buried and burned out as unfit for the continuation of one’s life.”⁷⁰ Several LGBT activists prepared an appeal on this case to the General Prosecutor asking him to conduct an examination of Mr. Kiselyov’s statement under Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation (“Inciting hatred or enmity, and humiliation of human dignity”). More than 500 people signed this appeal.⁷¹ The appeal was forwarded from the General Prosecutor’s Office to the Center for Extremism Prevention of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs in Moscow, and the latter found no violations of the Russian legislation.⁷²

Finally, it should be noted that following the consideration of the previous periodic report of the Russian Federation,

the Committee has already expressed its concern at the persecution of human rights defenders and the entering into force of legislation that “expands the State’s discretion to interfere in and severely hamper the activities of non-governmental organizations.”⁷³ Legislation prohibiting so-called “propaganda of homosexuality” just supports the trend of limiting the activities of human rights defenders working with LGBT communities.

Hate crimes against LGBT persons and lack of the protection from them as factors relevant to granting asylum for the Russian citizens.

The high frequency of and impunity for hate crimes committed against LGBT persons in Russia result in attempts by Russian LGBT persons to find a safe haven outside of Russia. Additionally, more and more states are recognizing that a severe problem exists in Russia and are granting asylum for Russian LGBT persons, due to the persecution they face at home. This trend first appeared in the 1990s, and only strengthened with the growing manifestations of homophobia and transphobia in Russia, which include the adoption of laws prohibiting the so-called “propaganda of homosexuality.” Below are just a few examples of situations in which Russian LGBT citizens were forced to seek refuge outside the Russian Federation.

- *1996, Canada:* asylum was granted to Russian lesbian women. Canadian officials found that homosexual people in Russia were a prime target for violence, and the police had been found to perpetrate criminal acts against homosexual people or refused to intervene when witnessing acts of violence. As Canadian officials noticed, “claimants had shown clear and convincing evidence of the state’s inability to protect them.”⁷⁴

- *1998, Canada:* asylum was granted to a Russian lesbian woman. In Russia, she was fired for refusing sexual advances of her employer; she was raped by two men, then complained to the police, but no action was taken. Canadian officials recognized that a strong social stigma was still alive in relation to lesbian women, victims of sexual assault were not well protected by law enforcement bodies, and the claimant’s sexual orientation increased her vulnerability to rape and physical assault; there was a strong likelihood that she would be persecuted if returned to Russia; asylum granted.⁷⁵
- *2001, Canada:* asylum was granted to a gay man, who was a gay activist and university professor in Russia. A ground for asylum was based on information that he was coerced by plain-clothed police officers to collaborate and out his colleagues and friends.⁷⁶
- *2005, France:* asylum was granted to a Russian gay man. The claimant was persecuted during the course of his military service due to his homosexuality. He was regularly beaten and was hospitalized numerous times. Coming back to his hometown, he founded a gay-rights group and because of his activities was subject to violence perpetrated by police. French authorities found that there was a high likelihood of further abuse at the hands of police and the general population of his community if the claimant were to return to Russia.⁷⁷
- *2006, France:* asylum was granted to a man of Ingush origin. In 2003, he began a sexual relationship with a male friend. After the two were discovered by his lover’s wife, his lover was beaten to death by his own brothers. After the two were discovered by his lover’s wife, his lover

was beaten to death by his own brothers. The applicant's home was the target of machine gun fire and he was forced into hiding after being threatened by his lover's family. Because of his sexual orientation, the authorities refused to offer him protection. Despite the decriminalization of homosexuality in the Russian Federation, the French court found, nevertheless, that public attitudes had not changed and homosexuals were subject to severe persecution. Furthermore, the government was unable or unwilling to prevent persecution by third-party individuals.⁷⁸

- *2011, United States:* asylum was granted to a Russian gay man. While attending a gay pride march in Moscow, he was beaten and tasered by military police officers and left bloodied and injured in the streets.⁷⁹
- *2011, United States:* asylum was granted to a gay man from Russia, where he was persecuted by both civilians and officials. A group of thugs overheard the applicant talking about being gay while at a café. They followed him as he left the café and threw him to the ground and beat him up. When police arrived, they told the applicant that he was lucky they were not there themselves to join in the beating.⁹²

Conclusion.

The UN CAT Convention obliges states parties to implement measures aimed at preventing torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. The recommendations and jurisprudence of international bodies and institutions have interpreted such obligations as implying a need for specific

measures to combat hate crimes and hate speech against LGBT people. However, this problem remains extremely prevalent in Russia. There is currently no legislation explicitly recognizing that hate crimes and hate speech directed towards LGBT persons may aggravate the circumstances of the crime. Moreover, existing legal rules are not interpreted to include LGBT people as a specific "social group." Law enforcement bodies neither collect nor analyze statistics on such crimes. Awareness and educational programs for law enforcement officials are not organized, nor are programs aimed at preventing hate crimes against LGBT persons. There is no system for the protection of witnesses and victims of such crimes, which leads to the underreporting of these cases. At the same time, when NGOs, rather than victims themselves, report incidents to law enforcement bodies, officials contribute to the problem by refusing to open criminal cases. Crimes are committed not only against individuals, but also against groups and participants of human rights events supporting LGBT rights. In such cases, law enforcement officials generally do not respond at all, or take measures that are ineffective and come too late. Finally, regional laws prohibiting so-called "propaganda of homosexuality among minors," adopted in a number of Russian regions, contribute to the incitement of hatred and enmity against LGBT persons and give rise to incidents of hate speech. Such incidents often involve government officials, whose acts remain unpunished.

2. COERCIVE MEDICAL INTERVENTIONS IN RELATION TO TRANSSEXUAL PERSONS (ART. 2, 10, 12, 14 AND 16)

Existing international approaches and practice.

The problem of coercive medical interventions is not a new for the Committee. Both **the Committee and the Special Rapporteur**, in relation to a number of member states, have addressed the issue of coercive sterilization of women in general,⁹³ as well as the sterilization of women belonging to vulnerable social groups.⁹⁴ The Special Rapporteur highlighted that “Whereas a fully justified medical treatment may lead to severe pain or suffering, medical treatments of an intrusive and irreversible nature, when they lack a therapeutic purpose, or aim at correcting or alleviating a disability, may constitute torture and ill-treatment if enforced or administered without the free and informed consent of the person concerned.”⁹⁵

The Committee has already voiced its concern at the practice of gender reassignment surgeries without proper consent of an intersex patient or his/her representative, as well as at the lack of investigation into such incidents.⁹⁶ As a result, the Committee recommended that states ensure the application of proper standards concerning informed consent to surgical intervention (including informing parents about the consequences of voluntary surgical interventions), conduct investigations of cases where surgeries are performed without consent, and organize relevant educational programs for medical professionals.⁹⁷

The World Medical Association (WMA) and IFHHRO – International Federation of Health and Human Rights Organizations noted that “involuntary sterilization is a clear infringement of a persons’ reproductive autonomy and human rights. Among those affected are [...] transgender persons [...]. Consent to sterilization should be free from material or social incentives and should not be a condition of other medical care, social, insurance or institutional benefits.”⁹⁸

The UN Human Rights Committee, considering a periodical report of Brazil, voiced its concern at situations where employment opportunities for women are dependent on sterilization. The Committee condemned practices requiring women to provide certificates proving sterilization when applying for jobs, and noted that Brazil should introduce measures to combat such practices – including the imposition of punishments.⁹⁹

Several Council of Europe institutions highlighted the problem of coercive medical interventions among transgender patients. For example, **the Council of Europe Committee of Ministers** asked states to abolish these inhumane requirements, posing as prerequisites to changing one’s legal gender status.¹⁰⁰

The Council of Europe Commissioner for Human Rights in his issue paper called “Gender Identity and Human Rights,” emphasized this problem of requiring transgender people to undergo irreversible surgical procedures, such as sterilization or hormonal treatment, before allowing them to change their legal gender status. “Such requirements clearly run counter to the respect for the physical integrity of the person. – Stated the Commissioner. – To require sterilization or other surgery as a prerequisite to enjoy legal recognition of one’s preferred gender ignores the fact that while such operations are often desired by transgender persons, this is not always the case. Moreover, surgery of this type is not

always medically possible, available, or affordable without health insurance funding. The treatment may not be in accordance with the wishes and needs of the patient, nor prescribed by his/her medical specialist. Yet the legal recognition of the person's preferred gender identity is rendered impossible without these treatments, putting the transgender person in a limbo without any apparent exit. It is of great concern that transgender people appear to be the only group in Europe subject to legally prescribed, state-enforced sterilization."¹⁰¹ The Commissioner asked that member states "abolish sterilization and other compulsory medical treatment as a necessary legal requirement to recognize a person's gender identity in laws regulating the process for name and sex change."¹⁰²

In 2011, the **European Court of Human Rights** recognized for the first time that coercive sterilization could constitute a violation of member states' obligations under art. 3 (prohibition of torture) and art.8 (right to respect for private life) of the European Convention.¹⁰³

Finally, the **Yogyakarta Principles** also contain a number of provisions concerning the prohibition of coercive, involuntary medical interventions in relation to LGBT persons.¹⁰⁴

Data on coercive medical interventions in relation to transsexual persons in Russia.

Attempts to "cure for transsexualism".

While "transsexualism" is currently recognized as a diagnosis under the ICD-10, this classification is aimed at assisting a transsexual person to adjust to her/his own body and the social gender role that would be most comfortable for him/her. In this regard, hormone therapy or surgery aimed at correcting the patient's

sexual characteristics could be helpful. Additionally, person's gender marker and legal name could be changed. However, relatives of transsexual people, especially younger transsexual persons, often do not accept them, and attempt, against their will, to "cure" their transsexuality or to have them diagnosed with a mental illness.

For example, in St. Petersburg a 17-year-old transgender man asked the organization "Coming Out" to help him with a similar situation. This person lived with his mother. There was a conflict between him and his mother due to his gender identity. His mother frequently subjected him to verbal and physical abuse, and often locked him in his room. The mother also sent him to a psychiatrist, hoping to have him diagnosed with a mental disorder. He had to run away from his home through his window and did not want to go back, for fear that he would be abducted from St. Petersburg, and handed over to a psychiatric hospital.¹⁰⁵

Lack of appropriate legal framework for changing documentation.

The possibility to change one's legal gender status and other official documents was first established by the Federal Law of the Russian Federation "On Acts of Civil Status."¹⁰⁶ Art. 70 of this Law states: "a resolution about correction or change of a civil record is issued by civil registry office if [...] a certificate in established form about change of sex issued by medical facility is provided."

According to the Regulation of the Russian Government of 6 July 1998 "On measures to implement the Federal Law 'On Acts of Civil Status',"¹⁰⁷ the Russian Ministry of Health Care was charged to approve the form of the aforementioned medical certificate. However, this form has not yet been approved (i.e., for more than 14 years). In 2005, a working group was established,¹⁰⁸

but as early as 2007 the order establishing this working group was abolished,¹⁰⁹ and no results were achieved.

Therefore, while there is formal legal framework in place, allowing one to change one's legal gender status, mechanisms to exercise this right were never created. As a result, there is no clear, predictable and accessible procedure to change official documents, which leaves room for widespread abuses.

Administrative practice.

Changes to the official documentation of transsexual people require, first of all, changes to their birth records and birth certificates. The civil registry offices in administrative procedures are charged with effectuating these changes. The supervision and monitoring of their activities are conducted by the regional departments of the civil registry and by agencies of the Ministry of Justice.

As noted, the current legislation allows transsexual people to make changes to their official documentation in principle. However, there is no clear mechanism for implementing the governing legislation. As a result, the current law is interpreted arbitrarily. What is of special concern is that the civil registry offices require the performance of various types of medical interventions and surgical procedures, in particular, before allowing transsexual persons to make changes to their official documentation. Such requirements are not in accordance with either existing legal norms or with current medical standards.

It is important to note that art. 70 of the FL on ACS does not contain any language regarding medical procedures. However, in practice, such procedures are often required by the relevant authorities.

This is a position of the Ministry of Justice. The Deputy Director of the Department of Legal Aid and Interaction with the

Judicial System of the Ministry of Justice of the Russian Federation wrote in a letter, "the change of a birth record by the civil registry office could be possible only if a change of sex, being a result of surgeries, has already been performed and is an irreversible fact. Other methods (i.e., the possibility of issuing new documentations for persons with gender identity disorders before the performance of such surgeries) could be established only by federal legislation."¹⁸

Following the Ministry of Justice, a number of regional departments of the civil registry have taken the same position. Because of this, the verbal nonofficial statements of individual governmental officers, rather than the law, become the rule when considering cases. For example, the head of the Department of the Civil Registry of Tyumen Oblast noted: "in this case, civil registry offices are guided by oral explanations of the Ministry of Justice of the Russian Federation, which are provided for at professional trainings for civil registry officials in Moscow. According to the explanations of the Ministry of Justice, a citizen who has changed his/her sex, should submit a medical certificate to the civil registry office, which should include indications that this person has made a sex change surgery, and the conclusion that the citizen has changed her/his sex."¹⁹

Very few regions have adopted practices that correspond to the human rights provisions and do not require applicants to undergo medical procedures in order to obtain new documentation. For example, such practice has been adopted in St. Petersburg.²⁰ However, in most Russian regions transsexual applicants are required to undergo medical procedures (such as surgeries, hormonal replacement therapies, irreversible interventions, etc.).²¹

In 2012, in Moskovskaya Oblast, a transsexual man was denied his request to change his documentation. At the time of his application to the civil registry office, he had already been

diagnosed and subjected to irreversible hormonal therapy and a mastectomy. These facts were confirmed by medical certificates and a change of his legal gender status was recommended. Nevertheless, the civil registry office refused to change his documentation (gender marker and name) on the ground that “no document confirming the performance of all necessary medical procedures, including phalloplasty surgery, was provided.”²²

It is important to note as well that the cost of medical interventions required by the civil registry offices is not covered by public health insurance. The costs for these procedures, especially surgeries, are high, and many regions lack experienced professionals sensitive to the special needs of transgender people.²³

In this regard, a case that occurred in 2010 in one of the Siberian regions is very illustrative. A transsexual man who had undergone a mastectomy, confirmed by medical records, and who possessed a medical certificate confirming his “change of sex,” had his request to change his documentation denied. The head of the civil registry office stated that decision to change the applicant’s documentation would only be considered after the performance of two more surgeries (namely, a hysterectomy and phalloplasty). For this reason, the applicant was forced to undergo additional surgical procedures in a local hospital (despite the fact that he initially planned to undergo a different type of surgery, after collecting the necessary money to pay for more experienced surgeons in a different region).²⁴

Court practice.

In this situation, seeking recourse in court following the denial of a request to change documentation by the civil registry office becomes the only available option for many transsexual people. However, even judicial procedure often does not result in positive outcomes for applicants.

The examples below show that courts refuse to change the official documentation of transsexual persons (gender marker and/or name) on the ground that certain medical procedures have not been performed.

- *2010, Volgograd:* a transsexual person had been diagnosed, hormone therapy had been performed, a change of civil gender had been recommended, and medical certificates confirmed all of these facts. The civil registry office and district court refused to change documentation (gender marker and name), stating that no surgery had been performed. An application for review of the case on the ground of newly discovered evidence was also initially denied. The court of cassation affirmed the refusal.²⁵
- *2010, Moscow:* a transsexual person had been diagnosed, hormone therapy and a mastectomy were performed and resulted in an “irreversible change of sex from female to male,” a change of civil gender had been recommended, and medical certificates confirmed these facts. The civil registry office and district court refused to change documentation (only name), noting that “hypodermic bilateral mastectomy is the first stage aimed at a change of sexual attributes. This surgery does not confirm a change of the applicant’s sexual attributes.”²⁶
- *2009, Volgograd:* a transsexual person had been diagnosed, hormone therapy was conducted, a change of civil gender was recommended, and medical certificates confirmed these facts. The civil registry office and district court refused to change the applicant’s documentation (only name), stating that no surgery had been performed.²⁷

- *2006, Kaluga*: a transsexual person had been diagnosed, hormone therapy was conducted, a change of civil gender was recommended, and medical certificates confirmed these facts. The civil registry office refused to change the applicant's documentation (gender marker and name), alleging that a change of sex had not been performed.²⁸
- *2004, Republic of Sakha (Yakutiya)*: a transsexual person had been diagnosed, hormone therapy was performed, a change of civil gender was recommended, and medical certificates confirmed these facts. The civil registry office and district court refused to change the applicant's documentation (only name).²⁹

Consequences of incompatibility between transsexual persons' appearance and documentation.

The impossibility of or extreme difficulty in changing one's official documentation before certain medical procedures are performed, places transsexual applicants in a situation where their appearance does not match their documentation. Consequently, transsexual persons with "old" documentation face discrimination, stigmatization, humiliation and even violence in their every-daily lives, often at the hands of government and law enforcement officials.

For example, during the summer of 2012 in Perm, a transsexual girl came to take the Uniform State Exam,³⁰ for which she preparing hard. At the entrance to the auditorium, she was asked to present a passport. The inspector, seeing the disparity between her appearance and her documentation, laughed and told her to leave before he called the police. The girl's classmates and teachers, however, confirmed her identity. The inspector did not pay any attention to explanations that the girl was transsexual. Subsequently,

Subsequently, a police officer arrived, and asked the girl to go into a room and undress. Only after doing so was she allowed to sit for the exam.³¹

Conclusion.

While the possibility to change one's official documentation was established by Russian legislation, it is difficult to exercise this right because no mechanisms to do so have been developed for more than fourteen years. As a result, transsexual people are required to undergo various medical procedures in order to change their official documentations, despite the fact that such requirements are not mentioned under the law and contradict current medical findings. Requirements of surgeries such as sterilization are a matter of special concern. It is virtually impossible for transsexual people in many Russian regions to change their documentation without such interventions even through court actions. This situation is exacerbated by the fact that expenses related to these medical procedures are not covered by medical insurance and present a great burden to applicants. Moreover, in many regions there are simply no medical professionals willing or able to work with transsexual people.

3. COERCIVE MEDICAL INTERVENTIONS IN RELATION TO GAY PERSONS (ART. 2, 10, 12, 14 AND 16)

Existing international approaches and practice.

As was mentioned above, both the **Committee and the Special Rapporteur** have addressed the problem of coercive medical procedures. The latter noted, in particular, that “medical treatments of an intrusive and irreversible nature, when they lack a therapeutic purpose, or aim at correcting or alleviating a disability, may constitute torture and ill-treatment if enforced or administered without the free and informed consent of the person concerned.”¹²⁴

Moreover, the Special Rapporteur has expressed his concern at cases where LGBT people “have been involuntarily confined to state medical institutions, where they were allegedly subjected to forced treatment on grounds of their sexual orientation or gender identity, including electric shock therapy and other ‘aversion therapy,’ reportedly causing psychological and physical harm.”¹²⁵ At the same time, the Special Rapporteur highlighted the fact that homosexuality was removed from the International Classification of Diseases-10 (ICD-10) in 1992.¹²⁶

Additionally, the **Special Rapporteur on the Right of Everyone to the Enjoyment of the Highest Attainable Standard of Physical and Mental Health** noted that the practice of “aversion therapy” aimed at “curing” homosexuals, was unscientific, potentially harmful and increases stigmatization.¹²⁷

The **Council of Europe Council of Ministers** stated that member states should take “appropriate measures [...] in order to avoid the classification of homosexuality as an illness, in accordance with the standards of the World Health Organization.”¹²⁸ Explanatory Memorandum to the CM/Rec(2010)5 also noted that “[member states] should also ensure that no one is forced to undergo any form of treatment, protocol or medical or psychological test, or confined in a medical institution, because of his or her sexual orientation or gender identity.”¹²⁹

Finally, the Yogyakarta Principles stipulates that “no person may be forced to undergo any form of medical or psychological treatment, procedure, testing, or be confined to a medical facility, based on sexual orientation [...]. Notwithstanding any classifications to the contrary, a person’s sexual orientation [... is] not, in and of [itself], medical conditions and [is] not to be treated, cured or suppressed.”¹³⁰

Data on coercive medical interventions in relation to gay persons in Russia.

In 1999, the Russian Federation officially adopted the standards of the 10th revision of the International Classification of Diseases (ICD-10). However, cases where homosexuality is treated as a deviation or disease and even attempts to “cure” homosexuality are still occurring.

For instance, one such case was documented under the monitoring program conducted in St. Petersburg.

In 2011, a young man (K.), visited a psychiatrist for a general examination in accordance with army procedures. During the examination, K. asked the psychiatrist: “There is an item ‘malfunction of sexual preference’ among diseases listed in the

military medical examination. What does it mean? I am interested in this because of my activism, and there is no such disease in ICD-10.” The psychiatrist asked K. if he had a girlfriend, and, after receiving the answer that K. was dating guys, asked K., “for how long he had been doing this.” K. answered that he had been dating guys for the last three years. The psychiatrist went outside of the room and consulted with the doctor managing the medical examination process. Some time later, the psychiatrist came back and filled out a form requiring additional examination in the psycho-neurological clinic. The form stated the following: “Diagnosis: F64 (gender identity disorders; Class: Mental and behavioral disorders; Block: Disorders of adult personality and behavior), F06.6 (Organic emotionally labile [asthenic] disorder; Class: Mental and behavioral disorders; Block: Organic, including symptomatic, mental disorders).” In spring 2012, the case of 16-year-old Ivan Kharchenko was widely publicized in Russian Internet blogs, social networks and other media. The case involved Ivan, who was reportedly forcibly detained in a Moscow clinic where an attempt to “cure” him of homosexuality using psychotropic drugs was made. According to the media reports, on the night of 25 April, LGBT activists and journalists accompanied by a lawyer took Ivan out of the clinic. According to Ivan, his father placed him in the clinic in order to “cure” him of homosexuality. At the clinic, he took several drugs, the names and properties of which he did not remember. The clinic provided the police documents, according to which Ivan appears as a 19-year-old, consenting to treatment for drug addiction. Additionally, positive results of a test for marijuana, allegedly conducted in the clinic, were provided. Ivan insisted the results were fake, and said that he had never used drugs.¹³¹

The situation became even more complicated because the adoption of the ICD-10 was not accompanied by a full change

of curricula, textbooks and manuals. In fact, the perception of homosexuality as a deviation is still widespread, both in education and in healthcare management.

For example, Ms. Veronika Skvortsova, MD, the Minister of Health Care of the Russian Federation, when asked about the nature of homosexuality in an interview with “Echo of Moscow”, said: “It is a disease in part, and in part is not; it is some bad habits imparted, and in some cases it is already an addiction, the same as smoking or drug addiction, it is an addiction that becomes psychologically stable, and in order to kill it, you need a lot of effort.”¹³²

As evidenced by Dmitry Andronov, a researcher and professor at a university in Siberia, and a practitioner in the field of psychiatry, “the vast majority of teachers of psychology at universities are not competent in the field of sexual orientation, sexual identity, or in its expression and development; gender stereotypes continue. Many teachers continue to think by diagnoses, without resorting to ICD-10 and DSM, and to some extent perceive homosexuality as an undesirable form of sexuality.”¹³³

Conclusion.

While the Russian Federation officially adopted ICD-10 standards according to which homosexuality is no longer considered as a disease, in practice there are still cases where gay people are diagnosed simply because of their sexual orientation, or where attempts to “cure” them are made without their consent. Moreover, in medical education, outdated approaches to homosexuality remain, and a full revision of curricula and textbooks has not yet been conducted.

PROPOSED QUESTIONS FOR THE RUSSIAN FEDERATION

A. Hate crimes and hate speech (art. 2, 10, 12, 13, 14 and 16)

- Whether the current legislation (particularly provision of the Criminal Code of the Russian Federation establishing liability for crimes motivated by hatred against a social group) allows recognition of the motive of hate crimes against LGBT people as an aggravating circumstance?
- What measures to protect victims and witnesses (including protection of their confidentiality) of hate crimes against LGBT people are taken by the Russian Federation?
- What measures to prevent hate crimes against LGBT people are taken by the Russian Federation?
- What measures to prevent homophobic acts of violence, harassment and threats against participants at public LGBT events (such as demonstrations, protests, festivals, etc.) are taken by the Russian Federation? What measures were taken by the Russian Federation in order to investigate incidents that recently took place in Moscow, St. Petersburg, Kemerovo, Novosibirsk and other regions? How does the Russian Federation ensure the protection of participants at LGBT events from violent attacks by extremist groups during these events?
- What measures are taken by the Russian Federation in order to ensure that law enforcement officials and judges have knowledge and skills needed to: recognize

the special danger of hate crimes directed at LGBT persons; identify such crimes, recognize and research their motives; conduct effective investigations into such crimes; as well as to bring perpetrators to justice, if appropriate, taking into account the crimes' motive as an aggravating circumstance? How exactly are such knowledge and skills integrated into general programs relating to the prevention of crimes and extremist acts?

- Whether the Russian Federation get NGOs involved in development of programs, professional and awareness-raising events for law enforcement officials, and measures to prevent hate crimes? If yes – what are these NGOs?
- What is the reason (legislative, administrative, institutional, financial, etc.) for the Russian Federation's failure to collect and analyze statistics on hate crimes against LGBT people? Is the Russian Federation intending to begin gathering and analyzing such statistics in the future?
- Whether the current edition of the Criminal Code of the Russian Federation treats hate speech directed towards LGBT persons as constituting the incitement of hatred against a social group?
- What measures are taken by the Russian Federation in order to prevent hate speech by politicians, religious figures and media representatives? What measures were taken in response to incidents that occurred recently?
- Do not the laws prohibiting so-called "propaganda of homosexuality" being adopted in several regions – contradict Russian Federation's obligations to protect people from cruel treatment and prevent hate crimes – especially considering that such laws foster an environment that incites hatred?

B. Coercive medical interventions in relation to transsexual persons

(art. 2, 10, 12, 14 and 16)

- On what ground civil registry offices and courts in the Russian Federation refuse to change documentation (civil gender and name) of transsexual applicants submitted medical evidences of diagnosis and need for change of documentation? In particular – what is the ground for requiring surgical procedures, such as sterilization or the reconstruction of genital organs?
- What factors (legislative, administrative, institutional, financial, etc.) have prevented the Russian Federation from developing and adopting a document governing changes to one's legal gender status, as required by the Federal Law "On Acts of Civil Status" for more than 14 years? When will the Russian Federation develop this form and who will be involved in this process?

C. Coercive medical interventions in relation to gay persons

(art. 2, 10, 12, 14 and 16)

- What measures, in consideration of the adoption of the ICD-10 by the Russian Federation in 1998, were implemented by the Russian Federation in order to prevent the classification of homosexuality as a disease, pathology or deviation?
- What measures the Russian Federation is going to implement to rectify statements made in the media or curricula, that homosexuality is a disease, pathology or deviation?
- What measures the Russian Federation is going to implement in relation to the alleged forced placement of a teenager in a Moscow clinic on the basis of his sexual orientation in 2012?

PROPOSED RECOMMENDATIONS FOR THE RUSSIAN FEDERATION

A. Hate crimes and hate speech (art. 2, 10, 12, 13, 14 and 16)

- Ensure practical implementation of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation that recognize the motive of hatred against a social group as an aggravating circumstance in cases of hate crimes and hate speech against LGBT persons by issuing relevant explanations of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation.
- Supplement provisions of the Criminal Code of the Russian Federation that recognize motive of hatred as an aggravating circumstance with implicit mention of motive of hatred against LGBT persons.
- Develop and implement – by using, among other things, successful examples from foreign experience, and consulting international experts – programs aimed at the prevention of crimes motivated by hatred against LGBT persons, including education and trainings for law enforcement officials and judges, public campaigns aimed at promoting tolerance towards LGBT persons, as well as programs aimed at ensuring the protection and confidentiality of victims of and witnesses to such crimes.
- Ensure prompt, impartial and objective investigations of crimes motivated by hatred against LGBT persons,

and – where appropriate – punish perpetrators, taking into account such crimes' motive as an aggravating circumstance.

- Ensure protection of participants at public LGBT events from violent abuse, harassment and threats motivated by hatred.
- Ensure effective investigation into attacks against LGBT human rights defenders that took place on 17 May 2012 and 12 June 2012 in St. Petersburg, and research the motives for these incidents.
- Prohibit hate speech directed at LGBT persons, especially by politicians, religious leaders and media figures, and investigate incidents that have already taken place.
- Publicly condemn hate crimes and hate speech against LGBT people.
- Create and implement a system of monitoring, recording and collecting of statistical information on hate crimes and hate speech against LGBT people, and periodically analyze the data in order to improve legislative, administrative and other measures.
- Repeal all regional laws prohibiting so-called “propaganda of homosexuality” and prohibit the further adoption of such laws in other regions or at the national level, because such laws promote and incite hatred against LGBT persons, create a framework for the unlawful limitation of activities and persecution of human rights defenders, and prevent objective discussions of problems related to the roots of such hatred.

B. Coercive medical interventions in relation to transsexual persons (art. 2, 10, 12, 14 and 16)

- Issue explanations for the officials of civil registry offices and judges about the prohibition of imposing requirements, such as surgical procedures and sterilization, not prescribed by law and unwarranted by medical necessity on transsexual applicants seeking to amend official documents.
- With the help of medical professionals, NGOs working for transsexual people's rights, and representatives of transsexual communities, develop a document concerning the change of sex as required by the Federal Law “On Acts of Civil Status.” Ensure that requirements not prescribed by law or those that are unreasonable from a medical point of view and potentially harmful to transsexual people, such as coerced surgical procedures, like sterilization, are not introduced into the development of such document.

C. Coercive medical interventions in relation to gay persons (art. 2, 10, 12, 14 and 16)

- Ensure the prohibition on classifying homosexuality as a disease, pathology or deviation with respect to individual patients, as well as in public statements, speech, and curricula.
- Conduct a full, impartial and objective investigation into the alleged case of the forced placement of Ivan Kharchenko in a Moscow clinic, and punish the perpetrators if appropriate.

ACKNOWLEDGMENTS

First of all, we would like to express our gratitude to Matthew Shaaf, Program Officer at Freedom House, Innokenty Grekov from Human Rights First and other experts who provided valuable comments on the structure and content of this report.

We also would like to thank all those who worked on the text of this report, translated it and making it up.

INFORMATION ABOUT NGOS SUBMITTING THE REPORT

This report is prepared and presented as a result of cooperative work of a coalition of three Russian non-governmental human rights organizations: Non-Commercial Organization “Charity Foundation for Social and Legal Community Assistance Rainbow,” Autonomous Non-Commercial Organization for Social and Legal Services “LGBT Organization Coming Out,” and Inter-Regional Social Movement “Russian LGBT Network.” The coalition parties’ functions and tasks were divided as described below. The text of this report was written by Kseniya Kirichenko, Legal Assistance Program Coordinator (LGBT Organization “Coming Out”), and Project Coordinator (Charity Foundation “Rainbow”).

LGBT Organization “Coming Out”: providing and analyzing information on cases that happened in St. Petersburg and documented under the organization’s programs of monitoring, advocacy and legal assistance; selecting cases in St. Petersburg that are relevant for this report, and bringing these cases into accord with this report’s format; informing the LGBT community about collecting information on new cases relevant for this report’s topics; organizing and conducting presentations about alternative reports for civil society; preparing the text of this report with respect to the situation in St. Petersburg; commenting on the draft text; translating the text into English; presenting this report at the session of the UN CAT Committee; informing interested parties in St. Petersburg about session and its results.

Charity Foundation “Rainbow”: collecting new cases relevant for the report, with paramount attention to violations of transsexual people’s rights, coercive medical interventions in relation to homosexual and bisexual people, as well as occurred before 2011 acts of the Russian officials in relation to hate crimes; analyzing information about LGBT issues in the context of the UN CAT Committee’s mandate; preparing the main part of the text of this report; organizing discussions of this report with human rights community; organizing proofreading of the text; organizing translation of the text (or its summary) into other languages; making up and printing the report; logistics related to sending the report and organizing the trip to Geneva; presenting this report at the session of the UN CAT Committee; informing interested parties about session and its results.

ISM “Russian LGBT Network”: providing and analyzing information on cases happening in Russia and documented under the organization’s programs of monitoring, advocacy and legal assistance; selecting cases in all Russian regions, with the exception of St. Petersburg, that are relevant for this report, and bringing these cases into accord with this report’s format; organizing and conducting presentations about alternative reports for civil society and officials; supplementing the text of this report with description of regional context (except from St. Petersburg); commenting on the draft text; presenting this report at the session of the UN CAT Committee; informing interested parties about session and its results.

Footnotes

¹Russian Federation, ¶ 23 CAT/C/RUS/CO/4 (2006).

²Ibid.

³Ibid.

⁴See, e.g.: American Psychiatric Associations, Position Statement on Therapies Focused on Attempts to Change Sexual Orientation (Reparative or Conversion Therapies), approved by the Board of Trustees, March 2000, approved by the Assembly, May 2000; American Psychiatric Associations, Position Statement on Psychiatric Treatment and Sexual Orientation, approved by the Board of Trustees, December 1998, approved by the Assembly, November 1998; American Counseling Association Passes Resolution to Oppose Reparative Therapy. URL: <http://www.narth.com/docs/acaresolution.html> (date of access: 03.10.2012).

⁵The Yogyakarta Principles on the Application of International Human Rights Law in relation to Sexual Orientation and Gender Identity. URL: http://www.yogyakartaprinciples.org/principles_en.pdf (date of access: 29.01.2011).

⁶The working definition by the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. See, for example: Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses: Annual Report for 2006. P. 9.

⁷The definition from the Recommendation CM/Rec(2010)5 of the Committee of Ministers to member states on measures to combat discrimination on grounds of sexual orientation or gender identity (adopted by the Committee of Ministers on 31 March 2010 at the 1081st meeting of the Ministers’ Deputies). [Hereinafter – CM/Rec(2010)5]. ¶ 6.

⁸Hereinafter definitions are quoted from: Situation of Transgender Persons in Ukraine: A Research Report. Kyiv: Insight, 2010. URL: http://insight-ukraine.org.ua/media/TRP_report_engl.pdf (date of access: 29.01.2011). P. 3–4.

⁹Discriminatory laws and practices and acts of violence against individuals based on their sexual orientation and gender identity: Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights / Human Rights Council, Nineteenth session, 17 November 2011, A/HRC/19/41. ¶ 1. [Hereinafter – “the UN HCHR Report”].

¹⁰Op. cit. ¶ 8.

¹¹Hereinafter – the CAT Convention.

¹²Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: General Comment No. 2: Implementation of article 2 by States parties/Committee against Torture, 24 January 2008, CAT/C/GC/2, ¶ 21.

¹³The CAT Convention, art. 16.

¹⁴The CAT Convention, art. 2.15The CAT Convention, art. 12.16 The CAT Convention, art. 13.

¹⁷Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment

or Punishment: General Comment No. 2: Implementation of article 2 by States parties/ Committee against Torture, 24 January 2008, CAT/C/GC/2, ¶ 21.

¹⁸See, e.g.: Indonesia, ¶ 19 CAT/C/IDN/CO/2 (2008): “The Committee expresses its concern at incitement and acts of violence against persons belonging to minorities [...]. Furthermore, there are persistent, disturbing allegations of a routine failure to investigate such violence and the reluctance on the part of the police and authorities to provide the Ahmadiyah with adequate protection or to conduct prompt, impartial and effective investigations into such acts”; Czech Republic, ¶ 11 CAT/C/CZE/CO/4 (2012): “The Committee is seriously concerned about reports concerning the continued marginalization of and discrimination against the members of the Roma minority. This has included some incidents in the recent past of three deaths, anti-Roma rallies as well as arson attacks against Roma homes. The Committee is also concerned about the lack of prompt, impartial and effective investigations and prosecutions regarding such incidents.”

¹⁹See, e.g.: Bulgaria, ¶ 28 CAT/C/BGR/CO/4-5 (2011): “Measures should be taken to prohibit and prevent advocacy of hate speech, discrimination and intolerance, including in the public domain, in conformity with international standards and human rights instruments to which Bulgaria is a party. The State party should enhance the enforcement of anti-discrimination legislation and ensure that violent acts, discrimination and hate speech are systematically investigated, prosecuted and the perpetrators convicted and punished. The State party should systematically apply provisions of the Criminal Code concerning crimes based on intolerance and should ensure that offences motivated by discrimination constitute an aggravating circumstance in criminal prosecution. The State party should ensure that members of the Roma community are not singled out on an ethnically motivated basis with regard to the use of force by the police and ensure that excessive use of force against members of national and other minorities is promptly and impartially investigated and perpetrators prosecuted and punished. The victims need to be compensated and accorded all remedies afforded by the Convention, including reparations for damage”; Indonesia, ¶ 19 CAT/C/IDN/CO/2 (2008): “the State party should ensure the protection of members of groups especially at risk of ill-treatment, by prosecuting and punishing all acts of violence and abuses against those individuals and ensuring implementation of positive measures of prevention and protection. The State party should ensure prompt, impartial and effective investigations into all ethnically motivated violence and discrimination, including acts directed against persons belonging to ethnic and religious minorities, and prosecute and punish perpetrators with penalties appropriate to the nature of those acts. The State party should also publicly condemn hate speech and crimes and other violent acts of racial discrimination and related violence and should work to eradicate incitement and any role public officials or law enforcement personnel might have in consenting or acquiescing in such violence. It should ensure that officials are held accountable for action or inaction that breaches the Convention”;

Czech Republic, ¶ 11 CAT/C/CZE/CO/4 (2012): “The State party should: (a) Ensure the protection of Roma citizens and their property through enhanced monitoring and preventive measures. All acts of anti-Roma violence and discrimination should be thoroughly and effectively investigated, the perpetrators brought to justice and redress and compensation provided to the victims. Law enforcement officials should receive training on combating crimes against minorities and members of the Roma community should be recruited into the police force. The Committee recommends that statistics be compiled regarding crimes with an extremist overtone, and on the outcomes of investigations, prosecutions and remedial measures taken in relation to such crimes; (b) Publicly condemn verbal and physical attacks against Roma, prohibit and prevent the advocacy of hate speech and organize awareness-raising and information campaigns promoting tolerance and respect for diversity.”

²⁰See, e.g.: Bulgaria, ¶ 28 CAT/C/BGR/CO/4-5 (2011): “the Committee is deeply concerned at manifestations of discrimination and intolerance, including hate speech and violent attacks against [...] persons belonging to sexual minorities”; Costa Rica, ¶ 11, 18 CAT/C/CRI/CO/2 (2008): “the Committee remains concerned at cases of abuse of immigrants and citizens, especially on the grounds of their sexual orientation and/or transsexual identity. The Committee considers that, in particular, the rules on public morals can grant the police and judges discretionary power which, combined with prejudices and discriminatory attitudes, can lead to abuse against this group”; “The Committee expresses concern at the reports of sexual abuse and physical violence against homosexual and transsexual prisoners”; Latvia, ¶ 19, CAT/C/LVA/CO/2 (2007): “the Committee expresses its concern at report of acts of violence against and discrimination of vulnerable groups, including [...] the lesbian, gay, bisexual and transgender (LGBT) community”; Moldova, ¶ 27, CAT/C/MDA/CO/2 (2009): “The Committee notes with concern reports of violence and hatred towards [...] vulnerable groups in the Republic of Moldova, including alleged recent manifestations of hate speech and intolerance against homosexuals”; Mongolia, ¶ 25, CAT/C/MNG/CO/1 (2010): “The Committee is also concerned at reports that vulnerable groups such as lesbian, gay, bisexual and transgender (LGBT) persons are subjected to violence and sexual abuse, both in public and domestic settings, owing to widespread negative social attitudes”; Poland, ¶ 20, CAT/C/POL/CO/4 (2007): “The Committee notes with concern reports of intolerance and hatred towards minorities and other vulnerable groups in Poland, including alleged recent manifestations of hate speech and intolerance against homosexuals and lesbians.”

²¹See, e.g.: Costa Rica, ¶ 18 CAT/C/CRI/CO/2 (2008): “The Committee recommends that the State party should take steps to boost protection for the most vulnerable population against sexual violence, through such measures as the use of confidential machinery for reporting such violence”; Latvia, ¶ 19, CAT/C/LVA/CO/2 (2007): “The State party should intensify its efforts to combat discrimination against and ill-treatment of vulnerable groups, in particular [...]

the LGBT community, including through the strict application of relevant legislation and regulations providing for sanctions. The State party should ensure prompt, impartial and thorough investigations into all such motivated acts and prosecute and punish perpetrators with appropriate penalties which take into account the grave nature of their acts, and ensure adequate training and instructions for law enforcement bodies and sensitization of the judiciary. The State party is encouraged to adopt the draft national programme to facilitate tolerance and to provide detailed information in its next periodic report on the effective measures adopted to prevent and combat such acts"; Moldova, ¶ 27, CAT/C/MDA/CO/2 (2009): "the State party should:(a) Incorporate in its Criminal Code an offence to punish hate crimes as acts of intolerance and incitation to hatred and violence based on sexual orientation. Moreover, the State party should continue to be vigilant in ensuring that relevant existing legal and administrative measures are strictly observed and that training curricula and administrative directives constantly communicate to staff the message that incitation to hatred and violence will not be tolerated and will be sanctioned accordingly;(b) Provide detailed information and statistics on the number and type of hate crimes, as well as on the administrative and judicial measures taken to investigate and prosecute such crimes and the sentences imposed"; Mongolia, ¶ 25, CAT/C/MNG/CO/1 (2010): "The State party should establish a comprehensive legal framework to combat discrimination, including hate crimes and speech. The State party should take measures to bring perpetrators of such crimes to justice. The State party should ensure the protection of vulnerable groups such as sexual minorities, persons living with HIV/AIDS, and some foreigners. The State party should establish effective policing, enforcement and complaints mechanisms with a view to ensuring prompt, thorough and impartial investigations into allegations of attacks against persons on the basis of their sexual orientation or gender identity in line with the Yogyakarta Principles on the Application of International Human Rights Law in Relation to Sexual Orientation and Gender Identity. The State party should adopt legislation to combat violence caused by organizations which promote and incite racial, ethnic and other forms of discrimination"; Poland, ¶ 20, CAT/C/POL/CO/4 (2007): "The State party should incorporate in its Penal Code an offence to punish hate crimes as acts of intolerance and incitation to hatred and violence based on sexual orientation. Moreover, the State party should continue to be vigilant in ensuring that the relevant existing legal and administrative measures are strictly observed and that training curricula and administrative directives constantly communicate to staff the message that incitation to hatred and violence will not be tolerated and will be sanctioned accordingly. The State party should provide detailed information and statistics on the number and type of hate crimes as well as on the administrative and judicial measures taken to investigate such crimes and the sentences imposed."

²²Hereinafter – the Special Rapporteur.

²³ Report of the Special Rapporteur on Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: Human Rights Questions: Implementation of

Human Rights Instruments, (56th Sess.), U.N. Doc. A/56/156 (2001), ¶¶ 17–18. [Hereinafter – "Report of the Special Rapporteur A/56/156"].

²⁴Report of the Special Rapporteur A/56/156, ¶ 19.

²⁵Hate Crimes in the OSCE Region – Incidents and Responses: Annual Report for 2006, OSCE/ODIHR, Warsaw, 2007, p. 53. See also Altschiller, Donald, Hate Crimes: A Reference Handbook, ABC-CLIO, 2005, pp. 26–28: "(Murders of gay men) frequently involved torture, cutting, mutilation... showing the absolute intent to rub out the human being because of his (sexual) preference." Cited: The UN HCHR Report. ¶ 22.

²⁶The UN HCHR Report. ¶ 23.

²⁷The UN HCHR Report. ¶ 84.

²⁸CM/Rec(2010)5, part "A", chapter I of the Appendix.

²⁹CM/Rec(2010)5, part "B", chapter I of the Appendix.

³⁰Discrimination on grounds of sexual orientation and gender identity in Europe / Office of the Commissioner for Human Rights of the Council of Europe, 2011, p. 12.

³¹See, particularly: Angelova and Iliev v. Bulgaria, 26 July 2007, application no. 55523/00 (crimes motivated by hatred against a national group); Milanovic v Serbia, 14 December 2010, application no. 44614/07 (religious-based hate crimes).

³²"States shall cease any State-sponsored or State-condoned attacks on the lives of persons based on sexual orientation or gender identity, and ensure that all such attacks, whether by government officials or by any individual or group, are vigorously investigated, and that, where appropriate evidence is found, those responsible are prosecuted, tried and duly punished" (Principle 4). "Everyone, regardless of sexual orientation or gender identity, has the right to security of the person and to protection by the State against violence or bodily harm, whether inflicted by government officials or by any individual or group." For this purpose, states, particularly, shall: "take all necessary policing and other measures to prevent and provide protection from all forms of violence and harassment related to sexual orientation and gender identity; take all necessary legislative measures to impose appropriate criminal penalties for violence, threats of violence, incitement to violence and related harassment, based on the sexual orientation or gender identity of any person or group of persons, in all spheres of life, including the family; take all necessary legislative, administrative and other measures to ensure that the sexual orientation or gender identity of the victim may not be advanced to justify, excuse or mitigate such violence; ensure that perpetration of such violence is vigorously investigated, and that, where appropriate evidence is found, those responsible are prosecuted, tried and duly punished, and that victims are provided with appropriate remedies and redress, including compensation; undertake campaigns of awareness-raising, directed to the general public as well as to actual and potential perpetrators of violence, in order to combat the prejudices that underlie violence related to sexual orientation and gender identity" (Principle 5). "Everyone has the right to be free from torture and from cruel, inhuman or degrading

treatment or punishment, including for reasons relating to sexual orientation or gender identity. States shall: take all necessary legislative, administrative and other measures to prevent and provide protection from torture and cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, perpetrated for reasons relating to the sexual orientation or gender identity of the victim, as well as the incitement of such acts; take all reasonable steps to identify victims of torture and cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, perpetrated for reasons relating to sexual orientation or gender identity, and offer appropriate remedies including redress and reparation and, where appropriate, medical and psychological support; undertake programmes of training and awareness-raising for police, prison personnel and all other officials in the public and private sector who are in a position to perpetrate or to prevent such acts.”(Principle 10).

³³See, e.g.: Mongolia, ¶ 25, CAT/C/MNG/CO/1 (2010).

³⁴Russian Federation, ¶ 27 CCPR/C/RUS/CO/6 (2009).

³⁵Russian Federation, ¶ 40 CEDAW/C/USR/CO/7 (2010): “the Committee expresses its concern about acts of violence against lesbian, bisexual and transgender women, including reports of harassment by the police and incidents of people being assaulted or killed on account of their sexual orientation.”³⁶Russian Federation, ¶ 23 CAT/C/RUS/CO/4 (2006).

³⁷Ibid.38Ibid.39 Request for further clarification: [Russian Federation] / United Nations High Commissioner for Human Rights, 15 May 2009, jmn/dd/follow-up/CAT, ¶23.

⁴⁰Criminal Code of the Russian Federation: adopted by the State Duma on 24 May 1996. The current version is available in Russian at: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (date of access: 13.09.2012).

⁴¹By now, the Criminal Code of the Russian Federation recognizes as an aggravating circumstance, particularly, “commission of a crime by reason of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity, or by reason of hatred or enmity against a social group” (art. 63, part 1, para. “e”); analogous reasons are named in description of such crimes as murder (art. 105, part 2, para. “п”), intentional infliction of a grave injury (art. 111, part 2, para. “e”), intentional infliction of injury of average gravity health (art. 112, part 2, para. “e”), intentional infliction of light injury (art. 115, part 2, para. “б”), battery (art. 116, part 2, para. “e”), torture (art. 117, part 2, para. “з”).

⁴²Particularly, it was proposed to supplement the list of crime motives recognized as aggravating circumstances, by the term “sexual hatred.” Legislative history in this regard in Russia see: Kirichenko K.A. Study on Homophobia, Transphobia and Discrimination on Grounds of Sexual Orientation and Gender Identity: Legal Report: Russian Federation / COWI; the Danish Institute for Human Rights. P. 22–25. URL: http://www.coe.int/t/Commissioner/Source/LGBT/RussiaLegal_E.pdf (date of access: 13.09.2012).

⁴³In 2010–2011, the author of this report implemented, on behalf of the Russian LGBT Network, a project on advocacy letters following the UN Committee on Elimination of Discrimination against Women’s recommendations for the Russian Federation

(hereinafter – CEDAW Project). Some of the letters, proposing to amend the criminal legislation by implicit mention of sexual orientation and gender identity among the protected grounds, were sent to representatives of legislature, in the committees and factions of the political parties in the State Duma. Among the received replies was, for example, the following: “As regard to sexual orientation, we think that this issue is a personal matter of every person. Our society is not ready yet for open discussions on this topic. [...] Therefore, any big legislative initiative and sharp statements could lead to both different negative attitudes and a certain social tension, that would be inadmissible!” (Letter of M.I. Lebedev, the Head of the Russian Liberal Democratic Party’s Faction in the State Duma, 14 April 2011, no. 5.3-24/156).

⁴⁴“The Criminal Code of the Russian Federation establishes criminal sanctions for crimes motivated by hatred or enmity towards a social group. Consolidation of people on ground of sexual orientation could be per se considered as a social group. At the same time, singling out these persons in a special group with a special status would infringe upon rights of participants of other social groups”(Letter of O.V. Logunov, the Head of the Legal Department of the General Prosecutor’s Office in the Russian Federation, 11 April 2011, no. АВ-22-15950-11). “Singling out citizens, according to their sexual orientation or gender identity, in a special category or social group that requires a privileged right to be protected by the state, directly contradicts to provision of the Constitution [art. 19 on equality]” (Letter of O.A. Stepuschenko, Deputy Minister of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan, 10 March 2011, no. 2/606).

⁴⁵Description of this case in more detail and extracts from the expert opinion, see: Kochetkov (Petrov), I. & Kirichenko, X. (2009) The situation of lesbians, gays, bisexuals, and transgender people in the Russian Federation, 2008, Russian LGBT Network, Moscow Helsinki Group, ILGA-Europe, p. 36–38.

⁴⁶See: Ibid., p. 35–36.

⁴⁷In particular, one of such letters was prepared and sent under the CEDAW Project. In the reply on this letter, it was indicated that “defining a term ‘social group’ and amending articles of the Criminal Code of the Russian Federation fall into the mandate of legislature” (Letter of A.Ya. Petrochenkov, Deputy Head of the Supreme Court of the Russian Federation, 29 July 2011, no. 8/общ-3179). Therefore, the Supreme Court in fact dissociated itself from solving the problem – notwithstanding the fact that the Supreme Court gives interpretation of certain terms – including those used in the Criminal Code (within the Supreme Court’s remit on providing explanations on the issues of court proceedings established by the Constitution). For instance, a definition of “public appeals” for an extremist activity were formulated by the below mentioned resolution.

⁴⁸On judicial practice on criminal cases on crimes of extremist nature: Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2011 no. 11. (Rossiyskaya Gazeta, 2011, 4 July)/

⁴⁹Cassation decision of the Moscow City Court of 19 March 2012, case no. 22-3221.

⁵⁰Judgment of the Olyutorcky District Court of Kamchatsky Kray of 23 December 2011, case no. 1-16/2011. URL: http://olyutorsky.kor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=778 (date of access: 31.07.2012). It was also noted in the judgment further: "The Court finds that the reason for the committed crime was personal inimical relations caused by suspicion of the victim's non-traditional sexual orientation. Witness NNN reported that when drinking alcohol in the apartment's kitchen, P told all those present about his non-traditional sexual orientation. This news made him and IIS indignant. IIS affirmed in the courtroom that he heard from men's conversation in the apartment's kitchen that OVP was of non-traditional sexual orientation, and this made him angry. The same motive of the crime was affirmed also by witness VDV."

⁵¹Ibid.

⁵²Ibid

⁵³Judgment of the Olyutorcky District Court of Kamchatsky Kray of 21 November 2011, case no. 1-15/2011. URL: http://olyutorsky.kor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=719 (date of access: 31.07.2012).⁵⁴ For example, the following replies were received under the CEDAW Project: "taking into account that the Russian criminal legislation does not consider homosexualists, bisexual and transgenders as a special object of crime, the respective official statistical record keeping is not implemented" (Letter of V.A. Kim, Deputy Head of the Department of Public Security of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 28 March 2011, no. 12/к-878); "Law enforcement officials in their every-day activity are guided by the Constitution of the Russian Federation, as well as other legal rules, that do not divide citizens into any categories. Therefore a special statistical recording of crimes committed because of hatred against homosexualists, bisexuals and transgenders is not conducted in Arkhangelsk Oblast" (Letter of M.Yu. Kolonvagin, acting Head of the Investigation Department of the Department of Internal Affairs of Arkangelsk Oblast, 22 March 2011, no. 4/538). The following letters also noticed that data on hate crimes against LGBT people could not be provided for because of lack of such requisites in the official statistical forms: Letter of A.P. Shavkero, Deputy Head of the Department of Information and Methodics of the Main Organizational and Inspectoral Department – Head of of the Department of Information and Methodics of the Investigation Committee of the Russian Federation, 29 March 2011, no. 211-7299-11; Letter of P.V. Novikov, Head of the Department of Supervision on Criminal Procedure and Operational-Investigative Activity of General Prosecutor's Office of Altaysky Kray, 1 March 2011, no. 15-27-2011; Letter of D.L. Martynov, acting Head of the Department of Supervision on Procedural Activity of General Prosecutor's Office, Internal Affairs, Drug Control and Justice Agencies of Arkhangelsk Oblast, 17 February 2011, no. 15-183-11; Letter of V.V. Rudin, Head of Investigation Department of Kemerovo Oblast, 16 March 2011, no. 206-40-3-2011; Letter of S.A. Karpekin, Head of the Department of Supervision on Criminal Procedure and Operational-Investigative Activity of General Prosecutor's Office of Leningrad Oblast, 14 March 2011, no. 16/20-

257-2011; Letter of N.D. Gorin, acting Head of the Department of Supervision on Criminal Procedure and Operational-Investigative Activity of General Prosecutor's Office of Tomsk Oblast, 21 February 2011, no. 15-147-2011; Letter of N.I. Krasikova, acting Head of the Department of Supervision on Investigation in Agencies of the General Prosecutor's Office in Moskovskaya Oblast, 11 March 2011, no. 15-21/2011; Letter of S.V. Reznichenko, Deputy Head of Public Prosecutor in Murmansk Oblast, 21 February 2011, no. 16-132-2011; Letter of O.A. Stepuschenko, Deputy Minister of Internal Affairs in the Republic of Tatarstan, 10 March 2011, no. 2/606; Letter of B.O. Lidzhi-Goryaev, Deputy Head of the Department of Internal Affairs of Astrakhan Oblast, 28 February 2011, No. 44/3-879; Letter of A.N. Kiselev, Deputy Head of the Main Department of Internal Affairs of Altaysky Kray, 2 March 2011, no. 42/709; Letter of V.Ju. Piotrovsky, Head of the Main Department of Internal Affairs of St. Petersburg and Leningrad Oblast, 11 March 2011, no. 58/269; Letter of G.A. Afanasyev, Deputy Head of the Department of Internal Affairs of Pskov Oblast, 18 February 2011, no. 57/343; Letter of P.P. Krivegin, Deputy Head of the Main Department of Internal Affairs of Sverdlovsk Oblast, 10 March 2011, no. 53/344; Letter of S.E. Semenov, Deputy Head of the Main Department of Internal Affairs of Chelyabinsk Oblast, 28 February 2011, no. 2/3-K-2 (the listed letters were received under the CEDAW Project).

⁵⁵See, e.g.: Letter of Yu.S. Shiryayev, Chief Assistant Prosecutor on Supervision on Implementation of Laws on Federal Security and Inter-Ethnic Relations of the General Prosecutor's Office of the Republic of Komi, 24 February 2011, no. 13-p-2011/13406; Letter of B.M. Samoylenko, Deputy Prosecutor of the Republic of Sakha (Yakutiya), 18 February 2011, no. 15-18-2011; Letter of M.V. Osipova, Head of the Department of Supervision on Operational-Investigative Activity of Internal Affairs, Drug Control and Justice Agencies of the General Prosecutor's Office of Zabaykalsky Kray, 28 February 2011, no. 16-154-2011; Letter of I.R. Buranovsky, Deputy Prosecutor of Irkutsk Oblast, 18 February 2011, no. 15/5-05-2011; Letter of I.V. Karapetyan, acting Head of the Department of Supervision on Criminal Procedure and Operational-Investigative Activity of General Prosecutor's Office of Kaliningrad Oblast, 4 March 2011, no. 15-138-2011; Letter of N.I. Krasikova, acting Head of the Department of Supervision on Investigation in General Prosecutor's Office of Moskovskaya Oblast, 11 March 2011, no. 15-21/2011; Letter of V.V. Golub, Head of the Department of Supervision on Investigation, Inquiry and Operational-Investigative Activity of the General Prosecutor's Office in Omsk Oblast, 16 March 2011, no. 15-30-2011/7134; Letter of V.V. Mamaev, acting Head of the Department of Supervision on Procedural Activity of the Investigation Department of the Investigation Committee of the Russian Federation in Chelyabinsk Oblast, the General Prosecutor's Office in Chelyabinsk Oblast, 4 April 2011, no. 15/1-7-2011; Letter of E.V. Rybalkin, Head of the Department of General Prosecutor's Office in Orlovskaya Oblast, 14 March 2011, no. 7-27/BCO-188-11; Letter of R.M. Rashikov, Head of the Department of the Department of Criminal Investigation of the Republic of Dagestan, 28 February 2011, no. 18/626;

Letter of A. Yu. Potapova, the First Deputy Minister of Internal Affairs in the Republic of Karelia, 5 March 2011, no. 1/K-86; Letter of Ya.G. Stakhov, Minister of Internal Affairs of the Republic of Sakha (Yakutiya), 17 March 2011, no. 27/93; Letter of B.O. Lidzhi-Goryaev, Deputy Head of the Department of Internal Affairs of Astrakhan Oblast, 28 February 2011, No. 44/3-879; Letter of Yu.V. Vinogradov, Deputy Head of MOB of the Department of Internal Affairs of Omsk Oblast, 3 March 2011, no. 43/K-19 (the listed letters were received under the CEDAW Project).

⁵⁶See, e.g.: Letter of the V.V. Vlasov, acting Head of the Department of Internal Affairs of Orlovskaya Oblast, 28 February 2011, no. 4/546 (the letter was received under the CEDAW Project).

⁵⁷For example, only under the CEDAW Project the following replies from law enforcement agencies were received. These letters highlighted that programs aimed at prevention of hate crimes against LGBT people would be unreasonable or irrelevant: Letter of Ya.G. Stakhov, Minister of Internal Affairs of the Republic of Sakha (Yakutiya), 17 March 2011, no. 27/93; Letter of Yu.A. Bogdanov, acting Head of UODUUMiPND of the Main Department of Internal Affairs of Krasnodarsky Kray, 9 March 2011, no. 55/490; Letter of S.I. Naumov, Deputy Head of the Department of Internal Affairs of Primorsky Kray, 11 March 2011, no. 6/1064; Letter of G.A. Yakovlev, Head of the Department of Organization of Activity of Local Police Officers and Divisions on Juvenile Cases of the Main Department of Internal Affairs of Moskovskaya Oblast, 10 March 2011, no. 49/K-44; Letter of E.I. Hismatullin, Deputy Head of the Department of Internal Affairs of Murmansk Oblast, 22 February 2011, no. 83/7-472; Letter of S.Yu. Skubak, Deputy Head of the Criminal Police of the Main Department of Internal Affairs of the Moscow City, 25 March 2011, no. 3/3976; Letter of M.V. Osipova, Head of the Department of Supervision on Operational-Investigative Activity of Internal Affairs, Drug Control and Justice Agencies of the General Prosecutor's Office of Zabaykalsky Kray, 28 February 2011, no. 16-154-2011.

⁵⁸Letter of V.Ju. Piotrovsky, Head of the Main Department of Internal Affairs of St. Petersburg and Leningrad Oblast, 11 March 2011, no. 58/269.

⁵⁹Letter of I.I. Burlakov, Deputy Head of the Committee on Law, Order and Security of the Government of St. Petersburg, 11 March 2011, no. 35-1142/11-0-1.

⁶⁰See, e.g.: <http://www.ikd.ru/node/14984> (date of access: 02.08.2012).

⁶¹Copies of the documents on cases are kept in the Russian LGBT Network's archive

⁶²Information was provided under the monitoring program of the Russian LGBT Network.

⁶³Information was provided under the monitoring program of the Russian LGBT Network.

⁶⁴Information was provided by Mikhail Belodedov, Advocacy Manager at "Coming Out." Copies of the appeals are kept in the organization's archive.

⁶⁵Information was provided by Mikhail Belodedov, Advocacy Manager at "Coming Out."

⁶⁶All the documents are kept in the archive of Organization "Gender and Law" (Novosibirsk) that was the one who contacted law enforcement bodies (together with Novosibirsk Regional Branch of the Russian LGBT Network). Media publications about the attack and following events see, e.g. (in Russian):<http://academ.info/news/19235> (date of access: 02.08.12);<http://globalsib.com/13161/> (date of access: 02.08.12).

⁶⁷Report of the Special Rapporteur A/56/156, ¶ 25.

⁶⁸See, e.g.: <http://www.frontlinedefenders.org/ru/node/18668> (date of access: 02.08.12);<http://www.bok-o-bok.ru/news.asp?lan=2&tid=769> (date of access: 02.08.2012).

⁶⁹Report of the Special Rapporteur A/56/156, ¶ 19.

⁷⁰For example, one of such researches demonstrated that in those states of the US where laws limiting gay and lesbian rights are in place, rate of homophobic hate crimes is also higher. See: Parfaite-Claude D. Gay-bashing, interrupted: the effects of the presence of state hate crime statutes on the prevalence of hate crimes against gay individuals. Washington, DC: Georgetown University, 2011.

⁷¹See, e.g.: Indonesia, ¶ 19 CAT/C/IDN/CO/2 (2008): "The Committee is especially concerned that the Attorney-General has announced plans to make public a joint ministerial decree that will criminalize the activities of the Ahmadiyah. [...] The Committee is especially concerned that State party officials who may authorize a decree banning the Ahmadiyah, thereby putting members of that community at further risk of ill-treatment and physical abuse, also express the view that the Ahmadiyah must refrain from "provoking" members of the community, in effect blaming the group at risk."

⁷²According to the adopted law, "public activities aimed at propaganda of sodomy, lesbianism, bisexuality and transgenerality among minors should be punished by administrative fine up to 5 000 RUR – for citizens, up to 50 000 RUR – for officials, and 200 000–500 000 RUR – for organizations." At that, "public activities aimed at propaganda of sodomy, lesbianism, bisexuality and transgenerality among minors" is understood by the law as "an activity aimed at deliberate and uncontrolled dissemination of information in the generally accessible way capable of harming the health, moral and spiritual development of minors, including by forming misrepresented conceptions of social equality of traditional and non-traditional marital relationships." At the same time with prohibition of "propaganda of homosexuality" "propaganda of pedophilia" was also prohibited. The text of the law is available in Russian at: <http://www.gov.spb.ru:3000/noframe/law?d&nd=537913971&prevDoc=891831166> (date of access: 13.09.2012).

⁷³Different documents and other data on these laws and campaigns against them see, e.g.: <http://stopzakon.wordpress.com/>.

⁷⁴This case was recorded under the monitoring program conducted in St. Petersburg by LGBT Organization "Coming Out" in cooperation with the Russian LGBT Network.

⁷⁵URL:http://www.narodsobor-spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=44:2012-09-14-13-43-14&catid=1:2012-07-16-11-40-34&Itemid=93 (date of access: 27.09.2012).

⁷⁶See: a group on the web-site of the Russian social network "VKontakte" named "Free Dmitry Deyneko!". URL: http://vk.com/d_deineko (date of access: 27.09.2012).

⁷⁷URL:http://www.narodsobor-spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=39:2012-08-27-10-51-03&catid=1:2012-07-16-11-40-34&Itemid=93 (date of access: 27.09.2012).

⁷⁸URL:<http://aartuh.ru/blog/61-soprotivljatsja-politsejskim-mozhno-soprotivljatsja-pederastam-nelzja.html> (date of access: 27.09.2012).

⁷⁹DeputyPeterburgaodobriliivvedenieshtrafovzapropagandugomoseksualizma [St. Petersburg MPs approved introduction of fines for propaganda of homosexuality], BaltInfo, 2011, 16 November. URL: <http://www.baltinfo.ru/2011/11/16/Deputy-Peterburga-odobrili-vvedenie-shtrafov-za-propagandu-gomoseksualizma-241404> (date of access: 27.09.2012).

⁸⁰Siberian News Portal «Сиб.фм», 14 March 2012. Zapretpropagandygomoseksualizmaodobren v comitete novosibirskogo zaksobraniya [Prohibition of propaganda of homosexuality was adopted by the Novosibirsk Legislature's Committee]. URL: <http://sib.fm/news/2012/03/14/zapret-propagandy-gomoseksualizma-odobren-v-komitete> (date of access: 31.07.2012).

⁸¹Oparina, I. (2012) Izgonyayuschiy geev [Casting out gays] (Samarskoe Obozrenie, 16, 15 March).URL: <http://www.63media.ru/press/15.03.2012/168615/> (date of access: 20.08.2012).

⁸²TV Channel "Rossiya 1", 4 April 2012. The record is available at: http://russia.tv/video/show/brand_id/9777/video_id/121681/viewtype/picture (date of access: 20.08.2012).

⁸³The appeal's text and signatures are available at: <http://democrator.ru/problem/7060> (date of access: 28.09.2012).

⁸⁴Letter of A.A. Kuznetsov, acting Head of the Center for Extremism Prevention of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs in Moscow, 29 August 2012, no. 84/И-11. Available at: http://ic.pics.livejournal.com/ilupin/16147666/34090/34090_original.jpg (date of access: 28.09.2012).

⁸⁵Russian Federation, ¶ 22 CAT/C/RUS/CO/4 (2006).

⁸⁶RDD T95-05832, T95-05833, T95-05834, T95-05835, Refugee Division, 1996.

⁸⁷CRDD A98-00268, Refugee Division, 1998.

⁸⁸URL:<http://pqasb.pqarchiver.com/thestar/access/1065976561.html?dids=1065976561:1065976561&FMT=ABS&FMTS=ABS:FT&date=Jun+25,+2006&author=&pub=Toronto&edition=&startpage=A.09&desc=Fearless+in+Canada> (date of access: 08.10.2012).

⁸⁹CRR, 21 octobre 2005, 495394, M.K.; Appartenance a un certain groupe social.

⁹⁰CRR, 31 mai 2006, M. OI, No543182.

⁹¹See, e.g.: <http://www.nydailynews.com/new-york/filmmaker-alexander-kargaltsev-flees-russia-attacks-gays-spike-homeland-article-1.1041872>; <http://www.immigrationequality.org/2012/03/our-asylum-victories-are-making-headlines/>; http://thestory.org/archive/the_story_051412.mp3/view (date of access: 08.10.2012).

⁹²URL: http://www.rferl.org/content/russia_gay_rights_lgbt_asylum/24564738.html (date of access: 08.10.2012).

⁹³See, e.g.: Peru, ¶ 23, CAT/C/PER/CO/4 (2006).

⁹⁴See, e.g.: Slovakia, ¶ 14, CAT/C/SVK/CO/2 (2009); Czech Republic, ¶ 5, 6, CAT/C/CR/32/2 (2004). Both cases were related to sterilization of Roma women.

The Special Rapporteur has expressed his concerns on practice of coercive sterilization of disabled women, and stressed that such practice could be considered as a form of torture, cruel of inhuman treatment. See: Report of the Special Rapporteur on Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: Promotion and Protection of All Human Rights, Civil, Political, Economic, Social and Cultural Rights, Including the Right to Development, (7th Sess.), U.N. Doc. A/HRC/7/3 (2008), ¶¶ 38, 69.

⁹⁵Interim Report of the Special Rapporteur on Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (63rd Sess.), U.N. Doc.A/63/175 (2008), ¶ 47

⁹⁶See: Germany, ¶ 20, CAT/C/DEU/CO/5 (2011): "The Committee remains concerned at cases where gonads have been removed and cosmetic surgeries on reproductive organs have been performed that entail lifelong hormonal medication, without effective, informed consent of the concerned individuals or their legal guardians, where neither investigation, nor measures of redress have been introduced. The Committee remains further concerned at the lack of legal provisions providing redress and compensation in such cases."

⁹⁷See: Germany, ¶ 20, CAT/C/DEU/CO/5 (2011): "The Committee recommends that the State party:(a) Ensure the effective application of legal and medical standards following the best practices of granting informed consent to medical and surgical treatment of intersex people, including full information, orally and in writing, on the suggested treatment, its justification and alternatives;(b) Undertake investigation of incidents of surgical and other medical treatment of intersex people without effective consent and adopt legal provisions in order to provide redress to the victims of such treatment, including adequate compensation;(c) Educate and train medical and psychological professionals on the range of sexual, and related biological and physical, diversity; and(d) Properly inform patients and their parents of the consequences of unnecessary surgical and other medical interventions for intersex people."

⁹⁸See: Global Bodies call for end to Forced Sterilisation. URL: http://www.wma.net/en/40news/20archives/2011/2011_17/index.html (date of access: 01.08.2012).

⁹⁹Brazil, ¶ 11, CCPR/C/BRA/CO/2 (2005).

¹⁰⁰CM/Rec(2010)5, ¶ 20 of the Appendix.

¹⁰¹Human Rights and Gender Identity: Issue Paper / Council of Europe Commissioner for Human Rights, Strasbourg, 29 July 2009, CommDH/IssuePaper(2009)2. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1476365>(date of access: 16.09.2012).

¹⁰²Discrimination on grounds of sexual orientation and gender identity in Europe, p. 13.

¹⁰³See: A.V. v. Slovakia, 8 November 2011, application no. 18968/07. In this case, a woman of Roma origin was sterilized after given birth of her second child.

¹⁰⁴“No one shall be forced to undergo medical procedures, including sex reassignment surgery, sterilization or hormonal therapy, as a requirement for legal recognition of their gender identity” (Principle 3).

“No person may be forced to undergo any form of medical or psychological treatment, procedure, testing, or be confined to a medical facility, based on sexual orientation or gender identity. Notwithstanding any classifications to the contrary, a person’s sexual orientation and gender identity are not, in and of themselves, medical conditions and are not to be treated, cured or suppressed. States shall: a) Take all necessary legislative, administrative and other measures to ensure full protection against harmful medical practices based on sexual orientation or gender identity, including on the basis of stereotypes, whether derived from culture or otherwise, regarding conduct, physical appearance or perceived gender norms;b) Take all necessary legislative, administrative and other measures to ensure that no child’s body is irreversibly altered by medical procedures in an attempt to impose a gender identity without the full, free and informed consent of the child in accordance with the age and maturity of the child and guided by the principle that in all actions concerning children, the best interests of the child shall be a primary consideration;c) Establish child protection mechanisms whereby no child is at risk of, or subjected to, medical abuse; d) Ensure protection of persons of diverse sexual orientations and gender identities against unethical or involuntary medical procedures or research, including in relation to vaccines, treatments or microbicides for HIV/AIDS or other diseases; e) Review and amend any health funding provisions or programmes, including those of a development-assistance nature, which may promote, facilitate or in any other way render possible such abuses; f) Ensure that any medical or psychological treatment or counselling does not, explicitly or implicitly, treat sexual orientation and gender identity as medical conditions to be treated, cured or suppressed.” (Principle 18).

¹⁰⁵Situation of lesbians, gays, bisexual and transgender people in the Russian Federation – the last quarter of 2011 – the first half of 2012, Moscow, Moscow Helsinki Group, 2012, p. 26.

¹⁰⁶Federal Law “On Acts of Civil Status”: adopted by the State Duma on 22 October 1997, RossiyskayaGazeta, 1997, 20 November (Hereinafter — FL on ACS).

¹⁰⁷SobranieZakonodatel'stvaRossiyskoyFederacii, 1998, 28, art. 3359,para. 8.

¹⁰⁸See: On establishing a working group on preparation of regulations and methodical documentation on diagnostics, treatment and rehabilitation in cases of

transsexualism and other gender identity disorders: Order of the Ministry of Health Care and Social Development of the Russian Federation of 25 April 2005. URL: <http://rudocor.net/medicine/bz-rw/med-umnuz.htm> (date of access: 07.08.2011).

¹⁰⁹See: On annulment of orders of the Ministry of Health Care and Social Development of the Russian Federation: Order of the Ministry of Health Care and Social Development of the Russian Federation of 12 December 2007. Available at the Russian legal database “ConsultantPlus.”

¹¹⁰Letter of I.I. Alyabyeva, Deputy Director of the Department of Legal Aid and Interaction with the Judicial System of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 18 May 2011, no. 16-31767.

¹¹¹Letter of L.S. Smirnova, Head of the Civil Registry Department of Tyumen Oblast, 9 February 2011, no. 116/01-16.

¹¹²See: Letter of N.V. Beglova, Head of the Civil Registry Committee of the Government of St. Petersburg, 18 March 2011, no. 5.03-6-126/11-0-1.

¹¹³“As far as a standard form of the document has not been approved by present time, we require that it include information about fact of surgical intervention aimed at change of sex, as well as confirmation of its positive results. The document should indicate clearly that the purpose has been achieved and sex has been changed” (Letter of I.N. Leonova, Head of the Civil Registry Department of the Republic of Karelia, 2 February 2011, no. 85).

“For satisfying an application for change of a birth record, including in relation to name, surname and middle name, an applicant have to submit a medical certificate confirming the fact of change of sex, including information about surgical correction of sex and indicating that this process is irreversible” (D.K. Sichkar', Head of the Civil Registry Department of the Republic of Komi, 28 February 2011, no. 03-25/167).

“The following documents should be submitted by applicant for relevant change of a civil record because of change of sex, by civil registry office: [...] documents confirming that hormonal replacement therapy and surgery were conducted...” (Letter of O.N. Maznichenko, Head of the Civil Registry Department of KrasnodarskyKray, 4 February 2011, no. 50-506/11-02.1-13).

“As far as a form of document about change of sex was not approved by the Ministry of Health Care and Social Development of the Russian Federation, applications for change of birth register because of change of sex are accepted if an applicant submits medical certificate about sex change organ carrying surgery” (Letter of S.V. Mitrokhin, Director of the Civil Registry Department of the Administration of Vladimir Oblast, 22 February 2011, no. Д3АГС-264-01-23).

“When submitting applications for change of civil register and change of name [...] the following should be provided for: [...] documentation confirming that there are reasons for making the changes (a document in established form issued by medical facility that confirms that the person successfully underwent hormonal treatment and

sex change surgery)...” (Letter of N.V. Gurenkova, Head of the Civil Registry Department of Kemerovo Oblast, 9 February 2011, no. 31).

“As far as a form of document about change of sex issued by medical facility was not approved, in accordance with established procedure, by the Ministry of Health Care and Social Development of the Russian Federation, when applications for change of gender marker in birth register are submitted to civil registry office, a document issued by medical facility about change of sex that has been made as a result of surgical intervention, should be also provided” (Letter of S.N. Dolgova, Head of the Civil Registry Department of Kostroma Oblast, 3 March 2011, no. 173).

“In case of applying to civil registry office in Magadanskaya Oblast, a person willing to change her/his sex, have to present a document issued by medical facility and confirming that as a result of carried out surgery change of sex has been made” (Letter of I.V. Arabidze, Head of the Civil Registry Department of Magadan Oblast, 28 February 2011, no. 427).

“...content of the document [about change of sex] should be in conformance with requirements established by the law [FL on ACS], namely: the document should be issued by medical facility and should confirm the fact that sex attribute of the applicant has been changed. Change of sex attribute is made as a result of surgeries” (Letter of L.N. Dyadchenko, Head of the Civil Registry Department of Novosibirsk Oblast, 22 February 2011, no. 148/35).

“...sex change process should be carried out in the following order: 1. medical examination and issue of doctors’ certificate about need for change of sex; 2. sex change surgery; 3. applying to civil registry office with a certificate confirming sex change surgery carried out in order to change gender marker in civil registry...” (Letter of L.N. Zubareva, Head of the Civil Registry Committee of Orenburg Oblast, 4 March 2011, no. 676).

“For change of civil register a transsexual applicant should submit the following documentation: medical certificate confirming diagnosis ‘Transsexualism’; medical certificate about need for change of sex; confirmation of surgeries that has been performed” (Letter of L.Yu. Sazina, Head of the Civil Registry Division of the Department of Education, Culture and Sport of Orlovskaya Oblast, 30 March 2011, no. 27).

¹¹⁴All the documents on this case were provided by the applicant, and are kept in the archive of organizations presenting this report. Data on city, name of the civil registry office and concrete dates are not disclosure due to will of the applicant that is going to challenge the civil registry office’s acts.

¹¹⁵See in more detail, e.g.: Discrimination on grounds of sexual orientation and gender identity in health care, education, employment and social security in the Russian Federation: an alternative report for the UN CSECR Committee, 2–20 May 2011, p. 11–12, 17. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/ngos/IRSM_RussianFederation_CESCR46_en.pdf (date of access: 13.09.2012).

¹¹⁶The case was told by the transsexual person himself, and documented under the Russian LGBT Network’s monitoring program.

¹¹⁷Decision of Voroshilovsky District Court of Volgograd, 24 February 2010, case

no. 2-865/2010; Decision of Voroshilovsky District Court of Volgograd, 8 April 2010, case no. 2-865/2010; Decision of Volgogradsky Regional Court Collegium for Civil Cases, 10 июня 2010, case no. 33-6119/2010. All the documents are kept in the Russian LGBT Network’s archive.

¹¹⁸Decision of Nikulinsky District Court of Moscow City, 24 June 2010.

¹¹⁹Decision of Voroshilovsky District Court of Volgograd, 4 December 2009, case no. 2-4876/2009. All the documents are kept in the Russian LGBT Network’s archive.

¹²⁰Decision of Kaluzhsky District Court of Kaluzhskaya Oblast, 26 May 2006, case no. 2-2178/2006. The document was provided for by the group for transsexual’s rights “FtM Phoenix.”

¹²¹See: Decision of the Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutiya), 15 December 2005, case no. 33-1235/05.

¹²²Uniform State Exam should be taken for applying to university. In order to improve impartiality of its assessment, the Uniform State Exam is conducted by teachers other than those taught examinee.

¹²³Situation of lesbians, gays, bisexual and transgender people in the Russian Federation – the last quarter of 2011 – the first half of 2012, Moscow, Moscow Helsinki Group, 2012, p. 24.

¹²⁴Interim Report of the Special Rapporteur on Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (63rd Sess.), U.N. Doc.A/63/175 (2008), ¶ 47.

^{125, 126}Report of the Special Rapporteur A/56/156, ¶ 24.

¹²⁷Report of the Special Rapporteur on the Right of Everyone to the Enjoyment of the Highest Attainable Standard of Physical and Mental Health, (15th Sess.), U.N. Doc.A/HRC/14/20 (2010), ¶ 23.

¹²⁸CM/Rec(2010)5, ¶ 34 of the Appendix.

¹²⁹Recommendation CM/Rec(2010)5 of the Committee of Ministers to member states on measures to combat discrimination on grounds of sexual orientation or gender identity – Explanatory Memorandum/ Steering Committee for Human Rights (CDDH), 1081 Meeting, 31 March 2010, CM(2010)4 add3 final. ¶. 34. Available at: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1570957&Site=CM> (date of access: 26.09.2012).

¹³⁰Principle 18.

¹³¹See, e.g.: Pochti dve nedeli shkol’nika, priznavshegosya v gomoseksual’noy orientacii, proderzhali v narkologicheskoy klinike [A schoolboy who declared his homosexuality was detained in a narcological clinic for almost two weeks], Novaya Gazeta, 2012, 25 April.

¹³²Transcript of the interview: guests – Veronika Skvortsova, the Minister of Health Care of the Russian Federation, host – Aleksey Venedictov, the Chief Editor of “Echo of Moscow” / Radio “Echo of Moscow.” Available in Russian at: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/903377-echo/#element-text> (date of access: 31.07.2012).

¹³³Email conversation with Dmitry Andronov, 18 January 2010.

Некоммерческая организация «Благотворительный фонд
правовой и социальной помощи населению Радуга»
Автономная некоммерческая организация социально-
правовых услуг «ЛГБТ-организация Выход»
Межрегиональное общественное движение
«Российская ЛГБТ-сеть»

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ДОКЛАД

**ИСПОЛНЕНИЕ КОНВЕНЦИИ ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ
ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ
ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С СЕКСУАЛЬНОЙ
ОРИЕНТАЦИЕЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ**

*Представлен для сорок девятой сессии
Комитета ООН против пыток
Женева, Швейцария
29 октября – 23 ноября 2012 года*

Содержание

АННОТАЦИЯ	114		
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ	120		
ВВЕДЕНИЕ	122		
1. ПРЕСТУПЛЕНИЯ И РЕЧИ НЕНАВИСТИ В ОТНОШЕНИИ ЛГБТ-ЛЮДЕЙ (СТ. 2, 10, 12, 13, 14 И 16)	126		
Существующие международные подходы и практика	126		
Рекомендации и вопросы Комитета о преступлениях ненависти в России	131		
Данные о преступлениях и речах ненависти в отношении ЛГБТ-людей в России	132		
<i>Отсутствие законодательных мер и соответствующей правоприменительной практики</i>	132		
<i>Отсутствие официальной статистики и программ профилактики преступлений ненависти</i>	136		
<i>Бездействие правоохранительных органов или отсутствие должной реакции</i>	138		
<i>Отсутствие мер по защите потерпевших и свидетелей</i>	141		
<i>Преступления ненависти в отношении правозащитников</i>	143		
<i>Принятие дискриминационных законов как фактор, способствующий разжиганию ненависти в отношении ЛГБТ-людей</i>	146		
<i>Преступления ненависти в отношении ЛГБТ-людей и отсутствие защиты от них как фактор, учитываемый при предоставлении убежища российским гражданам</i>	150		
Выводы	153		
2. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ТРАНССЕСУАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ (СТ. 2, 10, 12, 14 И 16)	155		
Существующие международные подходы и практика	155		
Данные о принудительных медицинских процедурах в отношении транссексуальных людей в России	158		
<i>Попытки «вылечить от транссексуализма»</i>	158		
		<i>Отсутствие надлежащей правовой базы для смены документов</i>	159
		<i>Административная практика</i>	160
		<i>Судебная практика</i>	161
		Последствия несоответствия внешнего вида и документов транссексуальных людей	163
		Выводы	165
		3. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ГОМОСЕСУАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ (СТ. 2, 10, 12, 14 И 16)	167
		Существующие международные подходы и практика	167
		Данные о принудительных медицинских процедурах в отношении гомосексуальных людей в России	169
		Выводы	171
		ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	172
		А. Преступления и речи ненависти (ст. 2, 10, 12, 13, 14 и 16)	172
		Б. Принудительные медицинские процедуры в отношении транссексуальных людей (ст. 2, 10, 12, 14 и 16)	174
		В. Принудительные медицинские процедуры в отношении гомосексуальных людей (ст. 2, 10, 12, 14 и 16)	175
		ПРЕДЛАГАЕМЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	176
		А. Преступления и речи ненависти (ст. 2, 10, 12, 13, 14 и 16)	176
		Б. Принудительные медицинские процедуры в отношении транссексуальных людей (ст. 2, 10, 12, 14 и 16)	178
		В. Принудительные медицинские процедуры в отношении гомосексуальных людей (ст. 2, 10, 12, 14 и 16)	179
		БЛАГОДАРНОСТИ	180
		СВЕДЕНИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИЯХ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ДОКЛАД	181

АННОТАЦИЯ

Представленный доклад содержит альтернативные данные о положении ЛГБТ-людей в России в целом и в Санкт-Петербурге, как наиболее показательном в этом отношении регионе, в частности, сквозь призму недопустимости пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В докладе обращается внимание на три наиболее острые проблемы: преступления и речи ненависти, совершаемые в связи с действительной или предполагаемой сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью, а также принудительные медицинские процедуры в отношении транссексуальных и гомосексуальных людей.

Хотя Конвенция ООН против пыток предусматривает обязательства государства предпринимать меры по недопущению жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, а в рекомендациях и практике международных органов и учреждений такие обязательства тракуются как предполагающие определенные меры по борьбе с преступлениями и речами ненависти в отношении ЛГБТ-людей, для России эта проблема остается чрезвычайно острой. Несмотря на то, что по итогам рассмотрения предыдущего, четвертого периодического доклада Российской Федерации в 2006 году Комитет обращал внимание российских властей на проблему нападений,

совершаемых по признаку расы, этнической или иной принадлежности жертвы¹, и Российской Федерации было рекомендовано «проинструктировать всех должностных лиц о том, что расистские или дискриминационные выступления будут караться и пресекаться, и что любые должностные лица, способствующие упомянутым выше нападениям, будут преследоваться по закону и будут отстранены от исполнения должностных обязанностей до окончания рассмотрения их дела или, в случае угрозы повторения, переведены на другую должность, которая исключала бы их прямой контакт с потенциальными жертвами»², а также «обеспечить оперативное проведение беспристрастных и эффективных расследований всех подобных проявлений насилия», в отношении преступлений и речей ненависти, совершаемых в связи с сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью никаких позитивных мер предпринято не было.

Отсутствует законодательство, признающее преступления и речи ненависти в отношении ЛГБТ-людей совершенными с отягчающим обстоятельством, а действующие в настоящее время правовые нормы не применяются на практике. Органы власти не производят сбор и анализ статистики по таким преступлениям, не организуют обучающих программ для сотрудников правоохранительных органов, не разрабатывают программ профилактики преступлений ненависти в отношении ЛГБТ-людей. Отсутствие системы защиты свидетелей и потерпевших от таких преступлений обуславливает их высокую латентность, при этом органы власти способствуют этому процессу, не возбуждая уголовные дела по заявлениям организаций. Преступления совершаются не только в отношении индивидуальных лиц, но и групп и участников правозащитных мероприятий в поддержку прав ЛГБТ.

По фактам таких преступлений правоохранные органы нередко не предпринимают вообще никаких действий, либо осуществляемые действия не являются достаточными, эффективными и своевременными. Наконец, принимаемые в настоящее время в регионах России законы о запрете так называемой «пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних» лишь способствуют разжиганию ненависти и вражды в отношении ЛГБТ-людей и порождают поток остающихся безнаказанными речей ненависти – в том числе высказываемых представителями власти, что особенно актуально для Санкт-Петербурга.

Несмотря на то, что законодательство России устанавливает принципиальную возможность смены документов транссексуальным людям, реализация этой возможности затруднена в силу отсутствия вот уже более четырнадцати лет механизма смены документов. В результате к транссексуальным людям предъявляются не предусмотренные законом и противоречащие медицинским исследованиям требования о проведении тех или иных медицинских вмешательств для смены документов. Особое беспокойство вызывают требования о проведении хирургических вмешательств – таких, как стерилизация. Без таких хирургических вмешательств транссексуальным людям во многих регионах России практически невозможно поменять документы даже через суд. Положение усугубляется еще и тем, что расходы на такие медицинские вмешательства не покрываются в рамках медицинского страхования и дополнительным бременем ложатся на самих заявителей, при этом далеко не во всех регионах есть специалисты, работающие с транссексуалами. Дискриминация и стигматизация в системе

здравоохранения остается безнаказанной, и транссексуальные люди несут на себе основное бремя этих нарушений.

Хотя Российская Федерация официально перешла на стандарты Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10), в соответствии с которыми гомосексуальность не считается заболеванием, на практике все еще встречаются случаи, когда гомосексуальных людей диагностируют лишь на основании их сексуальной ориентации или даже пытаются «лечить» от гомосексуальности без их согласия. Следует отметить, что многие профессиональные организации уже осуждали практику так называемой «репаративной» терапии³. Кроме того, устаревшие подходы к рассмотрению гомосексуальности все еще проводятся при обучении медицинских специалистов, не произведен полный пересмотр программ и пособий.

По итогам предлагаются возможные вопросы представителям официальной российской делегации, а также перечень рекомендаций, которые, по нашему мнению, способствовали бы разрешению существующих проблем.

Рекомендации в отношении преступлений и речей ненависти включают в себя совершенствование законодательства и правоприменительной практики, позволяющие признавать мотив ненависти в отношении людей, являющихся или воспринимаемых как ЛГБТ, отягчающим обстоятельством; программы профилактики преступлений ненависти в отношении ЛГБТ-людей, обучение сотрудников правоохранных органов и судебной системы, а также обеспечение мер защиты и конфиденциальности жертв и свидетелей таких преступлений; незамедлительное, беспристрастное и объективное расследование по преступлениям ненависти в отношении ЛГБТ-людей,

привлечение к ответственности виновных; обеспечение участникам публичных ЛГБТ-мероприятий защиту от мотивированных ненавистью насильственных нападений, преследований и угроз, а также проведение расследования по имевшим место нападениям на защитников прав ЛГБТ-людей; предупреждение речей ненависти и проведение расследований по имевшим место инцидентам; публичное осуждение преступлений и речей ненависти в отношении ЛГБТ-людей; создание системы сбора и анализа статистики по преступлениям и речам ненависти в отношении ЛГБТ-людей; отмену региональных законов о запрете так называемой «пропаганды гомосексуализма». Все эти рекомендации позволят нивелировать условия, допускающие или даже способствующие совершению попыток в связи с действительной или предполагаемой сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью.

Рекомендации в отношении принудительных медицинских процедур в отношении транссексуальных людей включают в себя издание разъяснений для работников административных органов и судов о недопустимости предъявления к транссексуальным заявителям, желающим сменить документы, требований, не предусмотренных законом и не оправданных медицинскими факторами – в частности, требований о проведении хирургических операций, включая стерилизацию; разработку, с привлечением практикующих в этой области медицинских специалистов, НПО, занимающихся защитой прав транссексуальных людей, а также самих представителей сообщества транссексуалов, прозрачного, доступного и предсказуемого механизма смены документов, не включающего в себя требований

о принудительных медицинских вмешательствах, которые могут составлять пытки, за которые ответственно государство.

В отношении принудительных медицинских процедур в отношении гомосексуальных людей сформулированы такие рекомендации, как обеспечение недопустимости классификации гомосексуальности в качестве заболевания, патологии или отклонения; полное, независимое и объективное расследование, а при необходимости – также привлечение к ответственности виновных лиц – по делу о предполагаемом принудительном помещении гомосексуального подростка в психиатрическую клинику.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ

Гендерная идентичность — глубокое осознание тем или иным лицом внутренних и индивидуальных особенностей гендерной принадлежности, которая может как совпадать, так и не совпадать с полом по рождению, включая индивидуальное ощущение своего тела (при наличии свободной воли может сопровождаться изменением внешности или физиологических функций медицинскими, хирургическими или иными средствами) и другие проявления, такие как одежда, речь и особенности поведения (Джокьякартские принципы)⁴.

ЛГБТ — аббревиатура, используемая для обозначения лесбиянок, геев, бисексуальных и трансгендерных людей.

Преступление ненависти — любое уголовное преступление, в том числе преступление против частных лиц или имущества, в которых жертва, объект или цель преступления выбраны по причине их реальной или кажущейся связи с группой, принадлежности к этой группе, аффилированной с ней, ее поддержке или членстве в ней. При этом группа может быть основана на качестве, свойственном ее членам, как, например, действительная или кажущаяся принадлежность к расе, национальное или этническое происхождение, язык, цвет кожи, религия, пол, возраст, физическая или умственная неполноценность, сексуальная ориентация или другие похожие факторы⁵. В настоящем докладе речь ведется, прежде всего, о преступлениях

ненависти, мотивированных ненавистью в отношении лесбиянок, геев, бисексуальных и трансгендерных людей.

Речи ненависти — все формы выражения мнений, в том числе в СМИ и Интернете, которые могут разумно пониматься как направленные на возбуждение, распространение или поддержание ненависти или иных форм дискриминации в отношении лесбиянок, геев, бисексуальных и трансгендерных лиц⁶.

Сексуальная ориентация — способность того или иного лица к глубокой эмоциональной, приятной и сексуальной привязанности к лицам другого пола или того же пола или обоих полов, а также к вступлению с такими лицами в интимные и половые отношения (Джокьякартские принципы).

Транссексуал — человек, чья гендерная идентичность противоположна врожденному биологическому полу, который желает привести тело в соответствие с идентичностью — как правило, путем гормональной и хирургической коррекции⁷.

Транссексуализм — медицинский диагноз, который, согласно Международной классификации болезней (МКБ-10), обозначается кодом F64.0 и относится к категории расстройств гендерной идентичности класса психических расстройств и расстройств поведения.

Транссексуальная женщина (MtF) — человек, родившийся с мужским телом, но ощущающий себя женщиной.

Транссексуальность — состояние несоответствия между биологическим полом человека, с одной стороны, и его или ее гендерной идентичностью, сочетающегося со стремлением привести тело в соответствие с гендерной идентичностью.

Транссексуальный мужчина (FtM) — человек, родившийся с женским телом, но ощущающий себя мужчиной.

ВВЕДЕНИЕ

В ноябре 2011 года Верховный комиссар ООН по правам человека в своем специальном докладе, посвященном дискриминации и насилию в отношении ЛГБТ-людей, отметила: «Проявления насилия и дискриминации, вызванные сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью, существуют во всех регионах. [...] К видам применяемого насилия можно отнести – не ограничиваясь ими – убийства, изнасилования и физические нападения, пытки, произвольное задержание, отказ в правах на собрание, выражение мнения и информацию, а также дискриминацию в сфере трудоустройства, медицинского обслуживания и образования»⁸. При этом «обязательства государств предотвращать насилие и дискриминацию по причине сексуальной ориентации и гендерной идентичности вытекают из различных международных договоров в области прав человека»⁹.

Одним из основополагающих универсальных международных договоров по правам человека является Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹⁰. Хотя в самом тексте Конвенции не упоминается ни сексуальная ориентация, ни гендерная идентичность, Комитет ООН против пыток в своих замечаниях общего порядка специально подчеркнул, что «частью обязательства по предупреждению пыток или жестокого обращения является

защита некоторых лиц или слоев населения, принадлежащих к меньшинствам или маргинализированным группам, которым особенно серьезно угрожают пытки. Государствам-участникам надлежит обеспечить, чтобы в соответствии с вытекающими из Конвенции обязательствами их законы применялись на практике в отношении всех лиц, независимо от [...] сексуальной ориентации, трансгендерной самоидентификации»¹¹.

Целый ряд проблем, с которыми сталкиваются геи, лесбиянки, бисексуальные и трансгендерные люди в России, сопряжен с недостаточным, по нашему убеждению, вниманием Российской Федерации к исполнению в отношении этой социальной группы обязательств, вытекающих из Конвенции ООН против пыток. В России отсутствуют законодательные акты, защищающие ЛГБТ-людей как уязвимую группу, не разработаны и не приняты никакие программы по повышению толерантности, борьбе с дискриминацией и насилием в отношении данной группы, не собирается официальная статистика преступлений ненависти и иных инцидентов, мотивированных предубеждениями в отношении ЛГБТ-людей. Вместе с тем, организации, представляющие настоящий доклад, в ходе своей деятельности сталкиваются с многочисленными примерами нарушения прав, дискриминации и насилия в отношении ЛГБТ-людей, при этом в большинстве случаев государственные органы не предпринимают мер по защите пострадавших, либо реализуемые меры оказываются крайне неэффективными и несистематическими.

С учетом изложенного, настоящий доклад призван восполнить существующий информационный пробел, дать уважаемым членам Комитета ООН против пыток дополнительные данные о положении ЛГБТ-людей в России в свете норм Конвенции ООН против пыток.

В докладе ставятся и раскрываются три основные проблемы, вписывающиеся в рамки Конвенции ООН против пыток.

Первая из них касается преступлений и речей ненависти в отношении ЛГБТ-людей, а также отсутствия как законодательных, административных, организационных и иных мер по работе с последствиями таких правонарушений (включая законодательное признание мотива ненависти в отношении ЛГБТ-людей отягчающим обстоятельством, развитие системы расследования таких преступлений, защита потерпевших и свидетелей и пр.), так и программ, направленных на профилактику подобных преступлений.

Вторая проблема связана с принудительными медицинскими процедурами в отношении транссексуальных людей, когда в отсутствие четкого прозрачного механизма признания их гендерной идентичности и официальной смены документов на практике от них требуют прохождения через те или иные медицинские вмешательства, при этом особую тревогу вызывает предъявляемое вне законных оснований требование о проведении хирургических операций как условие для смены документов.

Наконец, мы также обращаем внимание на сохраняющуюся, несмотря на переход России на стандарты МКБ-10 практику рассмотрения гомосексуальности в качестве заболевания и даже попытки «лечить» от гомосексуальности.

Каждый из перечисленных аспектов связан с актами пыток, за которые государство может и должно нести ответственность. Мы считаем, что каждый из выделенных аспектов создает условия, в которых пытки становятся приемлемыми, либо сам по себе может рассматриваться

как пытки, которые могут предупреждаться или иногда даже регулироваться представителями государства.

В завершение доклада мы предлагаем перечень возможных вопросов и рекомендаций, которые могли бы позволить увидеть существующую картину более четко, а также обеспечить совершенствование и развитие мер, направленных на защиту ЛГБТ-людей от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения.

1. ПРЕСТУПЛЕНИЯ И РЕЧИ НЕНАВИСТИ В ОТНОШЕНИИ ЛГБТ-ЛЮДЕЙ (СТ. 2, 10, 12, 13, 14 И 16)

Существующие международные подходы и практика.

Конвенция ООН против пыток устанавливает целый ряд обязательств государств-участников, направленных на преодоление последствий, а также предотвращение как пыток как таковых, так и «других актов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания [...]», когда такие акты совершаются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия»¹². В частности, государства-участники должны предпринимать эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения названных актов¹³, обеспечивать проведение компетентными органами быстрого и беспристрастного расследования таких актов¹⁴, а также обеспечение потерпевшим права на предъявление жалобы компетентным властям и права на быстрое и беспристрастное рассмотрение ими такой жалобы, при этом должны предприниматься меры для обеспечения защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями¹⁵.

В своем замечании общего порядка № 2 об осуществлении статьи 2 Комитет подчеркнул, что «частью обязательства по

предупреждению пыток или жестокого обращения является защита некоторых лиц или слоев населения, принадлежащих к меньшинствам или маргинализированным группам, которым особенно серьезно угрожают пытки. Государствам-участникам надлежит обеспечить, чтобы в соответствии с вытекающими из Конвенции обязательствами их законы применялись на практике в отношении всех лиц, независимо от [...] сексуальной ориентации, трансгендерной самоидентификации [...]. В этой связи государствам-участникам следует обеспечить защиту членов групп, которым особенно серьезно угрожают пытки, посредством всестороннего судебного преследования и наказания за любые акты насилия и жестокого обращения в отношении этих лиц и применения других позитивных мер по предупреждению и защите...»¹⁶.

В практике рассмотрения периодических докладов о соблюдении государствами-участниками Конвенции ООН против пыток Комитет уже много раз отмечал проблему преступлений и речей ненависти в отношении так называемых уязвимых групп или групп меньшинств. В частности, Комитет выражал свою обеспокоенность самими фактами совершения таких действий, а также ненадлежащей реакцией правоохранительных органов в ответ на них (отсутствие эффективного расследования)¹⁷. Комитет также рекомендовал государствам-участникам принять законодательство для борьбы с преступлениями и речами ненависти и обеспечить его претворение в жизнь¹⁸.

Кроме того, Комитет стабильно обращает внимание на преступления и речи ненависти именно в отношении ЛГБТ-людей. Так, Комитет неоднократно выражал свою обеспокоенность преступлениями и речами ненависти, а также иными злоупотреблениями, совершаемыми в отношении

ЛГБТ-людей как представителями государства, так и негосударственными субъектами¹⁹, и рекомендовал государствам обеспечить защиту такой уязвимой группы, как ЛГБТ-люди, принять законодательство против преступлений и речей ненависти, разработать меры для практической реализации такого законодательства – в том числе с точки зрения тщательного расследования совершаемых преступлений и создания условий для подачи заявлений о таких преступлениях, собирать и анализировать статистику по таким преступлениям²⁰.

Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания²¹ также обращал особое внимание на то, что жертвами пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказания нередко становятся именно представители ЛГБТ – в частности, в случаях совершения в отношении их из-за их действительной или предполагаемой сексуальной ориентации или гендерной идентичности физического насилия и «корректирующих изнасилований»²². Он также отмечал свою озабоченность тем, что «представители сексуальных меньшинств непропорционально подвергаются пыткам и другим формам жестокого обращения, поскольку они не соответствуют социально сконструированным гендерным ожиданиям. Более того, дискриминация по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности зачастую может способствовать процессу дегуманизации жертвы, что часто составляет необходимое условие пыток и жестокого обращения»²³.

Согласно данным **Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе**, преступления и инциденты, совершаемые на почве ненависти к гомосексуалам, зачастую

характеризуются высокой степенью жестокости и бесчеловечности и совершаются в форме побоев, пыток, причинения увечий, кастрации, сексуальных нападений²⁴.

Верховный комиссар ООН по правам человека в своем докладе о сексуальной ориентации и гендерной идентичности подчеркивала, что «количественная оценка насилия, совершаемого по мотивам негативного отношения к гомосексуалам и транссексуалам, осложняется тем фактом, что лишь немногие государства создали системы мониторинга и регистрации инцидентов такого рода и распространения информации о них. Даже при наличии таких систем инциденты могут оставаться без внимания или информация о них может быть неверной, поскольку жертвы не доверяют полиции, опасаются репрессий или угроз нарушения неприкосновенности частной жизни и не желают заявлять о своей принадлежности к ЛГБТ, либо лица, ответственные за регистрацию инцидентов, не признают мотивы виновных»²⁵.

На основании данных, содержащихся в докладе, государствам-участникам было рекомендовано, в частности: «оперативно расследовать все сообщения об убийствах и других проявлениях грубых нарушений, совершаемых в отношении отдельных лиц по причине их действительной или предполагаемой сексуальной ориентации или гендерной идентичности, независимо от того, совершаются ли они в публичном или частном порядке государственными или негосударственными субъектами, и привлекать виновных к ответственности, а также создать системы для регистрирования и представления информации о таких случаях; б) принимать меры по предотвращению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, проводить

тщательное расследование всех ставших известными случаев применения пыток и жестокого обращения и привлекать к уголовной ответственности и наказывать ответственных за них лиц»²⁶.

Проблема преступлений и речей ненависти в отношении ЛГБТ-людей также все более глубоко проникает в повестку дня учреждений Совета Европы. К примеру, **Рекомендация CM/Rec(2010)5 Комитета министров Совета Европы государствам-участникам «О мерах по борьбе с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности»** предусматривает целый перечень мер, которые государствам следует предпринимать для защиты ЛГБТ-сообщества от преступлений ненависти²⁷, включая обеспечение надлежащего расследования таких преступлений, учет мотива их совершения при назначении наказания, поддержку и защиту свидетелей и потерпевших, сбор и анализ информации о совершаемых преступлениях такого рода. Отдельный перечень мер, предусмотренных Рекомендацией, разработан для борьбы с речами ненависти, направленными против ЛГБТ-людей²⁸. Аналогичные рекомендации для государств-участников сформулировал и Комиссар по правам человека Совета Европы по итогам сравнительного анализа социального и правового положения ЛГБТ-людей во всех 47 странах-участниках²⁹

Европейский Суд по правам человека в своей практике также уже приходил к выводу, что отсутствие учета мотива ненависти при расследовании преступлений ненависти и назначения наказания за них составляет нарушение норм Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод³⁰ – права не подвергаться пыткам (ст. 3), а также права на недискриминацию (ст. 14)³¹.

Наконец, следует отметить, что большое внимание определению обязательств государств и мерам, направленным на борьбу с преступлениями и речами ненависти, как и их предотвращению, было уделено в **Джокьякартских принципах**³², уже предлагаемых Комитетом в качестве возможного стандарта для реализации рекомендаций государством-участником³³.

Проблема преступлений и речей ненависти в отношении ЛГБТ-людей в России уже признавалась договорными органами по правам человека ООН. Так, в 2009 году **Комитет ООН по правам человека** отметил свою обеспокоенность «актами насилия в отношении лесбиянок, гомосексуалистов, бисексуалов и транссексуалов (ЛГБТ), включая сообщения о притеснениях со стороны милиции и инциденты, когда люди становились объектами нападений или убийств по причине их сексуальной ориентации», а также обратил внимание на имеющие место в России «мотивированные ненавистью высказывания, проявления нетерпимости и предубеждения со стороны государственных должностных лиц, религиозных лидеров и средств массовой информации»³⁴. Подобные замечания высказал в 2010 году и Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин³⁵.

Рекомендации и вопросы Комитета о преступлениях ненависти в России.

По итогам рассмотрения предыдущего, четвертого периодического доклада Российской Федерации в 2006 году Комитет обращал внимание российских властей на проблему нападений, совершаемых по признаку расы, этнической или иной принадлежности жертвы, сославшись при этом

на «сообщения о росте числа нападения, совершаемых по признаку расы, этнической и иной принадлежности жертвы [...] и об отсутствии эффективных расследований таких преступлений»³⁶. Российской Федерации было рекомендовано «проинструктировать всех должностных лиц о том, что расистские или дискриминационные выступления будут караться и пресекаться, и что любые должностные лица, способствующие упомянутым выше нападениям, будут преследоваться по закону и будут отстранены от исполнения должностных обязанностей до окончания рассмотрения их дела или, в случае угрозы повторения, переведены на другую должность, которая исключала бы их прямой контакт с потенциальными жертвами»³⁷, а также «обеспечить оперативное проведение беспристрастных и эффективных расследований всех подобных проявлений насилия»³⁸.

Кроме того, в 2009 году Российской Федерации было предложено дополнительно пояснить, в частности, какие именно меры по организации общественных кампаний были приняты, были ли проведены расследования по сообщениям о преступлениях ненависти, сколько из них окончились вынесением обвинительных приговоров и какие меры наказания были определены³⁹.

Данные о преступлениях и речах ненависти в отношении ЛГБТ-людей в России.

Отсутствие законодательных мер и соответствующей правоприменительной практики.

Уголовный кодекс Российской Федерации⁴⁰ содержит в себе перечень защищаемых признаков, обуславливающих признание мотива ненависти в отношении той или иной

социальной группы отягчающим наказанием обстоятельством либо квалифицирующим признаком того или иного состава преступления⁴¹. При этом перечень признаков, действующий в настоящее время, расширен по сравнению с первоначальной редакцией Уголовного кодекса. Однако ни сексуальная ориентация, ни гендерная идентичность по-прежнему не включены в текст норм Уголовного кодекса, хотя попытки соответствующим образом дополнить действующее законодательство предпринимались⁴².

Предложения ЛГБТ-организаций о дополнении уголовного законодательства прямым указанием на сексуальную ориентацию и гендерную идентичность в перечне охраняемых признаков остаются без внимания со ссылками на то, что «наше общество еще не готово»⁴³ или подобные дополнения были бы «нецелесообразными»⁴⁴. Более того, нередко представители органов власти не понимают смысла и значения создания системы охраны ЛГБТ-людей, как определенной группы, от преступлений ненависти – считая, что создание такой системы повлекло бы за собой нарушение прав и интересов других лиц⁴⁵.

Таким образом, в настоящее время в условиях действующего законодательства преступления ненависти в отношении ЛГБТ-людей лишь теоретически могут квалифицироваться как преступления ненависти в отношении «социальной группы» (прямо поименованной в нормах Уголовного кодекса). Однако на практике подобного применения закона не происходит.

Так, в 2008 году правоохранительные органы отказались признавать преступлением публичное заявление губернатора одного из регионов: «Толерантность?! К черту! Гомиков надо рвать! И по ветру бросать их куски!.. Надо чистить это поганое

гнездо!» Отказ был обоснован ссылкой на предоставленное экспертное заключение, в котором утверждалось, что геи не являются социальной группой. Экспертное заключение профессора И.С. Кона о том, что геи могут быть признаны социальной группой, не было принято во внимание⁴⁶. В другом деле в 2007 году правоохранительные органы отказались возбуждать уголовное дело по факту возбуждения социальной розни в случае, когда один из религиозных лидеров заявил, что геев «следует только лупить». Отказ также был обоснован ссылкой на экспертное заключение, согласно которому «сексуальные меньшинства не являются социальной группой и тем более не являются социальной группой по признаку пола, а входят в девиантную социальную группу, куда также входят преступники, наркоманы и иные лица с отклонениями от принятого в обществе поведения»⁴⁷.

Предложения о разъяснении понятия «социальная группа», используемого как охраняемый признак Уголовным кодексом, подготовленные для Верховного Суда Российской Федерации ЛГБТ-организациями, остались без внимания⁴⁸. Изданное недавно постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»⁴⁹ не говорит ничего о защите ЛГБТ-людей в данном контексте.

На практике лица, совершающие преступления ненависти в отношении ЛГБТ-людей, могут осуждаться судом, однако делается это на «общих» основаниях, мотив не исследуется достаточно и не учитывается при назначении наказания.

Так, в июне 2011 года в Москве группой мужчин была жестоко забита до смерти транссексуальная женщина. Как установила судебно-медицинская экспертиза, смерть потерпевшей наступила в результате открытой

проникающей черепно-мозговой травмы, сопровождавшейся множественными ушибленными ранами головы, вдавленными переломами костей свода черепа, ушибом и размозжением вещества головного мозга. Хотя виновные были найдены и осуждены (за причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего), действительный мотив данного преступления не был учтен судом – даже несмотря на то, что и сами преступники, и свидетели происшествия прямо указывали на мотив (избиение началось после того, как мужчины обнаружили, что находившаяся с ними девушка является транссексуальной), что было отражено в описании дела в протоколах и судебных решениях⁵⁰.

В сентябре 2010 года три молодых человека жестоко избили до смерти своего знакомого. Приговором суда было установлено, что преступление было совершено «умышленно, на почве личных неприязненных отношений, вызванных предположением о том, что [потерпевший] является лицом нетрадиционной сексуальной ориентации»⁵¹, а жертве были причинены многочисленные тяжелые телесные повреждения, включая «повреждения в виде гематомы (кровоподтека) внутрикожной в области грудной клетки слева с переломом ребер и с ранением острыми краями отломков ребер внутреннего листка париетальной плевры и внутренним кровотечением в левую плевральную полость; гематомы (кровоподтека) внутрикожной в области грудной клетки с переломом ребра и с ранением внутреннего листка париетальной плевры и внутренним кровотечением в левую плевральную полость; гематомы (кровоподтека) внутрикожной в области передней брюшной стенки с кровоизлиянием в стенки тонкого кишечника, [...] которые привели к развитию шока геморрагического, вследствие которого через непродолжительное время

наступила смерть потерпевшего». Один из нападавших признался, что «в ходе разговора кто-то из мужчин сообщил, что [жертва] является лицом нетрадиционной сексуальной ориентации. [Преступников] такое сообщение возмутило»⁵². Один из нападавших, в отношении которого был вынесен приговор, был осужден к лишению свободы на срок четыре года и три месяца, однако суд при этом указал, что обстоятельств, отягчающих наказание, нет⁵³. Другой нападавший, более старшего возраста, был осужден к лишению свободы сроком на четыре года и шесть месяцев, при этом отягчающих обстоятельств суд также не обнаружил⁵⁴.

Отсутствие официальной статистики и программ профилактики преступлений ненависти.

Статистика о преступлениях ненависти и речах ненависти в отношении ЛГБТ-людей в России не собирается и, соответственно, не анализируется. Этому способствует, в частности, тот факт, что сексуальная ориентация и гендерная идентичность не поименованы в законодательстве в качестве охраняемых признаков, а потому и не включены в формы статистического учета⁴⁵.

Обращения ЛГБТ-организаций в правоохранительные органы с просьбой предоставить такую статистику не приводят ни к чему – все федеральные и региональные органы власти отвечают, что подобных преступлений зарегистрировано не было (уголовные дела не возбуждались и не расследовались)⁵⁶ или преступлений вообще не совершалось⁵⁷. Характерно при этом, что из-за отсутствия статистики правоохранительные органы нередко делают выводы об отсутствии преступлений, а потому – и отсутствии необходимости принимать законодательство, защищающее ЛГБТ от преступлений и речей

ненависти, внедряя соответствующие компоненты в системы обучения сотрудников правоохранительных органов, а также разрабатывать и реализовывать программы, направленные на предотвращение преступлений и речей ненависти⁵⁸.

Характерным и, пожалуй, наиболее ярким в этом отношении является такой регион, как Санкт-Петербург, где одновременно действует наибольшее количество активных правозащитных и иных ЛГБТ-организаций, совершаются акты насилия в отношении представителей ЛГБТ-сообщества и предпринимаются попытки законодательно ограничить права ЛГБТ-активистов. По данным мониторинга, проводимого ЛГБТ-организацией «Выход» совместно с МОД «Российская ЛГБТ-сеть» в Санкт-Петербурге, в 2010 году в регионе было совершено одно преступление ненависти в отношении представителей ЛГБТ-сообщества (избиение), тогда как в 2011 году число таких инцидентов, попавших в базу мониторинга, составило уже 13 случаев, и за прошедший период 2012 года было зарегистрировано 6 случаев (пять избиений и одно убийство).

Однако региональные правоохранительные органы не признают наличия проблемы и не намерены разрабатывать какие-либо программы профилактики преступлений ненависти в отношении ЛГБТ-людей. Так, начальник Главного управления внутренних дел по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области отметил: «В последние годы на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области не отмечено случаев массового или систематического совершения преступлений в отношении указанной категории лиц, а также нарушения их прав сотрудниками органов внутренних дел по мотивам ненависти в отношении данной социальной группы, в связи с чем полагаем нецелесообразной разработку специальной программы

профилактики преступлений на почве ненависти в отношении гомосексуалистов, бисексуалов и транссексуалов, а также включение вопросов предупреждения таких преступлений в программы подготовки и переподготовки сотрудников органов внутренних дел и сбор подробной статистической информации о преступлениях, совершаемых на почве ненависти к указанной категории лиц»⁴⁸. Аналогичного мнения придерживается и заместитель председателя Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности Правительства Санкт-Петербурга: «...разработка отдельной программы по профилактике в Санкт-Петербурге преступлений, совершаемых на почве ненависти в отношении гомосексуальных, бисексуальных и трансгендерных людей, представляется нецелесообразным»⁵⁹.

Бездействие правоохранительных органов или отсутствие должной реакции.

Особой проблемой, связанной с преступлениями ненависти в отношении ЛГБТ-людей, в контексте Конвенции ООН против пыток, являются действия представителей государства – прежде всего, правоохранительных органов. К сожалению, зачастую они либо вообще бездействуют (отказывают в возбуждении уголовного дела, не приезжают на место происшествия), либо их действия можно рассматривать как недостаточно эффективные и не адекватные происходящему (не предпринимаются усилия для поиска нарушителей или установления мотива преступления, не собираются необходимые доказательства и пр.).

Так, 30 октября 2010 года в Томске было совершено нападение на группу ЛГБТ-активистов, раздававших на улице листовки с призывом к толерантности по отношению к ЛГБТ-людям. На них напала группа из восьми-девяти человек, лица

которых были закрыты шарфами бело-зеленой расцветки – традиционной для фанатов местного футбольного клуба. Избиение сопровождалось гомофобными выкриками. В результате жестокого избиения трое активистов были доставлены в больницу с серьезными травмами. Нападение произошло в непосредственной близости от поста милиции, но сотрудниками милиции не вмешались⁶⁰. Пострадавшие приложили все усилия для того, чтобы по факту произошедшего провели расследование, однако полиция приостановила дело, заявив, что нападавшие не найдены, а квалифицировать нападение как преступление ненависти нельзя, так как потерпевшие не доказали своей принадлежности к социальной группе (хотя фактически следственным органам было известно и о раздаче листовок, и о гомофобных выкриках, и о деятельности активистов)⁶¹.

12 марта 2012 года в Самаре молодой человек (М.) проводил время со своим знакомым в общей компании, где признался, что он – гей. Позже, когда М. собрался уходить домой, знакомый вызвался его проводить до дома. В лифте он начал наносить удары М. в область головы. М. госпитализировали, были зафиксированы ушибы мягких тканей лица, черепно-мозговая травма (сотрясение мозга). Данные сведения переданы в полицию. После выписки из больницы М. обратился в отделение полиции, чтобы написать заявление, где его стали убеждать не писать его, пригласить нападавшего в отделение, чтобы «поговорить и решить разногласия». После отказа во встрече М. не хотели давать подтверждение принятия заявления и дали его только после телефонного разговора с юристом Российской ЛГБТ-сети⁶².

В марте 2012 года в Омске подверглась нападению со стороны группы молодых людей девушка-трансгендер.

Девушку стали преследовать еще в караоке-клубе, где она отдыхала. До начала избиений она успела позвонить в полицию (и сделала это еще несколько раз позже). Однако полицейские приехали лишь через 40-50 минут, не сразу бросились к месту нападения (к этому моменту нападавшие уже стали избивать девушку с применением кастетов), а после доставления пострадавшей и двоих из нападавших в отделение полиции неохотно вызывали скорую, после дачи показаний отпустили всех домой. На следующий день девушка получила заключение судебно-медицинской экспертизы и доставила его в отделение полиции, однако в возбуждении уголовного дела было отказано со ссылкой на отсутствие достаточных доказательств⁶³.

В Санкт-Петербурге 20 ноября 2010 года группой неонацистов, сторонников «Русского имперского движения», «Народного собора» и футбольных фанатов, было совершено нападение на участников ЛГБТ-пикета организации «Равноправие», приуроченного ко Всемирному Дню Толерантности, – их забрасывали яйцами, петардами, отбирали у организаторов пикета плакаты и транспаранты, ломая и топча их ногами, выкрикивая оскорбления «Содом не пройдет», «Педерасты, вон из Питера!», «Долой педерастов!». Об этом свидетельствуют фотографии и видеоматериалы, сделанные на месте событий. Несмотря на то, что мероприятие было согласовано с администрацией Центрального района города, сотрудники полиции не предотвратили нападение. Более того, не было проведено должного расследования нападения, несмотря на обращение АНО «ЛГБТ-организации Выход» и самих пострадавших в ГУ МВД по Санкт-Петербургу и прокуратуру города⁶⁴.

20 ноября 2011 года на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге проходил флешмоб, участники которого выступали

против принятия в Санкт-Петербурге закона о так называемой «пропаганде гомосексуализма». По окончании флешмоба один из свидетелей флешмоба обратился к сотрудникам полиции с просьбой сопроводить группу флешмобщиков до метро в связи с опасностью нападений со стороны появившихся националистов и футбольных фанатов. Однако сотрудник полиции отказался сопроводить группу, сказав, что безопасность – это дело самих участников⁶⁵.

Отсутствие мер по защите потерпевших и свидетелей.

Необходимость обеспечения защиты и безопасности свидетелей и потерпевших предусмотрена в общем непосредственно Конвенцией ООН против пыток, а также в частности – в отношении свидетелей преступлений ненависти в отношении ЛГБТ-людей – рекомендациями целого ряда международных органов. Однако в России не предпринимаются действия для защиты свидетелей или потерпевших от преступлений ненависти в отношении ЛГБТ-людей. Это порождает особую проблему процессуального характера, значительно снижающую возможность возбуждения и расследования подобных преступлений. Хотя дела по преступлениям ненависти считаются, согласно российскому законодательству, делами публичного обвинения (то есть правоохранительные органы должны возбуждать их вне зависимости от того, откуда пришла информация – это может быть даже сообщение в СМИ), аналогичные преступления без такого мотива могут быть делами частного обвинения (когда дело может быть возбуждено только по заявлению самого потерпевшего). Однако гомофобные инциденты уже помещают пострадавшего в атмосферу крайней незащищенности,

оставляют его лицом к лицу с агрессивными группами, которые причиняют ему вред по причине наличия в нем определенной неотъемлемой характеристики. Иными словами, пострадавший от преступления ненависти может бояться повторения произошедшего и мести со стороны радикальных группировок, и потому для него еще сложнее обратиться в полицию, участвовать в деле, встречаться с нападавшими и т.д. В результате преступления остаются безнаказанными, а круг насилия продолжается.

В Новосибирске 24 декабря 2011 года на митинге «За честные выборы» во время шествия колонны демонстрантов было совершено нападение на одного из участников митинга. Молодой человек, ЛГБТ-активист, развернул радужный флаг (в шествии принимали участие различные движения, и представители многих из них несли свою символику). Практически сразу активиста повалили на землю и стали избивать. Нападавшие предположительно принадлежали к националистической группировке. Представитель полиции проводил пострадавшего в безопасное место, однако не было составлено протокола, нападавшие не были задержаны и даже, по свидетельствам очевидцев, приняли участие в заявлениях со сцены. ЛГБТ-организации обратились в правоохранительные органы с требованием возбудить уголовное дело по факту нападения, подчеркнув при этом необходимость исследовать вопрос о мотиве нападения. В заявлении были названы конкретные положения Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяющие квалифицировать данный случай как нападение на почве ненависти в отношении социальной группы, были также приведены сведения, позволяющие предположить мотив нападения – ненависть в отношении ЛГБТ-людей (радужный флаг как символ гей-движения,

националистическая символика у нападавших и др.). Однако в начале 2012 года в возбуждении уголовного дела было отказано со ссылкой на то, что это – дело частного обвинения, а заявления от самого пострадавшего не поступало. Активист действительно не обращался в правоохранительные органы сам, опасаясь за свою безопасность и безопасность своей семьи. Однако Уголовный кодекс Российской Федерации считает делом частного обвинения лишь дела о «простых» нападениях, мотив ненависти автоматически делает такое дело делом публичного обвинения, а это означает, что правоохранительные органы обязаны возбудить дело даже без заявления потерпевшего – лишь на основании полученной информации⁶⁶.

Преступления ненависти в отношении правозащитников.

Как отмечал Специальный докладчик, защитники прав человека ЛГБТ-людей «зачастую уязвимы перед лицом предрассудков, маргинализации и общественного отрицания – не только со стороны органов государства, но и со стороны других акторов общества»⁶⁷. Поэтому преступления ненависти в отношении защитников прав ЛГБТ должны составлять предмет особой заботы государства. К сожалению, в России подобные преступления нередки, и до сих пор не было ни одного случая осуждения нарушителей по таким преступлениям.

Весьма показательным в этом отношении также является Санкт-Петербург, где проводятся многочисленные акции в поддержку прав ЛГБТ и открыто действуют несколько ЛГБТ-организаций.

Так, 17 мая 2012 года ЛГБТ-организацией «Выход» проводился согласованный митинг «Радужный флэш-моб».

Акция охранялась сотрудниками правоохранительных органов. Рядом с митингующими собирались «православные активисты», выступающие против публичных акций ЛГБТ-сообщества. Один из контрдемонстрантов совершил нападение на участников флэш-моба, выстрелив из газового пистолета в лицо одному из участников ЛГБТ-митинга. Телесные повреждения были зафиксированы скорой помощью. Произошедшее было запечатлено на видео- и фотокамеры. Нападавшего задержали сотрудники полиции. По факту нападения возбуждено уголовное дело по статье «Хулиганство», однако мотив нападения не учитывается правоохранительными органами несмотря на усилия самого пострадавшего и его представителей.

В то же время недалеко собирались радикально настроенные молодые люди, предположительно ультраправой идеологии. По другой стороне набережной приближались молодые люди, большинство из которых скрывали свои лица под медицинскими масками и платками. Продвигаясь по набережной и уже в непосредственной близости с митингующими, они скандировали «Мы вас повесим и закопаем» и поднимали вверх руки. После завершения акции всех участников посадили в автобусы полиции и организаторов и доставили к метро. В то же время те же молодые люди с криками, выкрикивая оскорбления в отношении гомосексуалов, совершили нападение на два автобуса с иностранными рабочими. Выбили окна, избили людей в автобусах и создали пробку на дороге. Полиция стояла неподалеку и ничего не делала.

В июне 2012 года в Санкт-Петербурге после демократического общегражданского митинга было совершено нападение на активистов группы «Альянс гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ». Нападавшими

были несколько агрессивно настроенных молодых людей, которые наносили удары активистам, вырывали из рук свернутые баннеры с названием организации, после чего попытались скрыться. Трое нападавших были задержаны сотрудниками полиции. Все пострадавшие зафиксировали свои повреждения и передали соответствующие данные полиции. Полиция квалифицировала случившееся как «хулиганство». Важно также отметить, что пострадавшие заметили, что за ними следят еще в ходе митинга, который охраняли правоохранительные органы. Об этом было указано правоохранительным органам, однако те убедили активистов «Альянса гетеросексуалов», что ничего не случится, а ходить и охранять каждого они не будут.

Периодически подвергаются угрозам, нападениям и преследованиям и организаторы ЛГБТ-кинофестиваля «Бок о бок», при этом правоохранительные органы не реагируют на большинство инцидентов.

Так, незадолго до запланированного открытия кинофестиваля в Кемерово 1 июня 2012 года организаторы подверглись угрозам со стороны ультраправой группировки «Русский патриотический клуб», базирующейся в соседнем Новокузнецке. Об этих угрозах сообщили в полицию, которая не предприняла по этому поводу никаких действий. После этого организаторы встретились с представителями местных правоохранительных органов и администрации, которые отказались предоставить фестивалю защиту. 3 июня 2012 года было совершено нападение на местного организатора фестиваля. Представитель «Русского патриотического клуба» в своем видеообращении, распространенном в социальных сетях, заявлял: «...нам пришлось самим ехать в Кемерово. [...] мы готовы были сжечь к чертовой матери гостиницу [в которой планировалось проведение фестиваля]».

В Новосибирске 6 июня 2012 года, на второй день фестиваля «Бок о бок», группа из примерно тридцати гомофобно настроенных молодых людей окружила здание, где происходил показ фильмов. Там же присутствовали полицейские, которые просили толпу разойтись. Молодые люди послушались, однако через несколько минут вернулись. В 9 часов вечера организаторы фестиваля покинули здание под охраной полиции. Когда они уезжали оттуда на такси, была предпринята попытка разбить пассажирское окно машины, в которой они находились, ее толкали другие автомобили и мотоциклы. Полиция не вмешивалась⁶⁸.

Принятие дискриминационных законов как фактор, способствующий разжиганию ненависти в отношении ЛГБТ-людей.

Проблема преступлений ненависти неразрывно связана с причинами появления или поддержания негативных или агрессивных настроений в обществе по отношению к ЛГБТ-людям. Положение, в свою очередь, может усугубляться наличием дискриминационных законов или законов, ограничивающих права определенной социальной группы, символически выдающих санкцию на насилие в отношении их.

Как подчеркивал Специальный докладчик, «представители сексуальных меньшинств лишены инструментов требования и обеспечения исполнения их прав из-за их экономического положения и образовательных возможностей, которые, по всей видимости, зачастую усугубляются или обусловлены **дискриминационными законами** [выделено нами] или отношением»⁶⁹. Влияние наличия законов, дискриминирующих или ограничивающих права ЛГБТ людей на количество преступлений ненависти

подтверждается исследованиями⁷⁰.

Отдельно стоит отметить, что Комитет иногда специально останавливается на недопустимости введения ответственности за саму деятельность групп, являющихся особенно уязвимыми перед преступлениями ненависти, поскольку это может лишь подвергнуть представителей этих групп еще большей опасности, а также осуждает высказывания представителей власти, предлагающих группам меньшинств «не провоцировать» общество⁷¹.

В этой связи крайне важным представляется обратить внимание на принимаемые в регионах России законы о запрете так называемой «пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних». Первый такой закон был принят в Рязани в 2006 году, однако наибольшее внимание общественности привлекло принятие подобного закона в Санкт-Петербурге⁷², где ЛГБТ-организации активно выступали против него. В настоящее время такие законы приняты уже в девяти регионах России, а Государственная Дума рассматривает проект аналогичного федерального закона⁷³.

Хотя законы были приняты не так давно, уже можно проследить определенные тенденции, связанные с преступлениями ненависти в отношении ЛГБТ-людей. Фактически принятие данных законов рассматривается радикально настроенными группами как санкция на насилие.

Так, в Санкт-Петербурге представители групп, нападающих на ЛГБТ-людей и акции в защиту их прав открыто заявляют, что тем самым они «стоят на страже закона». К примеру, 17 мая 2012 года (см. выше) один из контрдемонстрантов в интервью говорил: «Эти наглые содомиты привыкли нарушать закон, они хотят вербовать молодежь, чтобы извращаться и совращать этих людей»⁷⁴.

Также в Санкт-Петербурге в 2012 году полицией был задержан и помещен под стражу один из нападавших на активистов группы «Альянс гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ» в июне 2012 года (см. выше). Однако вскоре он был выпущен на свободу, при этом судья учла обращение шести ультраправых организаций в его поддержку⁷⁵. Кроме того, в одной из социальных сетей была организована кампания в поддержку нападавшего, где он представляется как «пресекший правонарушение со стороны извращенцев» и «исполнивший свой гражданский долг». Участники кампании заявляют, что нападавший «пострадал из-за своего неравнодушия», а «борьба с пропагандой содомии и педофилии является долгом каждого гражданина, независимо от вероисповедания и сексуальной ориентации». Участники кампании также призывают писать письма губернатору Санкт-Петербурга, ссылаясь на то, что он «православный» и «подписал закон о запрете пропаганды содомии»⁷⁶. На пикетах в поддержку нападавшего используются плакаты с лозунгами «Они не потерпевшие, они растлители!», «Он защищал наших детей от растлителей», «Он предотвратил правонарушения, ему хотят дать 7 лет»⁷⁷. Адвокат нападавшего отмечает, что «на третий год активной борьбы с педерастами, даже после принятия закона, сотрудники правоохранительных органов наказывают тех, кто вместо них пытался прекратить незаконные действия извращенцев. И на радость врагам страны, церкви и общества, взят под стражу человек, просто выхвативший плакат у педераста»⁷⁸.

Кроме того, рассмотрение и принятие подобных законов зачастую сопровождается речами ненависти в отношении ЛГБТ – в том числе со стороны представителей власти.

Так, при рассмотрении закона в Законодательном собрании Санкт-Петербурга лидер фракции ЛДПР Елена Бабиц

возмутилась тем, что предложенное проектом наказание носит лишь административный характер, «копеечный штраф», и предложила ввести за пропаганду «половых извращений» пожизненное заключение⁷⁹.

Владимир Карпов, член комитета по государственной политике, законодательству и местному самоуправлению Новосибирского законодательного собрания, заявлял: «Гомосексуализм – зло настолько серьезное, что законодательному собранию следовало бы привлечь людей, которые могут профессионально ему противодействовать». Экспертами в области закономерности существования ЛГБТ-сообщества депутат назвал правоохранительные органы, которые «и без соответствующей статьи в законе занимаются пресечением пропаганды», педагогическую общественность и представителей конфессий, «которые своими средствами стремятся противостоять этому злу»⁸⁰. Зампредседателя комитета по здравоохранению, демографии и социальной политике Губернской Думы Самарской области Александр Живайкин говорил: «Я считаю, что за такие вещи, как пропаганда гомосексуализма... а также любые действия в этом направлении, вообще необходимо вводить смертную казнь»⁸¹.

Наконец, следует отметить, что по итогам рассмотрения предыдущего периодического доклада Российской Федерации Комитет уже высказывал свою **обеспокоенность преследованиями правозащитников**, а также вступлением в силу законодательства, «расширяющего возможности государства вмешиваться в деятельность неправительственных организаций и чинить им серьезные препятствия»⁸². Законодательство о запрете так называемой «пропаганды гомосексуализма» лишь продолжает тенденцию ограничения деятельности правозащитников, работающих с

представителями ЛГБТ-сообщества.

Преступления ненависти в отношении ЛГБТ-людей и отсутствие защиты от них как фактор, учитываемый при предоставлении убежища российским гражданам.

Распространенность и, одновременно, безнаказанность преступлений ненависти, совершаемых в отношении ЛГБТ-людей в России, влечет за собой, с одной стороны, попытки российских ЛГБТ-людей найти безопасное место за пределами государства, а с другой – признание существования данной проблемы другими государствами, а ее опасности – основанием для предоставления убежища российским ЛГБТ-людям. Данная тенденция наметилась еще в 1990-е годы, и лишь укрепилась с усилением проявлений гомофобии и трансфобии в России, в том числе с принятием законов, преследующих так называемую «пропаганду гомосексуализма». Ниже приведены лишь несколько примеров того, в каком положении оказывались российские ЛГБТ, вынужденные искать убежище за границами Российской Федерации.

- *1996 год, Канада* – убежище было предоставлено женщинам-лесбиянкам из России. Канадские власти установили, что гомосексуалы в России становятся первичной мишенью насилия, при этом полиция либо сама совершает преступления в отношении гомосексуалов, либо отказывается вмешиваться в случаях, когда акты насилия совершаются третьими лицами на их глазах. Как отметили канадские власти, «заявительницы продемонстрировали ясные и убедительные доказательства неспособности государства защитить их»⁸³.

- *1998 год, Канада* – убежище было предоставлено женщине-лесбиянке из России. В России она была уволена в связи с отказом от сексуальных предложений со стороны своего работодателя; в отношении нее было совершено изнасилование двумя мужчинами, однако ее обращение в полицию ни к чему не привело – никаких действий по заявлению не было предпринято. Канадские власти признали, что в отношении женщин-лесбиянок до сих пор сохраняется социальная стигма, жертвы сексуальных преступлений не получают защиты со стороны правоохранительных органов, а в силу своей сексуальной ориентации заявительница находится в более уязвимом положении с точки зрения риска изнасилования и физических нападений; существует высокая вероятность того, что по возвращению в Россию заявительница подвергнется преследованиям⁸⁴.
- *2001 год, Канада* – убежище было предоставлено гомосексуальному мужчине, который был гей-активистом и университетским профессором в России. Основанием для предоставления убежища стали сведения о том, что он принуждался сотрудниками правоохранительных органов, одетыми в штатское, к «сотрудничеству» и выдаче информации о сексуальной ориентации его коллег и друзей⁸⁵.
- *2005 год, Франция* – убежище было предоставлено мужчине-гею из России. Заявитель подвергался преследованиям во время службы в армии из-за своей сексуальной ориентации. Его периодически избивали, несколько раз он был госпитализирован

из-за этого. Вернувшись в свой родной город, он основал группу, занимающуюся продвижением прав геев, однако из-за своей деятельности стал подвергаться насилию со стороны полиции. Власти Франции установили, что существует высокая вероятность продолжения нарушений со стороны полиции и общества в целом в случае, если заявитель вернется на родину⁸⁶.

- *2006 год, Франция* – убежище было предоставлено мужчине из Ингушетии. В 2003 году его жена обнаружила его связь с другим мужчиной, которого затем избил до смерти его собственный брат. Затем мужчина подвергался угрозам со стороны семьи второго мужчины, его дом был обстрелян, а сам он был вынужден скрываться. Из-за его сексуальной ориентации власти отказывались предоставлять ему защиту. Несмотря на отмену уголовного преследования за гомосексуальные отношения в России, французский суд пришел к выводу о том, что общественное мнение не изменилось, а гомосексуалы продолжают преследоваться. Более того, государство не способно или не желает предупреждать преследования со стороны частных лиц⁸⁷.
- *2011 год, США* – убежище было предоставлено гомосексуальному мужчине из России. В Москве он участвовал в марше гей-гордости, где подвергся избиениям и электрошоку со стороны полицейских, а затем, с травмами и в крови, был брошен на улице⁸⁸.
- *2011 год, США* – убежище было предоставлено гомосексуальному мужчине из России, где он подвергался преследованиям со стороны частных

лиц и представителей власти. Группа хулиганов, услышав, что он говорит о своей гомосексуальности в кафе, начала преследовать его после того, как он вышел из заведения. Его повалили на землю и избили. Прибывшая на место происшествия полиция заявила ему, что ему повезло, что их не оказалось во время нападения, иначе они бы присоединились сами к нападавшим⁸⁸.

Выводы.

Несмотря на то, что Конвенция ООН против пыток предусматривает обязательства государства предпринимать меры по недопущению жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, а в рекомендациях и практике международных органов и учреждений такие обязательства трактуются как предполагающие определенные меры по борьбе с преступлениями и речами ненависти в отношении ЛГБТ-людей, для России эта проблема остается чрезвычайно острой. Отсутствует законодательство, признающее преступления и речи ненависти в отношении ЛГБТ-людей совершенными сотягчающим обстоятельством, а действующие в настоящее время правовые нормы не применяются на практике. Органы власти не производят сбор и анализ статистики по таким преступлениям, не организуют обучающих программ для сотрудников правоохранительных органов, не разрабатывают программ профилактики преступлений ненависти в отношении ЛГБТ-людей. Отсутствие системы защиты свидетелей и потерпевших от таких преступлений обуславливает их высокую латентность, при этом органы власти способствуют

этому процессу, не возбуждая уголовные дела по заявлениям организаций.

Преступления совершаются не только в отношении индивидуальных лиц, но и групп и участников правозащитных мероприятий в поддержку прав ЛГБТ. По фактам таких преступлений правоохранительные органы нередко не предпринимают вообще никаких действий, либо осуществляемые действия не являются достаточными, эффективными и своевременными. Наконец, принимаемые в настоящее время в регионах России законы о запрете так называемой «пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних» лишь способствуют разжиганию ненависти и вражды в отношении ЛГБТ-людей и порождают поток остающихся безнаказанными речей ненависти – в том числе высказываемых представителями власти.

2. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ТРАНССЕКСУАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ (СТ. 2, 10, 12, 14 И 16)

Существующие международные подходы и практика.

Проблема принудительных медицинских процедур не является новой для Комитета. Так, и **Комитетом, и Специальным докладчиком** достаточно широко и в отношении целого ряда государств рассматривался вопрос о принудительной стерилизации применительно к женщинам в целом⁸⁹, а также к женщинам, принадлежащим к наиболее уязвимым группам⁸⁹. Специальный докладчик подчеркивал, что «поскольку полностью оправданное медицинское лечение может причинить сильную боль или страдания, медицинское лечение, имеющее инвазивный и необратимый характер, которое не имеет терапевтической цели, либо цель которого – скорректировать или облегчить нарушение здоровья, может составлять пытки или жестокое обращение в том случае, когда оно осуществляется принудительно либо без свободного и информированного согласия лица»⁹⁰.

Комитет также уже отмечал свою обеспокоенность практикой проведения операций по смене пола без получения надлежащего согласия пациента или его представителя в отношении интерсексуальных людей, а также отсутствием расследования таких случаев⁹¹.

По итогам Комитет рекомендовал государству обеспечить применение стандартов в отношении полного информированного согласия на хирургическое вмешательство (включая информирование о последствиях вмешательств, не являющихся необходимыми), провести расследование уже имевших место случаев проведения операций без такого согласия, а также организовать соответствующее обучение медицинских работников⁹².

Всемирная медицинская ассоциация совместно с Международной Федерацией здоровья и прав человека отмечали, что «недобровольная стерилизация, очевидно, представляет собой нарушение репродуктивной автономии и прав человека лица. С этой проблемой сталкиваются, в частности, [...] трансгендерные лица [...]. Согласие на стерилизацию должно быть свободно от материальных или социальных стимулов и не должно обуславливать возможность получения иных выгод в области медицинской помощи, социальной или институциональной сферы, а также страхования»⁹³.

Комитет ООН по правам человека, рассматривая периодический отчет Бразилии, отмечал свою обеспокоенность фактами обуславливания возможности получения работы стерилизацией женщин. Государству было указано на недопустимость практики требований справок о стерилизации при приеме женщин на работу, а также необходимость ввести меры для борьбы с такой практикой – включая меры наказания⁹⁴.

Проблема принудительных медицинских вмешательств в отношении трансгендерных людей подчеркивалась рядом учреждений Совета Европы. Так, **Комитет Министров Совета Европы** призывает государства отказываться от негуманных требований, предъявляемых в качестве условия смены гражданского пола⁹⁵.

Комиссар по правам человека Совета Европы в своем тематическом докладе «Права человека и гендерная идентичность» специально обращал внимание на проблему предъявления к трансгендерным людям таких требований, как проведение необратимой хирургической стерилизации или прохождения гормонального лечения, в качестве условия смены документов. «Такие требования четко противоречат уважению к физической неприкосновенности человека, – заявлял Комиссар по правам человека Совета Европы. – Требование стерилизации или другого хирургического вмешательства в качестве условия юридического признания предпочитаемого пола игнорирует тот факт, что хотя трансгендеры часто и желают сделать такие операции, это происходит отнюдь не всегда. Кроме того, хирургическое вмешательство этого типа не всегда возможно с медицинской точки зрения, не всегда имеется или не всегда доступно в финансовом отношении [...]. Это лечение может не соответствовать пожеланиям и потребностям пациента, и может не быть предписано его или ее врачом. Однако юридическое признание предпочитаемого пола лица становится невозможным без такого лечения, что ставит трансгендерного человека в тупик без очевидного выхода. Вызывает большую обеспокоенность то, что трансгендеры, являются единственной группой в Европе, подвергающейся юридически предписанной и понуждаемой государством стерилизации»⁹⁶. Комиссар по правам человека призвал государства «отменить стерилизацию и другие виды принудительного медицинского вмешательства, которые могут оказать серьезное негативное влияние в отношении автономии личности, здоровья или благополучия человека, в качестве необходимого требования для юридического признания предпочитаемого пола трансгендера»⁹⁷.

Европейский Суд по правам человека также в 2011 году впервые признал, что принудительная стерилизация может нарушать обязательства государства в соответствии со статьями 3 (запрещение пыток) и 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Европейской Конвенции⁹⁸.

Наконец, **Джоньякартские принципы** также содержат в себе ряд основополагающих положений о недопустимости принудительных недобровольных медицинских вмешательств в отношении ЛГБТ-людей⁹⁹.

Данные о принудительных медицинских процедурах в отношении транссексуальных людей в России.

Попытки «вылечить от транссексуализма»

Хотя «транссексуализм» в настоящее время признается диагнозом в рамках МКБ-10, суть постановки такого диагноза состоит в том, чтобы обеспечить транссексуальному лицу максимально комфортное для него приспособление к его собственному телу и социальной гендерной роли. Для этого могут проводиться гормональная терапия или хирургические операции, направленные на коррекцию половых признаков, для этого меняются отметка о поле и имя в документах. Однако нередко встречаются случаи, когда родственники транссексуальных людей – особенно молодых – не принимают их и, вопреки их воле, предпринимают попытки «вылечить» транссексуализм либо найти психическое заболевание, обуславливающее соответствующее осознание транссексуалом своей гендерной идентичности.

Например, в Санкт-Петербурге 17-летний трансгендерный молодой человек обратился за помощью в организацию «Выход» в связи с именно такой ситуацией. Молодой человек проживал

вместе со своей матерью. Дома произошел конфликт из-за его гендерной идентичности, сопровождавшийся оскорблениями. Мать покусала его и ударила, после чего закрыла в комнате. До того мать водила его к психиатру, пытаясь установить психические расстройства. Ему пришлось сбежать из дома через окно и он не хотел возвращаться, опасаясь, что его увезут из Санкт-Петербурга и отдадут в психиатрическую клинику¹⁰⁰.

Отсутствие надлежащей правовой базы для смены документов.

Возможность изменения документов транссексуального лица установлена, прежде всего, Федеральным законом Российской Федерации «Об актах гражданского состояния»¹⁰¹, ст. 70 которого гласит: «заключение о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния составляется органом записи актов гражданского состояния в случае, если... представлен документ установленной формы об изменении пола, выданный медицинской организацией».

Постановлением Правительства РФ от 6 июля 1998 г. «О мерах по реализации Федерального закона “Об актах гражданского состояния”»¹⁰² утверждение формы указанного документа об изменении пола было поручено Министерству здравоохранения РФ. Тем не менее, до настоящего времени (то есть спустя вот уже более четырнадцати лет) указанная форма документа не утверждена. В 2005 г. была создана специальная рабочая группа¹⁰³, однако уже в 2007 г. приказ о создании этого органа был отменен¹⁰⁴ без достижения сколько-нибудь значимых результатов. Таким образом, при наличии формальных законодательных рамок для смены документов транссексуальных лиц отсутствуют механизмы, позволяющие реализовать право.

В результате отсутствует и прозрачная, предсказуемая и доступная процедура смены документов, открываются возможности для злоупотреблений.

Административная практика.

Смена документов транссексуальных людей предполагает, в первую очередь, внесение изменений в актовую запись о рождении и измену свидетельства о рождении. Соответствующие функции выполняют органы записи актов гражданского состояния в рамках административных процедур, а надзор и контроль за их деятельностью осуществляют региональные управления ЗАГС, а также структуры Министерства юстиции.

Как уже было отмечено, действующее законодательство позволяет в принципе менять документы транссексуальным людям, однако отсутствуют четкие механизмы реализации этой возможности. В результате действующий закон трактуется произвольно, и особую тревогу вызывает не подтвержденное ни правовыми нормами, ни медицинскими стандартами требование о проведении определенных медицинских вмешательств (и особенно – хирургических операций, из определенного количества или типа), предъявляемое органами ЗАГС в качестве обязательного условия смены документов.

Обратим внимание на тот факт, что ст. 70 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» не содержит в себе никаких указаний на какие бы то ни было медицинские процедуры. Однако на практике требования о проведении подобных вмешательств предъявляются.

Прежде всего, позиция федерального органа власти – Министерства юстиции – именно такова. Как пишет в своем письме заместитель директора Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой

Министерства юстиции РФ, «внесение органом ЗАГС изменений в запись о рождении возможно только в случае, если изменение пола в результате хирургических операций является уже свершившимся и необратимым фактом. Иное (возможность выдачи новых документов лицам с расстройствами половой идентификации до проведения указанных операций) может устанавливаться только федеральным законодательством»¹⁰⁵. Вслед за Министерством юстиции этой же позиции придерживается и ряд региональных управлений ЗАГС, при этом нормой разрешения дел в данном случае становится не закон, а устные ненормативные заявления отдельных чиновников. Так, начальник управления ЗАГС Тюменской области отмечает: «...органы ЗАГС в данном случае руководствуются устными разъяснениями Минюста РФ, которые даются на курсах повышения квалификации работников органов ЗАГС в г. Москва. Согласно разъяснениям Минюста РФ гражданин, сменивший пол, должен представить в орган ЗАГС медицинское заключение, в котором должны содержаться сведения о том, что гражданин произвел хирургическую операцию по изменению пола, и выводы о том, что гражданин изменил свой пол»¹⁰⁶.

В единичных регионах принята практика, соответствующая принципиальным положениям о правах человека и не предполагающая требования от заявителей прохождения тех или иных медицинских процедур для смены документов. Например, такая практика принята в Санкт-Петербурге¹⁰⁷. Однако даже несмотря на это в большинстве регионов к транссексуальным заявителям предъявляются требования о проведении медицинских вмешательств (хирургических операций, гормональной заместительной терапии, необратимых операций и пр.)¹⁰⁸.

В 2012 году в Московской области было отказано в смене документов транссексуальному мужчине. На момент обращения в ЗАГС ему уже был установлен диагноз, проведена гормональная терапия, которая привела к необратимым изменениям, хирургическая операция мастэктомии, рекомендована смена гражданского пола, эти обстоятельства были подтверждены медицинскими заключениями. Орган ЗАГС отказал в смене документов (пола и имени), сославшись на то, что «нет документа о проведении всех необходимых медицинских процедур, включая фаллопластику»¹⁰⁹.

При этом стоит также обратить внимание на тот факт, что расходы на требуемые органами ЗАГС медицинские вмешательства не покрываются за счет публичных средств в рамках обязательного медицинского страхования, эти расходы (особенно на хирургические операции) высоки, и не во всех регионах есть опытные специалисты, работающие с транссексуальными людьми¹¹⁰.

В этой связи показательным является случай, произошедший в 2010 году в одном из регионов Сибири. Транссексуальному мужчине, уже прошедшему через хирургическую операцию мастэктомии, которая была подтверждена медицинскими документами, и имеющему медицинское заключение об изменении пола, было отказано в смене документов. Начальник ЗАГС заявила, что вопрос о смене документов будет обсуждаться только после проведения еще двух хирургических операций (гистерэктомия и фаллопластика), и заявитель фактически был вынужден подвергнуться дальнейшим хирургическим вмешательствам в местной клинике (несмотря на то, что изначально планировалось сделать несколько другие операции, позже, и, накопив нужные суммы для оплаты услуг более опытных хирургов в другом регионе)¹¹¹.

Судебная практика.

В сложившейся ситуации для многих транссексуалов единственным возможным выходом становится обращение в суд после вынесения административного отказа. Однако и здесь далеко не всегда удается добиться смены документов.

Ниже приводятся лишь несколько случаев, когда суды отказывали в смене документов (указания на пол и / или имени заявителя), ссылаясь на отсутствие тех или иных медицинских вмешательств.

- *2010 год, Волгоград* – был установлен диагноз, проведена гормональная терапия, рекомендована смена гражданского пола, эти обстоятельства были подтверждены медицинскими документами. Орган ЗАГС и суд первой инстанции отказали в смене документов (пола и имени), ссылаясь на то, что не проведены хирургические операции. В заявлении о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам первоначально было также отказано. Суд кассационной инстанции подтвердил отказ¹¹².
- *2010 год, Москва* – был установлен диагноз, проведена гормональная терапия, хирургическая операция мастэктомии, в результате чего «выполнена необратимая смена пола с женского на мужской», показана смена гражданского пола, эти обстоятельства были подтверждены медицинскими заключениями. Орган ЗАГС и суд первой инстанции отказали в смене документов (имени), сославшись на то, что «операция по проведению двусторонней подкожной мастэктомии является первым этапом, направленным на изменение половой принадлежности. Данная операция не является подтверждением факта

изменения половой принадлежности заявителя»¹¹³.

- *2009 год, Волгоград* – был установлен диагноз, проведена гормональная терапия, рекомендована смена гражданского пола, эти обстоятельства были подтверждены медицинскими документами. Орган ЗАГС и суд первой инстанции отказали в смене документов (имени), ссылаясь на то, что не проведены хирургические операции¹¹⁴.
- *2006 год, Калуга* – был установлен диагноз, проведена гормональная терапия, рекомендована смена гражданского пола, эти обстоятельства были подтверждены медицинскими документами. Орган ЗАГС отказал в смене документов (пола и имени), ссылаясь на то, что смена пола не проведена¹¹⁵.
- *2004 год, Якутия* – был установлен диагноз, проведена гормональная терапия, рекомендована смена гражданского пола, эти обстоятельства были подтверждены медицинскими документами. Орган ЗАГС и суд первой инстанции отказали в смене документов (имени)¹¹⁶.

Последствия несоответствия внешнего вида и документов транссексуальных людей.

Невозможность или крайняя затруднительность смены документов транссексуальных людей до проведения им определенных медицинских вмешательств бросает их в ситуацию, когда их внешность уже не соответствует их документальным данным. В связи с этим транссексуальные лица, имеющие «старые» документы испытывают дискриминацию, стигматизацию, унижения, насилие в своей каждодневной

жизни – в том числе со стороны представителей государства и, в частности, сотрудников правоохранительных органов.

Например, летом 2012 года в Перми транссексуальная девушка пришла сдавать экзамен ЕГЭ30, к которому упорно готовилась. На входе в аудиторию ее попросили предъявить паспорт. Проверяющий, увидев несоответствие ее внешнего вида записи в документе, засмеялся и велел уходить, пока он не вызвал полицию. При этом одноклассники и учителя девушки подтверждали ее личность. На объяснения о том, что она – транссексуалка, проверяющий внимания не обращал. Прибывший полицейский предложил девушке пройти в отдельную комнату и раздеться. Только после этого ее допустили к экзамену¹¹⁷

Выводы.

Несмотря на то, что законодательство Российской Федерации устанавливает принципиальную возможность смены документов транссексуальным людям, реализация этой возможности затруднена в силу отсутствия вот уже более четырнадцати лет механизма смены документов. В результате к транссексуальным людям предъявляются не предусмотренные законом и противоречащие медицинским исследованиям требования о проведении тех или иных медицинских вмешательств для смены документов (указания на пол или имени). Особое беспокойство вызывают требования о проведении хирургических вмешательств – таких, как стерилизация. Без таких вмешательств транссексуальным людям во многих регионах России практически невозможно поменять документы даже через суд.

Положение усугубляется еще и тем, что расходы на такие медицинские вмешательства не покрываются в рамках медицинского страхования и дополнительным бременем ложатся на самих заявителей, при этом далеко не во всех регионах есть специалисты, работающие с транссексуалами.

3. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ (СТ. 2, 10, 12, 14 И 16)

Существующие международные подходы и практика.

Как было отмечено выше, принудительные медицинские процедуры уже становились предметом рассмотрения **как Комитета, так и Специального докладчика**, при этом последний отмечал, что «медицинское лечение, имеющее инвазивный и необратимый характер, которое не имеет терапевтической цели, либо цель которого – скорректировать или облегчить нарушение здоровья, может составлять пытки или жестокое обращение в том случае, когда оно осуществляется принудительно либо без свободного и информированного согласия лица»¹¹⁸.

Кроме того, Специальный докладчик уже подчеркивал свою озабоченность случаями, когда ЛГБТ-людей «вопреки их воле удерживали в государственных медицинских учреждениях, где они предположительно подвергались принудительному лечению в связи со своей сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью – включая терапию электрошоком и другие методы реверсивной терапии, что, по имеющимся сообщениям, причинило им психологический и физический вред»¹¹⁹. При этом Специальный докладчик

особо обращал внимание на то, что гомосексуальность была исключена из Международной классификации болезней (МКБ-10) еще в 1992 году¹²⁰.

Кроме того, **Специальный докладчик по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья** обращал внимание на практику репаративной терапии с целью «излечения» от гомосексуальной ориентации как ненаучную, потенциально вредную и способствующую стигматизации¹²¹.

В рамках Совета Европы **Комитет Министров** отмечает, что государства-участники «должны принимать надлежащие меры для предотвращения классификации гомосексуальности в качестве заболевания, в соответствии со стандартами Всемирной организации здравоохранения»⁵. В пояснительном меморандуме к Рекомендации КМ также указывается, что «[государства] должны гарантировать, что никто не подвергается принуждению пройти любую форму лечения, протокольного, медицинского или психологического тестирования или помещению в медучреждение по причине сексуальной ориентации или гендерной идентичности»¹²¹.

Наконец, **Джюкьякартские принципы** гласят, что «никто не должен принудительно подвергаться какому-либо медицинскому или психиатрическому лечению, процедурам или тестированию, либо помещаться в медицинское учреждение на основании сексуальной ориентации [...]. Вне зависимости от любой классификации в пользу обратного [...] сексуальная ориентация [...] того или иного лица сама по себе не является медицинским показанием и не подлежит лечению, излечению или подавлению»¹²².

Данные о принудительных медицинских процедурах в отношении гомосексуальных людей в России.

Хотя в 1999 году Российская Федерация официально перешла на стандарты Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10), до сих пор встречаются случаи рассмотрения гомосексуальности в качестве отклонения или заболевания и даже попытки «лечить» от гомосексуальности.

Один из таких случаев был зафиксирован в рамках программы мониторинга в Санкт-Петербурге.

В 2011 году молодой человек, К., в рамках обследования по повестке в военкомат обратился к психиатру. В процессе медицинского обследования К. задал психиатру следующий вопрос: «Среди болезней ВВЭ (Военно-врачебная экспертиза) существует пункт “нарушение сексуального предпочтения”. Что это значит? Мне это интересно с точки зрения активизма, в МКБ-10 такой болезни нет». Психиатр поинтересовался у К., есть ли у него девушка, а получив ответ о том, что К. встречается с молодыми людьми, спросил, «давно ли это у него». К. ответил, что это происходит последние три года. Психиатр ушел в коридор, совещался с врачом, руководящим работой по медицинскому освидетельствованию. Через некоторое время вернулся, заполнил акт о дополнительном обследовании в психо-неврологическом диспансере. В акте было указано: «Диагноз: F64 (Расстройства половой идентификации; Класс: Психические расстройства и расстройства поведения; Блок: Расстройства личности и поведения в зрелом возрасте), F06.6 (Органическое эмоциональное лабильное [астеническое] расстройство, Класс: Психические расстройства и расстройства поведения; Блок: Органические, включая симптоматические психические расстройства)».

Весной 2012 года широкую огласку в российских интернет-блогах, социальных сетях и СМИ получило дело о 16-летнем подростке Иване Харченко, которого, по имеющимся сообщениям, насильно удерживали в одной из московских клиник, где под воздействием психотропных препаратов пытались «излечить» от гомосексуальности. Как сообщают СМИ, в ночь с 24 на 25 апреля ЛГБТ-активисты и журналисты с адвокатом «вытащили» подростка из клиники. Как рассказал Иван, в клинику его поместил отец, чтобы «вылечить» от гомосексуальности. В клинике ему давали какие-то препараты, названия и свойства которых он не знает. Клиника предоставила полиции документы, в которых Иван фигурирует как 19-летний, давший согласие на лечение от наркозависимости. В частности, были предоставлены положительные тесты на марихуану, которые якобы проводились в клинике. Иван утверждает, что они поддельные, и он никогда не употреблял наркотики¹²³.

Ситуация осложняется еще и тем, что переход на МКБ-10 не сопровождался полным изменением всех учебных программ и планов имеющихся учебников и пособий. Фактически и в образовании, и в управлении здравоохранением все еще остается широко распространенным восприятие гомосексуальности как отклонения.

Например, Министр здравоохранения РФ, доктор медицинских наук, госпожа Вероника Скворцова, в интервью радио «Эхо Москвы», отвечая на вопрос о природе гомосексуальности, заявила: «В части это болезнь, в части – нет, это некие пагубные привычки привитые, и в некоторых случаях это уже зависимость, такая же, как табакокурение или наркомания, это зависимость, которая психологически становится устойчивой, и для того, чтобы ее перебить, нужны очень большие усилия»¹²⁴.

Как свидетельствует Дмитрий Андронов, исследователь и преподаватель одного из сибирских вузов, а также практикующий психолог, «подавляющее большинство, преподавателей психологии ВУЗов не компетентно в области сексуальной ориентации, сексуальной идентичности, формах ее проявления и становления, продолжают прослеживаться гендерные стереотипы. Многие преподаватели продолжают мыслить диагнозами, не обращаясь к МКБ-10 и DSM и в той или иной степени воспринимаю гомосексуальность как нежелательную форму проявления сексуальности»¹²⁵.

Выводы.

Хотя Российская Федерация официально перешла на стандарты МКБ-10, в соответствии с которыми гомосексуальность не считается заболеванием, на практике все еще встречаются случаи, когда гомосексуальных людей диагностируют лишь на основании их сексуальной ориентации или даже пытаются «лечить» от гомосексуальности без их согласия. Кроме того, устаревшие подходы к рассмотрению гомосексуальности все еще проводятся при обучении медицинских специалистов, не произведен полный пересмотр программ и пособий.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. Преступления и речи ненависти (ст. 2, 10, 12, 13, 14 и 16)

- Позволяет ли действующее законодательство (в частности, нормы Уголовного кодекса РФ, предусматривающие ответственность за преступления, совершенные по мотивам ненависти в отношении социальной группы) учитывать мотив преступлений, мотивированных ненавистью в отношении ЛГБТ-людей, в качестве отягчающего обстоятельства?
- Какие меры предпринимаются государством для охраны жертв и свидетелей преступлений (в том числе – по охране их конфиденциальности), совершенных по мотивам ненависти в отношении ЛГБТ-людей?
- Какие меры предпринимаются государством для предотвращения преступлений, мотивированных ненавистью в отношении ЛГБТ-людей?
- Какие меры предпринимаются государством для предотвращения мотивированных ненавистью насильственных нападений, угроз и запугивания в отношении участников публичных акций ЛГБТ (митингов, пикетов, фестивалей и т.д.)? Какие меры были предприняты государством для расследования подобных инцидентов, совершенных в последнее время в Москве, Санкт-Петербурге, Кемерове, Новосибирске и других городах?

Как обеспечивается защита участников ЛГБТ-мероприятий от насильственных нападений со стороны экстремистских групп в ходе проведения этих мероприятий?

- Какие меры предпринимаются государством для обеспечения наличия у сотрудников правоохранительных органов и судебной системы знаний и навыков, необходимых для: понимания особой общественной опасности преступлений, мотивированных ненавистью в отношении ЛГБТ-людей; идентификации таких преступлений, выявления и исследования их мотива; эффективного расследования таких преступлений; привлечения к ответственности нарушителей с учетом мотива преступления как отягчающего обстоятельства? Как именно эти знания и навыки включены в программы общей профилактики преступности и программы профилактики экстремистских преступлений в частности?
- Привлекаются ли неправительственные организации к разработке программ, профессиональных и просветительских мероприятий для сотрудников полиции, мер по профилактике преступлений ненависти? Если да – какие именно организации привлекаются?
- Какие факторы (законодательные, административные, институциональные, финансовые и т.д.) не позволяют государству осуществлять сбор и анализ статистики по преступлениям, совершенным по мотивам ненависти в отношении ЛГБТ-людей? Намерено ли государство начать сбор и анализ такой статистики?

- Позволяет ли действующий Уголовный кодекс Российской Федерации привлекать к ответственности за речи ненависти в отношении ЛГБТ-людей как за возбуждение ненависти в отношении социальной группы?
- Какие меры предпринимает государство для предотвращения речей ненависти, произносимых политиками, религиозными фигурами и деятелями СМИ? Какие меры были предприняты в отношении таких инцидентов, имевших место в последнее время?
- Каким образом соотносятся обязательства государства по охране граждан от жестокого обращения и предупреждению мотивированных ненавистью преступлений с принимаемыми в регионах Российской Федерации законами о запрете так называемой «пропаганды гомосексуализма», особенно в свете того, что этими законами запрещается распространение информации о социальной равноценности гетеросексуальных отношений и отношений, создаваемых ЛГБТ-людьми?

Б. Принудительные медицинские процедуры в отношении транссексуальных людей (ст. 2, 10, 12, 14 и 16)

- На каком основании органы ЗАГС, а также суды Российской Федерации отказывают в смене документов (гражданского пола, имени) транссексуальным заявителям, предъявившим медицинские доказательства установления им диагноза и необходимости смены документов? В частности – на каком основании устанавливается требование проведения хирургических операций –

таких, как стерилизация или воссоздание половых органов?

- Какие факторы (законодательные, административные, институциональные, финансовые и т.д.) не позволяют государству вот уже более тринадцати лет разработать и принять форму справки об изменении пола, предусмотренной Федеральным законом «Об актах гражданского состояния»? Когда государство собирается разработать эту форму и кто будет привлечен к участию в этом процессе?

В. Принудительные медицинские процедуры в отношении гомосексуальных людей (ст. 2, 10, 12, 14 и 16)

- Какие меры, учитывая переход Российской Федерации на МКБ-10 в 1998 году, приняты государством для предотвращения классификации гомосексуальности в качестве заболевания, патологии или отклонения?
- Какие меры намеревается предпринять государство в отношении утверждений о том, что гомосексуальность является заболеванием, патологией или отклонением, в учебных материалах, а также СМИ?
- Какие меры собирается предпринять государство в отношении дела о предполагаемом принудительном помещении подростка в клинику Московской области в связи с его сексуальной ориентацией в 2012 году?

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. Преступления и речи ненависти (ст. 2, 10, 12, 13, 14 и 16)

- Обеспечить практическое применение норм Уголовного кодекса Российской Федерации, признающих мотив ненависти в отношении социальной группы отягчающим обстоятельством, к преступлениям и речам ненависти в отношении ЛГБТ-людей путем издания соответствующих разъяснений норм Уголовного кодекса Российской Федерации.
- Дополнить нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, признающие мотив ненависти отягчающим обстоятельством, прямым указанием на мотив ненависти в отношении ЛГБТ-людей.
- Разработать и внедрить в практику – в том числе с использованием успешных примеров зарубежного опыта, а также приглашением международных экспертов – программы профилактики преступлений, мотивированных ненавистью в отношении ЛГБТ-людей, включая обучение и тренинги для сотрудников правоохранительных органов и судебной системы, общественные кампании, направленные на развитие толерантности в отношении ЛГБТ-людей, а также обеспечение мер защиты и конфиденциальности жертв и свидетелей таких преступлений.

- Обеспечить незамедлительное, беспристрастное и объективное расследование по преступлениям, мотивированным ненавистью в отношении ЛГБТ-людей, а также, при необходимости, привлечение к ответственности виновных, с учетом мотива таких преступлений в качестве отягчающего обстоятельства.
- Обеспечить участникам публичных ЛГБТ-мероприятий защиту от мотивированных ненавистью насильственных нападения, преследований и угроз.
- Обеспечить надлежащее расследование нападения на защитников прав ЛГБТ-людей в Санкт-Петербурге 17 мая 2012 года и 12 июня 2012 года, с обязательным исследованием мотивов нападения.
- Не допускать произнесения речей ненависти в отношении ЛГБТ-людей, особенно со стороны политиков, религиозных лидеров и деятелей СМИ, а также провести расследование по уже имевшимся инцидентам.
- Публично осудить преступления и речи ненависти в отношении ЛГБТ-людей.
- Создать и воплотить в жизнь систему мониторинга, регистрации и сбора статистической информации о преступлениях и речах ненависти в отношении ЛГБТ-людей, а также проводить периодический анализ собранной информации с целью совершенствования законодательных, административных и иных мер.
- Отменить региональные законы о запрете так называемой «пропаганды гомосексуализма» и не допускать их дальнейшего принятия в других регионах или на федеральном уровне, поскольку такие законы способствуют разжиганию и поддержанию

ненависти в отношении ЛГБТ-людей, создают основы для неправового ограничения деятельности и преследования правозащитников, а также препятствуют объективному обсуждению проблем, связанных с корнями такой ненависти.

Б. Принудительные медицинские процедуры в отношении транссексуальных людей (ст. 2, 10, 12, 14 и 16)

- Издать разъяснения для сотрудников органов ЗАГС и судебной системы о недопустимости предъявления к транссексуальным заявителям, желающим сменить документы (гражданский пол, имя) требований, не предусмотренных законом и не оправданных медицинскими факторами – в частности, требований о проведении хирургических операций, включая стерилизацию.
- С привлечением практикующих в этой области медицинских специалистов, НПО, занимающихся защитой прав транссексуальных людей, а также самих представителей сообщества транссексуалов разработать форму справки об изменении пола, требуемой в соответствии с Федеральным законом «Об актах гражданского состояния». При этом не допускать введения не предусмотренных законом, не оправданных медицинскими факторами и потенциально вредных для транссексуальных людей требований – таких, как требования о проведении хирургических операций, включая стерилизацию.

В. Принудительные медицинские процедуры в отношении гомосексуальных людей (ст. 2, 10, 12, 14 и 16)

- Обеспечить недопустимость классификации гомосексуальности в качестве заболевания, патологии или отклонения, как применительно к отдельным пациентам, так и в публичных выступлениях, а также учебных пособиях.
- Провести полное, независимое и объективное расследование, а при необходимости – также привлечение к ответственности виновных лиц – по делу о предполагаемом принудительном помещении Ивана Харченко в клинику Московской области.

БЛАГОДАРНОСТИ

Прежде всего, мы хотели бы выразить слова благодарности Мэтью Шаафу, программному офицеру из организации «Freedom House», Иннокентию Грекову из организации «Human Rights First» и другим экспертам, которые подготовили ценные комментарии относительно структуры и содержания настоящего доклада.

Мы также хотели бы поблагодарить всех тех, кто работал над текстом настоящего доклада, переводил его и делал верстку.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИЯХ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ДОКЛАД

Настоящий доклад подготовлен и представлен в результате совместной работы коалиции трех российских неправительственных правозащитных ЛГБТ-организаций – Автономной некоммерческой организации социально-правовых услуг «ЛГБТ-организация Выход», Некоммерческой организации «Благотворительный фонд правовой и социальной помощи населению Радуга» и Межрегионального общественного движения «Российская ЛГБТ-сеть». Функции и задачи участников коалиции были распределены в соответствии с перечисленным ниже.

Текст доклада подготовлен Ксенией Кириченко (координатор программы «Правовая помощь», ЛГБТ-организация «Выход», и координатор проекта, БФ «Радуга»).

ЛГБТ-организация «Выход»: предоставление и анализ информации по случаям, произошедшим в Санкт-Петербурге, собранным в рамках программ мониторинга, адвокации и правовой помощи, реализованных ЛГБТ-организацией «Выход»; выбор кейсов по Санкт-Петербургу, релевантных для доклада; приведение их в соответствие с форматом доклада; информирование ЛГБТ-сообщества о поиске новых кейсов, соответствующих тематике доклада; организация и проведение презентации об альтернативных докладах для гражданского общества; подготовка текста доклада по

ситуации в Санкт-Петербурге; подготовка комментариев к общему тексту; перевод текста на английский; представление доклада на сессии; информирование заинтересованных сторон в Санкт-Петербурге о ходе сессии и ее итогах.

Благотворительный фонд «Радуга»: сбор новых кейсов, релевантных для доклада, с первостепенным вниманием к случаям нарушения прав трансгендерных людей, принудительным медицинским процедурам в отношении гомосексуальных и бисексуальных людей, а также имевшим место до 2011 года действиям органов власти России в связи с преступлениями ненависти; анализ имеющейся информации об ЛГБТ-проблематике в контексте мандата Комитета; подготовка основного текста доклада; организация обсуждения доклада с правозащитными организациями; организация корректуры текста; организация перевода резюме доклада на другие языки (французский, испанский, арабский, китайский); верстка и печать доклада и его пересылка в ООН; организация поездки в ООН; представление доклада на сессии; информирование заинтересованных сторон о ходе сессии и ее итогах.

МОД «Российская ЛГБТ-сеть»: предоставление и анализ информации по случаям, произошедшим в России, собранным в рамках мониторинга, адвокации и правовой помощи, реализованных МОД «Российская ЛГБТ-сеть»; отбор кейсов по всем регионам, кроме Санкт-Петербурга, релевантных для доклада; приведение их в соответствие с форматом доклада; организация и проведение презентации об альтернативных докладах для представителей власти и гражданского общества; дополнение текста доклада описанием регионального контекста (кроме Санкт-Петербурга); подготовка комментариев к общему тексту; представление доклада на сессии; информирование заинтересованных сторон о ходе сессии и ее итогах.

Ссылки

¹Российская Федерация, ¶ 23 CAT/C/RUS/CO/4 (2006).

²Там же.

³См. напр.: American Psychiatric Associations, Position Statement on Therapies Focused on Attempts to Change Sexual Orientation (Reparative or Conversion Therapies), approved by the Board of Trustees, March 2000, approved by the Assembly, May 2000; American Psychiatric Associations, Position Statement on Psychiatric Treatment and Sexual Orientation, approved by the Board of Trustees, December 1998, approved by the Assembly, November 1998; American Counseling Association Passes Resolution to Oppose Reparative Therapy. URL: <http://www.narth.com/docs/acaresolution.html> (date of access: 03.10.2012).

⁴Джокьякартские принципы (Принципы применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности). URL: http://www.yogyakartaprinciples.org/principles_ru.pdf (дата обращения: 25.01.2011).

⁵Приведено рабочее определение, используемое Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. См., напр.: Преступления на почве ненависти в регионе ОБСЕ: Инциденты и меры реагирования: Годовой отчет 2006. С. 6.

⁶Определение сформулировано в Рекомендации CM/REC(2010)5 Комитета Министров Совета Европы государствам-участникам «О мерах по борьбе с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности»: принята Комитетом Министров 31 марта 2010 г. на 1081-м заседании представителей министров. [Далее – Рекомендация КМ]. Параграф 6.

⁷Данное и последующие определения приводятся по работе: Ситуация трансгендеров в Украине : отчет по исследованию. Киев: Инсайт, 2010. URL: http://insight-ukraine.org.ua/media/TRP_report.pdf (дата обращения: 25.01.2011). С. 4.

⁸Дискриминационные законы и практика и акты насилия в отношении лиц по причине их сексуальной ориентации и гендерной идентичности: доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека / Совет по правам человека, девятнадцатая сессия, 17 ноября 2011 года, A/HRC/19/41. Параграф 1. [Далее – «Доклад ВКПЧ ООН»].

⁹Там же. Параграф 8.

¹⁰Далее также – Конвенция ООН против пыток.

¹¹Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: Замечание общего порядка № 2: Имплементация статьи 2 государствами-участниками / Комитет против пыток, 24 января 2008 года, CAT/C/GC/2, параграф 21.

¹²См., напр.: Индонезия, ¶ 19 CAT/C/IDN/CO/2 (2008): «Комитет выражает свою обеспокоенность в связи с подстрекательством и насильственными действиями в отношении лиц, принадлежащих к меньшинствам [...]. Кроме того, постоянно поступают вызывающие обеспокоенность сообщения о ставшей привычной практикой непроведения расследований в отношении такого насилия и нежелании властей предоставить Ахмадии надлежащую защиту или проводить оперативные, беспристрастные и эффективные расследования по таким деяниям»; Чешская республика, ¶ 11 CAT/C/CZE/CO/4 (2012): «Комитет серьезно обеспокоен сообщениями о продолжающейся маргинализации и дискриминации в отношении представителей меньшинств Рома. Сюда включаются, в частности, недавние случаи трех смертей, митингов против Рома, а также поджоги домов Рома. Комитет также обеспокоен отсутствием незамедлительного, беспристрастного и эффективного расследования и наказания в отношении таких происшествий». or Punishment: General Comment No. 2: Implementation of article 2 by States parties/ Committee against Torture, 24 January 2008, CAT/C/GC/2, ¶ 21.

¹³См., напр.: Болгария, ¶ 28 CAT/C/BGR/CO/4-5 (2011): «Следует принять меры с целью запрета и предотвращения пропаганды, разжигающей вражду, дискриминацию и нетерпимость, в том числе в общественных местах, в соответствии с международными стандартами и договорами о правах человека, участником которых является Болгария. Государству-участнику следует обеспечивать неукоснительное соблюдение законодательства о борьбе с дискриминацией и проводить систематические расследования всех насильственных актов, случаев дискриминации и ненавистнических высказываний, возбуждать уголовные дела, осуждать и наказывать виновных. Государству-участнику следует систематически применять положения Уголовного кодекса, касающиеся преступлений на почве нетерпимости, и обеспечивать, чтобы в уголовном процессе дискриминация как мотив совершения преступления рассматривалась в качестве отягчающего обстоятельства. Государству-участнику следует обеспечивать, чтобы общины ромов не обособлялись по этническому признаку в отношении применения силы полицией, и обеспечивать оперативное и беспристрастное расследование чрезмерного применения силы в отношении членов национальных и других меньшинств и уголовное преследование и наказание виновных. Жертвам необходимо выплачивать компенсацию и предоставлять все средства правовой защиты, предусмотренные Конвенцией, включая возмещение вреда»; Индонезия, ¶ 19 CAT/C/IDN/CO/2 (2008): «Государству-участнику следует обеспечить защиту членов групп, сталкивающихся с особой опасностью быть подвергнутыми жестокому обращению, возбуждая судебные дела и применяя меры наказания в отношении всех случаев применения насилия и жестокого обращения с этими лицами и обеспечивая осуществление позитивных мер предупреждения и защиты. Государству-участнику следует обеспечить оперативное, беспристрастное и эффективное расследование всех актов

этнически мотивированного насилия и дискриминации, включая акты против лиц, принадлежащих к этническим и религиозным меньшинствам, и преследовать в судебном порядке и наказывать виновных соразмерно тяжести совершенных ими деяний. Государству-участнику следует также публично осудить высказывания, разжигающие ненависть, и преступления на почве ненависти и другие жестокие акты расовой дискриминации и сопутствующего насилия, а также проводить работу по искоренению подстрекательства и любой возможной причастности государственных должностных лиц или сотрудников правоохранительных органов к такому насилию. Следует обеспечить, чтобы должностные лица привлекались к ответственности за действия или бездействие, нарушающие положения Конвенции»; Чешская республика, ¶ 11 CAT/C/CZE/CO/4 (2012): «государству-участнику следует: а) обеспечить защиту граждан Рома и их собственности путем расширенного мониторинга и превентивных мер. Все акты насилия и дискриминации в отношении Рома должны тщательно и эффективно расследоваться, нарушители должны предаваться правосудию, а жертвам должны предоставляться возмещение и компенсация. Сотрудники правоохранительных органов должны проходить тренинги по борьбе с преступлениями, направленными против меньшинств, а представители сообщества Рома должны включаться в силы полиции. Комитет также рекомендует собирать статистику о преступлениях экстремистского характера, результатах расследования, привлечения к ответственности и мерах защиты, осуществленных в отношении таких преступлений; б) публично осуждать словесные и физические атаки на Рома, запрещать и предотвращать отстаивание речей ненависти, а также организовывать информационные кампании по продвижению толерантности и уважению различий»

¹⁴См., напр.: Болгария, ¶ 28 CAT/C/BGR/CO/4-5 (2011): «Комитет выражает глубокую обеспокоенность в связи с актами дискриминации и нетерпимости, включая ненавистнические высказывания и насильственные нападения на [...] лиц, принадлежащих к сексуальным меньшинствам»; Коста-Рика, ¶ 11, 18 CAT/C/CRI/CO/2 (2008): «Комитет по-прежнему обеспокоен случаями злоупотребления, допускаемыми в отношении иммигрантов и граждан, прежде всего по причине их сексуальной ориентации и/или транссексуальной идентичности. Комитет считает, что, в частности, норма в отношении благонравия может наделять сотрудников полиции и судей дискреционными полномочиями, которые, накладываясь на предрассудки и дискриминационное поведение, могут приводить к злоупотреблениям в отношении этой группы населения»; «Комитет выражает обеспокоенность по поводу жалоб на сексуальное и физическое насилие по отношению к задержанным гомосексуалистам и транссексуалам»; Латвия, ¶ 19, CAT/C/LVA/CO/2 (2007): «Комитет выражает свою обеспокоенность по поводу сообщений об актах насилия и дискриминации в отношении уязвимых групп, включая [...] [сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров]»; Молдова, ¶ 27, CAT/C/MDA/CO/2 (2009): «Комитет с озабоченностью

отмечает сообщения о проявлениях насилия и ненависти по отношению к [...] уязвимым группам населения в Молдове, включая сообщения об имевших место в недавнее время ненавистнических высказываниях и проявлениях нетерпимости в отношении гомосексуал[ов] и лесбиянок»; Монголия, ¶ 25, CAT/C/MNG/CO/1 (2010): «Комитет также обеспокоен сообщениями о том, что представители таких уязвимых групп, как лесбиянки, [геи, бисексуальные и трансгендерные люди] (ЛГБТ), подвергаются насилию и сексуальной агрессии в общественных местах и в семье ввиду глубоко укоренившегося в обществе негативного отношения к ним»; Польша, ¶ 20, CAT/C/POL/CO/4 (2007): «Комитет с обеспокоенностью отмечает сообщения о проявлениях нетерпимости и ненависти в отношении меньшинств и других уязвимых групп, проживающих в Польше, в том числе утверждения об имевших место в недавнее время устных заявлениях, разжигающих вражду и нетерпимость в отношении гомосексуалистов и лесбиянок».

¹⁵⁹ См., напр.: Коста-Рика, ¶ 18 CAT/C/CRI/CO/2 (2008): «Комитет рекомендует государству-участнику принимать меры по усилению защиты наиболее уязвимых групп от сексуального насилия, в том числе с использованием конфиденциальных механизмов подачи жалоб на акты насилия подобного рода»; Латвия, ¶ 19, CAT/C/LVA/CO/2 (2007): «Государству-участнику следует активизировать свои усилия по борьбе с дискриминацией и жестоким обращением в отношении уязвимых групп, в особенности [...] [сообщества] ЛГБТ, в том числе посредством строгого применения соответствующего законодательства и положений, предусматривающих меры наказания. Государству-участнику следует обеспечить проведение незамедлительных, беспристрастных и тщательных расследований по всем мотивированным этими сообщениями деяниям и привлекать к суду и наказывать виновных соответствующими мерами наказания, которые учитывали бы серьезный характер их деяний, и обеспечить адекватную подготовку и инструктирование правоохранительных органов и соответствующим образом ориентировать судебный корпус. Государству-участнику рекомендуется принять проект национальной программы по содействию терпимости и в своем следующем периодическом докладе представить подробную информацию об эффективных мерах, принятых с целью предотвращения таких деяний и борьбы с ними»; Молдова, ¶ 27, CAT/C/MDA/CO/2 (2009): «государству-участнику следует: а) включить в Уголовный кодекс статью, предусматривающую наказание за преступления, связанные с разжиганием ненависти, такие как проявление нетерпимости и подстрекательство к вражде и насилию по признаку сексуальной ориентации. Кроме того, государству-участнику следует продолжать проявлять бдительность в отношении обеспечения неукоснительного соблюдения соответствующих правовых и административных мер, а также обеспечить, чтобы в программах профессиональной подготовки и административных директивах постоянно обращалось внимание персонала на недопустимость подстрекательства к ненависти и насилию, за которое будут

применяться предусмотренные наказания; б) представить подробную информацию и статистические данные о количестве и видах преступлений, связанных с разжиганием ненависти, а также об административных и судебных мерах, принятых с целью расследования таких преступлений, преследования виновных, и о назначенных наказаниях»; Монголия, ¶ 25, CAT/C/MNG/CO/1 (2010): «Государству-участнику следует создать всеобъемлющую нормативно-правовую базу по борьбе с дискриминацией, в том числе мотивированными ненавистью преступлениями и направленными на разжигание ненависти высказываниями. Государству-участнику необходимо принять меры по привлечению к ответственности лиц, совершающих такие преступления. Государству-участнику следует обеспечить защиту таких уязвимых групп, как сексуальные меньшинства, лица, живущие с ВИЧ/СПИДом, и некоторые группы иностранцев. Государству-участнику следует создать эффективные механизмы поддержания правопорядка, контроля за соблюдением законодательства и представления жалоб в целях обеспечения оперативного, тщательного и беспристрастного расследования по сообщениям об агрессии в отношении лиц на основе их сексуальной ориентации или гендерной идентичности в соответствии с Дюжюкьякартскими принципами применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Государству-участнику следует принять законодательство по борьбе с насилием со стороны организаций, которые поощряют дискриминацию по расовому, этническому или иному признаку и подстрекают к ней»; Польша, ¶ 20, CAT/C/POL/CO/4 (2007): «Государству-участнику следует включить в Уголовный кодекс статью, предусматривающую наказание за преступления, связанные с разжиганием ненависти, такие как проявление нетерпимости и возбуждение вражды и насилия по признаку сексуальной ориентации. Кроме того, государству-участнику следует продолжать проявлять бдительность в отношении обеспечения неукоснительного соблюдения соответствующих правовых и административных мер, а также обеспечить, чтобы программы профессиональной подготовки и административные директивы постоянно обращали внимание персонала на недопустимость словесных оскорблений и физической жестокости, за совершение которых будут применяться предусмотренные наказания. Государству-участнику следует представить подробную информацию и статистику о количестве и видах преступлений, связанных с разжиганием ненависти, а также об административных и судебных мерах, принятых с целью расследования таких преступлений, и назначенных наказаниях».

¹⁶Далее – Специальный докладчик.

¹⁷Report of the Special Rapporteur on Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: Human Rights Questions: Implementation of Human Rights Instruments, (56th Sess.), U.N. Doc. A/56/156 (2001), ¶¶ 17–18. [Далее – “Report of the Special Rapporteur A/56/156”].¹²Report of the Special Rapporteur A/56/156, ¶ 19.13

Hate Crimes in the OSCE Region – Incidents and Responses: Annual Report for 2006, OSCE/ODIHR, Warsaw, 2007, p. 53; Altschiller D. Hate Crimes: A Reference Handbook, ABC-CLIO, 2005, pp. 26–28 («Убийства гомосексуалов зачастую сопровождались пытками, резанием, расчленением..., демонстрирующими несомненное намерение стереть с лица земли человека из-за его (сексуальных) предпочтений»). Цит. по: Доклад ВКПЧ ООН. Параграф 22.14 Доклад ВКПЧ ООН. Параграф 23.

¹⁸Report of the Special Rapporteur A/56/156, ¶ 19.

¹⁹Hate Crimes in the OSCE Region – Incidents and Responses: Annual Report for 2006, OSCE/ODIHR, Warsaw, 2007, p. 53; Altschiller D. Hate Crimes: A Reference Handbook, ABC-CLIO, 2005, pp. 26–28 («Убийства гомосексуалов зачастую сопровождались пытками, резанием, расчленением..., демонстрирующими несомненное намерение стереть с лица земли человека из-за его (сексуальных) предпочтений»). Цит. по: Доклад ВКПЧ ООН. Параграф 22.

²⁰Доклад ВКПЧ ООН. Параграф 23.

²¹Доклад ВКПЧ ООН. Параграф 84.

²²Раздел «А» Рекомендации КМ.

²³Раздел «Б» Рекомендации КМ.

²⁴Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в Европе: доклад по правам человека. Страсбург: Издательство Совета Европы,

²⁰12. С. 14.

²⁵Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод: принята в Риме 4 ноября 1950 года.

²⁶См., в частности: постановление по делу «Ангелова и Илиев против Болгарии» от 26 июля 2007 года, жалоба № 55523/00 (преступления ненависти, совершенные по националистическим мотивам); постановление по делу «Миланович против Сербии» от 14 декабря 2010 года, жалоба № 44614/07 (преступления ненависти, совершенные по религиозным мотивам).

²⁷См., напр.: Монголия, ¶ 25, CAT/C/MNG/CO/1 (2010).

²⁸Российская Федерация, ¶ 28 CCPR/C/RUS/CO/6 (2009).

²⁴Российская Федерация, ¶ 40 CEDAW/C/USR/CO/7 (2010): «Комитет выражает свою обеспокоенность по поводу актов насилия в отношении женщин-лесбиянок, бисексуалок и транссексуалок, включая сообщения о домогательствах со стороны сотрудников правоохранительных органов и нападениях на людей и их убийствах по причине их сексуальной ориентации».

²⁵Российская Федерация, ¶ 23 CAT/C/RUS/CO/4 (2006).

²⁶Там же.

²⁷Там же.

²⁸Request for further clarification: [Russian Federation] / United Nations High Commissioner for Human Rights, 15 May 2009, jmn/dd/follow-up/CAT, para. 23.

²⁹Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 24 мая 1996 года. В действующей редакции доступен по адресу: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 13.09.2012).

³⁰В настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации отягчающим обстоятельством признает, в частности, «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (п. «е» ч. 1 ст. 63); аналогичные признаки поименованы в описании квалифицирующих составов таких преступлений, как убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112), умышленное причинение легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115), побои (п. «е» ч. 2 ст. 116), истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117) и др.

³¹В частности, предлагалось дополнить перечень мотивов совершения преступлений, признаваемых отягчающим обстоятельством, признаком «сексуальной ненависти». Об истории развития законодательства в этой области в России см.: Kirichenko K.A. Study on Homophobia, Transphobia and Discrimination on Grounds of Sexual Orientation and Gender Identity: Legal Report: Russian Federation / COWI; the Danish Institute for Human Rights. P. 22–25. URL: http://www.coe.int/t/Commissioner/Source/LGBT/RussiaLegal_E.pdf (дата обращения: 13.09.2012).

³²В 2010–2011 гг. автор текста настоящего доклада реализовала в рамках Российской ЛГБТ-сети проект подготовки адвокационных писем по итогам вынесения Российской Федерации рекомендаций Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее также – Проект КЛДЖ). Ряд писем с предложениями дополнить уголовное законодательство прямым указанием на сексуальную ориентацию и гендерную идентичность в качестве охраняемых признаков был направлен представителям законодательной власти, в комитеты и фракции Государственной Думы. Среди ответов был, к примеру, такой: «Что касается сексуальной ориентации, считаем, что этот вопрос является личным делом каждого. Наше общество еще не готово открыто обсуждать эту тему [...]. Поэтому какие-то громкие законодательные инициативы и резкие заявления могут вызвать как негативное разностороннее отношение, так и определенную социальную напряженность в обществе, что недопустимо!» (Письмо И.В. Лебедева, Руководителя Фракции ЛДПР в Государственной Думе РФ, 14 апреля 2011 года, № 5.3-24/156).

³³Еще одно письмо, полученное в рамках Проекта КЛДЖ: «внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части указания в ряде составов мотива ненависти по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности представляется нецелесообразным» (Письмо П.В. Крашенинникова, Председателя Комитета Государственной Думы РФ, 25 апреля 2011 года, № 3.3-26/324).

³⁴«Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрено наступление уголовной ответственности за преступления, совершенные по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Объединение людей по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности, по сути, можно отнести к определенной социальной группе. Вместе с тем, выделение таких лиц в отдельную группу с особым статусом ущемит права участников иных социальных групп» (Письмо О.В. Логунова, начальника правового управления Генеральной прокуратуры РФ, 11 марта 2011 года, № Ав-22-15950-11). «Выделение граждан по их сексуальной ориентации или гендерной идентичности в отдельную категорию или социальную группу, требующую приоритетного права на получение защиты со стороны государства, прямо противоречит положению данной статьи Конституции [статьи 19 о равенстве]» (Письмо О.А. Степущенко, заместителя министра внутренних дел по Республике Татарстан, 10 марта 2011 года, № 2/606).

³⁵Подробное описание данного дела и выдержки из экспертного заключения см.: Положение лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров в Российской Федерации. М.: МХГ, 2009. С. 62–65.

³⁶См.: Там же. С. 61–62.

³⁷Такое письмо, в частности, было подготовлено и отправлено в рамках Проекта КЛДЖ. В ответе на письмо было указано: «определение понятия «социальная группа» и внесение изменений в [...] статьи Уголовного кодекса Российской Федерации относится к компетенции законодателя» (Письмо А.Я. Петроченкова, заместителя Председателя Верховного Суда РФ, 29 июня 2011 года, № 8/общ-3179). Таким образом, Верховный Суд фактически самоустранился от решения проблемы – несмотря на то, что трактовка тех или иных понятий – в том числе используемых в Уголовном кодексе – им предоставляется (в рамках предоставленных Конституцией РФ полномочий по даче разъяснений по вопросам судебной практики). К примеру, в указанном ниже постановлении было дано определение «публичных призывов» к осуществлению экстремистской деятельности.

³⁸О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 // Рос. газ. 2011. 4 июля.

³⁹Кассационное определение Московского городского суда от 19 марта 2012 года по делу № 22-3221.

⁴⁰Приговор Олюторского районного суда Камчатского края от 23 декабря 2011 года по делу № 1-16/2011. URL: http://olyutorsky.kor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=778(дата обращения: 31.07.2012). Далее в приговоре также указывается: «Суд находит, что поводом к совершению преступления явились личные неприязненные отношения, вызванные подозрением в нетрадиционной сексуальной ориентации потерпевшего. Свидетель ННН сообщил, что в ходе распития спиртных напитков на кухне квартиры П сообщил всем присутствующим о нетрадиционной

сексуальной ориентации потерпевшего, такая новость сильно возмутила его и ИИС. В судебном заседании подсудимый ИИС подтвердил, что из разговоров мужчин на кухне квартиры он слышал, что ОВП является лицом нетрадиционной сексуальной ориентации, что вызвало его недовольство. О наличии такого мотива преступления сообщил в ходе судебного заседания и свидетель ВДВ».

⁴¹Там же.

⁴²Там же.

⁴³Приговор Олюторского районного суда Камчатского края от 21 ноября 2011 года по делу № 1-15/2011. URL: http://olyutorsky.kor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=719(дата обращения: 31.07.2012).

⁴⁴Так, в рамках Проекта КЛДЖ от правоохранительных органов были получены такие ответы: «учитывая, что уголовное законодательство Российской Федерации не рассматривает в качестве специальных объектов преступлений гомосексуалистов, бисексуалов и трансгендеров, соответствующие ведомственные статистические учеты не ведутся» (Письмо В.А. Кима, заместителя начальника Департамента охраны общественного порядка МВД России, 28 марта 2011 года, № 12/кс-878); «Сотрудники органов внутренних дел в своей повседневной деятельности руководствуются Конституцией Российской Федерации, а также другими правовыми нормами, которые не подразделяют граждан на какие-либо категории, поэтому специализированный учет преступлений, совершенных на почве ненависти к гомосексуалистам, бисексуалам и трансгендерам на территории Архангельской области не ведется» (Письмо М.Ю. Колонвангина, и.о. начальника Следственного управления при Управлении внутренних дел по Архангельской области, 22 марта 2011 года, № 4/538). В следующих письмах также было отмечено, что информацию о преступлениях ненависти в отношении ЛГБТ-людей предоставить не представляется возможным в силу отсутствия подобных реквизитов в официальных формах статистического учета: письмо А.П. Шавкоро, заместителя руководителя информационно-методического управления Главного организационно-инспекторского управления – руководителя методико-аналитического отдела Следственного комитета РФ, 29 марта 2011 года, № 211-7299-11; письмо П.В. Новикова, начальника управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью Прокуратуры Алтайского края, 1 марта 2011 года, № 15-27-2011; письмо Д.Л. Мартынова, и.о. начальника отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов прокуратуры, внутренних дел, госнаркоконтроля и юстиции Архангельской области, 17 февраля 2011 года, № 15-183-11; письмо В.В. Рудина, и.о. руководителя Следственного управления по Кемеровской области, 16 марта 2011 года, № 206-40-3-2011; письмо С.А. Карпкина, начальника отдела по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью Прокуратуры Ленинградской области, 14 марта 2011 года, № 16/20-257-2011; письмо Н.Д. Горина, и.о. начальника отдела по

надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Томской области, 21 февраля 2011 года, № 15-147-2011; письмо Н.И. Красикова, и.о. начальника управления по надзору за следствием в органах прокуратуры Прокуратуры Московской области, 11 марта 2011 года, № 15-21/2011; письмо С.В. Резниченко, заместителя прокурора Мурманской области, 21 февраля 2011 года, № 16-132-2011; письмо О.А. Степущенко, заместителя министра внутренних дел по Республике Татарстан, 10 марта 2011 года, № 2/606; письмо Б.О. Лиджи-Горяева, заместителя начальника Управления внутренних дел по Астраханской области, 28 февраля 2011 года, № 44/3-879; письмо А.Н. Киселева, заместителя начальника Главного управления внутренних дел по Алтайскому краю, 2 марта 2011 года, № 42/709; письмо В.Ю. Пиотровского, начальник Главного управления внутренних дел по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, 11 марта 2011 года, № 58/269; письмо Г.А. Афанасьева, заместителя начальника управления внутренних дел по Псковской области, 18 февраля 2011 года, № 57/343; письмо П.П. Кривегина, заместителя начальника ГУВД по Свердловской области, 10 марта 2011 года, № 53/344; письмо С.Е. Семенова, заместителя начальника ГУВД по Челябинской области, 28 февраля 2011 года, № 2/3-К-2 (письма получены в рамках Проекта КЛДЖ).

⁴⁷См., напр.: письмо Ю.С. Ширяева, старшего помощника прокурора по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности и межнациональных отношениях Прокуратуры Республики Коми, 24 февраля 2011 года, № 13-р-2011/13406; письмо Б.М. Самойленко, заместителя прокурора Республики Саха (Якутия), 18 февраля 2011 года, № 15-18-2011; письмо М.В. Осиповой, начальника отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел, ФСКН и юстиции Прокуратуры Забайкальского края, 28 февраля 2011 года, № 16-154-2011; письмо И.Р. Бурановского, заместителя прокурора Иркутской области, 18 февраля 2011 года, № 15/5-05-2011; письмо И.В. Карапетяна, и.о. начальника отдела по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Калининградской области, 4 марта 2011 года, № 15-138-2011; письмо Н.И. Красикова, и.о. начальника управления по надзору за следствием в органах прокуратуры Прокуратуры Московской области, 11 марта 2011 года, № 15-21/2011; письмо В.В. Голубя, начальника управления по надзору за следствием, дознанием и ОРД прокуратуры Омской области, 16 марта 2011 года, № 15-30-2011/7134; письмо В.В. Мамаева, и.о. начальника отдела по надзору за процессуальной деятельностью СУ СК РФ по Челябинской области, Прокуратура Челябинской области, 4 апреля 2011 года, № 15/1-7-2011; письмо Е.В. Рыбалкина, начальника отдела прокуратуры Орловской области, 14 марта 2011 года, № 7-27/ВСО-188-11; письмо Р.М. Ашикова, начальника Управления уголовного розыска по Республике Дагестан, 28 февраля 2011 года, № 18/626; письмо А.Ю. Потапова, первого заместителя министра внутренних дел по Республике Карелия, 5 марта 2011 года, № 1/К-86; письмо Я.Г. Стахова, Министра внутренних дел по Республике Саха (Якутия), 17 марта 2011

⁴⁶См., напр.: письмо В.В. Власова, ви ро начальника УВД Орловской области, 28 февраля 2011 года, № 4/546 (письмо получено в рамках Проекта КЛДЖ).

⁴⁷Так, только в рамках Проекта КЛДЖ были получены следующие письма из правоохранительных органов, в которых подчеркивается, что программы профилактики преступлений ненависти в отношении ЛГБТ-людей являются нецелесообразными или неактуальными: письмо Я.Г. Стахова, Министра внутренних дел по Республике Саха (Якутия), 17 марта 2011 года, № 27/93; письмо Ю.А. Богданова, и.о. начальника УОДУУМиПНД главного управления внутренних дел по Красноярскому краю, 9 марта 2011 года, № 55/490; письмо С.И. Наумова, заместителя начальника Управления внутренних дел по Приморскому краю, 11 марта 2011 года, № 6/1064; письмо Г.А. Яковлева, начальника Управления организации деятельности участковых уполномоченных милиции и подразделений по делам несовершеннолетних ГУВД по Московской области, 10 марта 2011 года, № 49/К-44; письмо Э.И. Хисматуллина, заместителя начальника УВД по Мурманской области, 22 февраля 2011 года, № 83/7-472; письмо С.Ю. Скубака, заместителя начальника Криминальной милиции ГУВД по г. Москве, 25 марта 2011 года, № 3/3976; письмо М.В. Осиповой, начальника отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел, ФСКН и юстиции Прокуратуры Забайкальского края, 28 февраля 2011 года, № 16-154-2011.

⁴⁸Письмо В.Ю. Пиотровского, начальника Главного управления внутренних дел по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, 11 марта 2011 года, № 58/269.

⁴⁹Письмо И.И. Бурлакова, заместителя председателя Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности Правительства Санкт-Петербурга, 11 марта 2011 года, № 35-1142/11-0-1.

⁵⁰См., напр.: <http://www.ikd.ru/node/14984> (дата обращения: 02.08.2012).

⁵¹Копии документов по делу хранятся в архиве МОД «Российская ЛГБТ-сеть».

⁵²Информация предоставлена в рамках мониторинга МОД «Российская ЛГБТ-сеть».

⁵³Информация предоставлена в рамках мониторинга МОД «Российская ЛГБТ-сеть».

⁵⁴Информация предоставлена Михаилом Белодедовым, менеджером по адвокации ЛГБТ-организации «Выход». Копии обращений хранятся в архиве организации.

⁵⁵Информация предоставлена Михаилом Белодедовым, менеджером по адвокации ЛГБТ-организации «Выход».

⁵⁶Все документы хранятся в архиве организации «Гендер и право» (Новосибирск), которая и обращалась в правоохранительные органы совместно с Новосибирским отделением Российской ЛГБТ-сети. Сообщения СМИ о нападении и ходе развития событий см., напр.: <http://academ.info/news/19235> (дата обращения:

: 02.08.12); <http://globalsib.com/13161/> (дата обращения: 02.08.12).

⁵⁷Report of the Special Rapporteur A/56/156, ¶ 25.

⁵⁸См., напр.: <http://www.frontlinedefenders.org/ru/node/18668> (дата обращения: 02.08.12); <http://www.bok-o-bok.ru/news.asp?lan=2&tid=769> (дата обращения: 02.08.2012).

⁵⁹Report of the Special Rapporteur A/56/156, ¶ 19.

⁶⁰ Например, одно из таких исследований показало, что в тех штатах США, где есть законы, ограничивающие права геев и лесбиянок, выше уровень преступлений, мотивированных гомофобной ненавистью. См.: Parfaite-Claude D. Gay-bashing, interrupted : the effects of the presence of state hate crime statutes on the prevalence of hate crimes against gay individuals. Washington, DC: Georgetown University, 2011.

⁶¹См., напр.: Индонезия, ¶ 19 CAT/C/IDN/CO/2 (2008): «Комитет особенно обеспокоен тем, что Генеральный прокурор объявил о планах предать гласности совместный министерский декрет, который криминализует деятельность Ахмадии. [...] Комитет особенно обеспокоен тем, что должностные лица государства-участника, которые могут распорядиться о принятии декрета, запрещающего Ахмадию, тем самым подвергнув членов этой общины еще большей опасности жестокого обращения и физического насилия, также высказывают мнение о том, что течение Ахмадия должно воздерживаться от “провоцирования” членов общества, фактически обвиняя эту группу риска».

⁶²Согласно принятому закону, «публичные действия, направленные на пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности среди несовершеннолетних, влекут наложение административного штрафа на граждан в размере пяти тысяч рублей; на должностных лиц – пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей». При этом «под публичными действиями, направленными на пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности среди несовершеннолетних, в настоящей статье следует понимать деятельность по целенаправленному и бесконтрольному распространению общедоступным способом информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию несовершеннолетних, в том числе сформировать у них искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений». Одновременно с запретом «пропаганды гомосексуализма» была запрещена и «пропаганда педофилии». Текст закона доступен по адресу: <http://www.gov.spb.ru:3000/noframe/law?d&nd=537913971&prevDoc=891831166> (дата обращения: 13.09.2012).

⁶³Материалы по законам и кампаниям против них см., напр.: <http://stopzakon.wordpress.com/>.

⁶⁴ Кейс зафиксирован в рамках программы мониторинга, проводимого в Санкт-Петербурге ЛГБТ организацией «Выход» при поддержке МОД «Российская ЛГБТ-сеть».

⁶⁵URL: http://www.narodsobor-spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=44:2012-09-14-13-43-14&catid=1:2012-07-16-11-40-34&Itemid=93 (дата обращения: 27.09.2012).

⁶⁶Группа на сайте «ВКонтакте» «Свободу Дмитрию Дейнеко!». URL: http://vk.com/d_deineko (дата обращения: 27.09.2012).

⁶⁷URL: http://www.narodsobor-spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=39:2012-08-27-10-51-03&catid=1:2012-07-16-11-40-34&Itemid=93 (дата обращения: 27.09.2012).

⁶⁸URL: <http://aartuh.ru/blog/61-soprotivljatsja-politsejskim-mozhno-soprotivljatsja-pederastam-nelzja.html> (дата обращения: 27.09.2012).

⁶⁹Депутаты Петербурга одобрили введение штрафов за пропаганду гомосексуализма // BaltInfo, 2011, 16 нояб. URL: <http://www.baltinfo.ru/2011/11/16/Deputy-Peterburga-odobrili-vvedenie-shtrafov-za-propagandu-gomoseksualizma-241404> (дата обращения: 27.09.2012).

⁷⁰Сибирский новостной портал «Сиб.фм», 14 марта 2012 года. Запрет пропаганды гомосексуализма одобрен в комитете новосибирского заксобрания. URL: <http://sib.fm/news/2012/03/14/zapret-propagandy-gomoseksualizma-odobren-v-komitete> (дата обращения: 31.07.2012).

⁷¹Опарина И. Изгоняющий геев // Самарское обозрение. 2012. № 16. 15 марта. URL: <http://www.63media.ru/press/15.03.2012/168615/> (дата обращения: 31.07.2011).

⁷²Телеканал «Россия 1», эфир 4 апреля 2012 года. Запись программы доступна по адресу: http://russia.tv/video/show/brand_id/9777/video_id/121681/viewtype/picture (дата обращения: 31.07.2011).

⁷³Текст обращения и подписи доступны по адресу: <http://democrator.ru/problem/7060> (дата обращения: 28.09.2012).

⁷⁴Письмо А.А. Кузнецова, врио начальника Центр по противодействию экстремизму Главного управления Министерства внутренних дел по г. Москве, 29 августа 2012 г., № 84/И-11. Размещено по адресу: http://ic.pics.livejournal.com/ilupin/16147666/34090/34090_original.jpg (дата обращения: 28.09.2012).

⁷⁵Российская Федерация, ¶ 22 CAT/C/RUS/CO/4 (2006).

⁷⁶CRDD T95-05832, T95-05833, T95-05834, T95-05835, Refugee Division, 1996.

⁷⁷CRDD A98-00268, Refugee Division, 1998.

⁷⁸URL: <http://pqasb.pqarchiver.com/thestar/access/1065976561.html?dids=1065976561:1065976561&FMT=ABS&FMTS=ABS:FT&date=Jun+25,+2006&author=&pub=Toronto&edition=&startpage=A.09&desc=Fearless+in+Canada> (дата обращения: 08.10.2012).

⁷⁹CRR, 21 octobre 2005, 495394, М.К.; Appartenance a un certain groupe social.

⁸⁰CRR, 31 mai 2006, М. ОI, No543182.

⁸¹См., напр.: <http://www.nydailynews.com/new-york/filmmaker-alexander-kargaltsev-flees-russia-attacks-gays-spike-homeland-article-1.1041872>; <http://www.immigrationequality.org/2012/03/our-asylum-victories-are-making-headlines/>; http://thestory.org/archive/the_story_051412.mp3/view (дата обращения: 08.10.2012).

⁸² URL: http://www.rferl.org/content/russia_gay_rights_lgbt_asylum/24564738.html (дата обращения: 08.10.2012).

⁸³См., напр.: Перу, ¶ 23, CAT/C/PER/CO/4 (2006).

⁸⁴См., напр.: Словакия, ¶ 14, CAT/C/SVK/CO/2 (2009); Чешская Республика, ¶ 5, 6, CAT/C/CR/32/2 (2004). В обоих случаях речь шла о стерилизации женщин-Рома. Специальный докладчик выражал свою озабоченность практикой принудительной стерилизации в отношении женщин с ограниченными физическими возможностями, а также подчеркивал, что такая практика может рассматриваться как форма пыток, жестокого или бесчеловечного обращения. См.: Report of the Special Rapporteur on Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: Promotion and Protection of All Human Rights, Civil, Political, Economic, Social and Cultural Rights, Including the Right to Development, (7th Sess.), U.N. Doc. A/HRC/7/3 (2008), ¶¶ 38, 69.

⁸⁵Interim Report of the Special Rapporteur on Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (63rd Sess.), U.N. Doc. A/63/175 (2008), ¶ 47.

⁸⁶См.: Германия, ¶ 20, CAT/C/DEU/CO/5 (2011): «Комитет по-прежнему обеспокоен случаями удаления гонад и проведения косметических операций на половых органах, что предполагает гормональное лечение на протяжении всей жизни, без действительного, осознанного согласия соответствующих лиц или их законных представителей, которые никак не расследовались, а меры по возмещению вреда не принимались. Комитет также выражает обеспокоенность в связи с отсутствием положений в законодательстве, предусматривающих возмещение вреда и предоставление компенсации в таких случаях».

⁸⁷См.: Германия, ¶ 20, CAT/C/DEU/CO/5 (2011): «Комитет рекомендует государству-участнику: а) обеспечить эффективное применение правовых и медицинских стандартов в соответствии с оптимальной практикой получения у интерсексуалов осознанного согласия на лечение и хирургическое вмешательство, включая предоставление им полной информации о предлагаемом лечении, его обосновании и альтернативах в устном и письменном виде; б) провести расследования случаев хирургического вмешательства и других форм лечения интерсексуалов без их согласия и принять законодательные положения в целях возмещения вреда лицам, подвергшимся такому лечению, включая соразмерные компенсации; в) организовать обучение и подготовку медицинских работников и психологов по вопросам сексуального и смежного с ним биологического и физического разнообразия; и д) должным образом информировать пациентов и их родителей о последствиях не являющегося необходимым хирургического вмешательства и других форм лечения для интерсексуалов».

⁸⁸См.: Global Bodies call for end to Forced Sterilisation. URL: http://www.wma.net/en/40news/20archives/2011/2011_17/index.html (дата обращения: 01.08.2012).

⁸⁹Бразилия, ¶ 11, CCPR/C/BRA/CO/2 (2005).

⁹⁰Пункт 20 Приложения к Рекомендации КМ.

⁹¹Права человека и гендерная идентичность: тематический доклад / Комиссар по правам человека Совета Европы, Страсбург, 29 июля 2009 года, CommDH/IssuePaper(2009)2. URL: [https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CommDH/IssuePaper\(2009\)2&Language=lanRussian](https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CommDH/IssuePaper(2009)2&Language=lanRussian) (дата обращения: 01.08.2012).

⁹²Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в Европе. С. 16.

⁹³См.: постановление по делу «A.V. против Словакии» от 8 ноября 2011 года, жалоба № 18968/07. В деле шла речь о женщине-Рома, которая подверглась стерилизации после рождения второго ребенка.

⁹⁴«Никто не должен принудительно подвергаться медицинским процедурам, в том числе хирургическому изменению пола, стерилизации или гормональной терапии, в качестве обязательного условия правового признания гендерной идентичности» (принцип 3)

⁹⁵«Никто не должен принудительно подвергаться какому-либо медицинскому или психиатрическому лечению, процедурам или тестированию, либо помещаться в медицинское учреждение на основании сексуальной ориентации или гендерной идентичности. Вне зависимости от любой классификации в пользу обратного ни сексуальная ориентация, ни гендерная идентичность того или иного лица сами по себе не являются медицинскими показаниями и не подлежат лечению, излечению или подавлению. Государства: А. Принимают все необходимые меры законодательного, административного или иного характера с целью обеспечения полной защиты от вредного медицинского вмешательства, связанного с сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью, в том числе связанного со стереотипами культурного или иного характера относительно поведения, внешности или гендерной нормы; Б. Принимают все необходимые меры законодательного, административного и иного характера с целью недопущения необратимых физических изменений у детей с помощью медицинских процедур, направленных на принудительное формирование гендерной идентичности, без полного, свободного и информированного согласия ребенка с учетом его возраста и зрелости, а также исходя из принципа, что любое действие, затрагивающее ребенка, должно в первую очередь максимально учитывать его интересы; В. Создают механизмы защиты детей, призванные обеспечивать, чтобы ни один ребенок не подвергнулся риску медицинских нарушений или непосредственно медицинским нарушениям; Г. Обеспечивают лицам различной сексуальной ориентации или гендерной идентичности защиту от неэтических или недобровольных медицинских процедур или исследований, в том числе в связи с вакцинами, бактерицидами или иными терапевтическими средствами от ВИЧ/СПИДа».

и других заболеваний; Д. Пересматривают и вносят изменения в любые механизмы или программы финансирования здравоохранения, которые могут быть прямо направлены, способствовать или любым иным образом делать возможными такие нарушения; Е. Не допускают, чтобы при любом медицинском или психиатрическом лечении или консультировании сексуальная ориентация и гендерная идентичность прямо или косвенно считались медицинскими показаниями и подлежали лечению, излечению или подавлению» (принцип 18).

⁹⁶13Положение лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров в Российской Федерации: последняя четверть 2011 – первая половина 2012 гг. М.: МХГ, 2012. С. 26.

⁹⁷Об актах гражданского состояния : Федер. закон : принят Гос. Думой 22 окт. 1997 г. : одобрен Советом Федерации 5 нояб. 1997 г. // Рос. газ. 1997. 20 нояб. (Далее — ФЗ об АГС).

⁹⁸Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 28. Ст. 3359. Пункт 8.

⁹⁹См.: О создании рабочей группы по подготовке нормативных правовых актов и методических документов по вопросам диагностики, лечения и реабилитации при транссексуализме и других нарушениях половой идентичности : Приказ Минздравсоцразвития России от 25 апр. 2005 г. URL: <http://rudocctor.net/medicine/bz-gw/med-umnuz.htm> (дата обращения: 07.08.2011).

¹⁰⁰См.: О признании утратившими силу приказов Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации : Приказ Минздравсоцразвития России от 12 дек. 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰¹Письмо И.И. Алябьевой, заместителя директора Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Министерства юстиции РФ, 18 мая 2011 года, № 16-31767.

¹⁰²Письмо Л.С. Смирновой, начальника управления ЗАГС Тюменской области, 9 февраля 2011 года, № 116/01-16.

¹⁰³См.: Письмо Н.В. Бегловой, председателя Комитета по делам ЗАГС Правительства Санкт-Петербурга, 18 марта 2011 г., № 5.03-6-126/11-0-1.

¹⁰⁴Поскольку форма документа до настоящего времени не утверждена, мы требуем, чтобы в нем содержалась информация о факте проведения хирургического вмешательства с целью изменения пола, а также заключение о его положительных результатах. В документе должно быть четко указано, что поставленная цель достигнута, пол изменен» (Письмо И.Н. Леоновой, начальника Управления ЗАГС Республики Карелия, 2 февраля 2011 года, № 85).

«Для удовлетворения просьбы об изменении актовой записи о рождении, в том числе и в отношении имени, фамилии и отчества заявитель должен предоставить медицинский документ, подтверждающий факт изменения пола, содержащий сведения о хирургической коррекции пола, с указанием на необратимость процесса»

(Д.К. Сичкарь, начальник Управления ЗАГС Республики Коми, 28 февраля 2011 года, № 03-25/167).

«Для внесения соответствующих изменений органом ЗАГС в запись акта гражданского состояния, в связи с изменением пола, заявителем должны быть предоставлены: [...] документы, подтверждающие проведение гормонально-заместительной терапии и хирургического вмешательства...» (Письмо О.Н. Мазниченко, руководитель управления ЗАГС Краснодарского края, 4 февраля 2011 года, № 50-506/11-02.1-13).

«Так как Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации не утверждена форма документа об изменении пола, заявления об удовлетворении просьбы по внесению изменений в запись акта о рождении в связи с изменением пола принимаются при предъявлении заявителем медицинского заключения о проведении хирургической органонуносящей операции по смене пола» (Письмо С.В. Митрохина, Директора департамента ЗАГС Администрации Владимирской области, 22 февраля 2011 года, № ДЗАГС-264-01-23).

«При подаче заявлений о внесении изменений в запись акта гражданского состояния и о перемене имени [...] должны быть предоставлены: [...] документы, подтверждающие наличие оснований для внесения исправлений или изменений (документ установленной формы об изменении пола, выданный медицинской организацией, из которого следует, что лицо успешно перенесло гормональное лечение и хирургическую операцию по изменению пола)...» (Письмо Н.В. Гуренковой, начальника управления ЗАГС Кемеровской области, 9 февраля 2011 года, № 31).

«В связи с тем, что форма документа об изменении пола, выданного медицинской организацией, не утверждена в установленном порядке Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации, в случае обращения в орган ЗАГС с заявлением об изменении сведений в графе «пол» в актовой записи о рождении гражданин должен предоставить документ, выданный медицинской организацией о смене пола, произведенной в результате хирургического вмешательства» (Письмо С.Н. Долговой, начальника управления ЗАГС Костромской области, 3 марта 2011 года, № 173).

«В случае обращения в орган ЗАГС Магаданской области, лицо желающее переменить пол, должно предоставить документ, выданный медицинской организацией, подтверждающий, что в результате произведенной хирургической операции выполнена замена пола» (Письмо И.В. Арабидзе, начальника отдела ЗАГС Магаданской области, 28 февраля 2011 года, № 427).

«...содержание документа [об изменении пола] должно соответствовать установленным Законом [«Об актах гражданского состояния»] требованиям, а именно, документ должен быть выдан медицинской организацией и должен подтверждать факт изменения половой принадлежности заявителя. Изменение половой принадлежности производится в результате хирургических операций»

(Письмо Л.Н. Дядченко, начальника управления по делам ЗАГС Новосибирской области, 22 февраля 2011 года, № 148/35).

«...процесс по изменению пола необходимо проводить в следующем порядке:

1. Медицинское обследование и составление заключения врачей о необходимости изменения пола; 2. Операция по изменению пола; 3. Обращение в орган ЗАГС с заключением о проведенной операции по смене пола для внесения изменений в запись акта о рождении в графу «пол»...» (Письмо Л.Н. Зубаревой, председателя комитета по вопросам ЗАГС Оренбургской области, 4 марта 2011 года, № 676).

«Для внесения изменений в актовые записи заявитель-транссексуал должен предоставить следующие документы: медицинское заключение с подтверждением диагноза «транссексуализм»; медицинское заключение о необходимости смены пола; подтверждение совершенных хирургических операций» (Письмо Л.Ю. Сазиной, начальника отдела ЗАГС Департамента образования, культуры и спорта Орловской области от 30 марта 2011 года, № 27).

¹⁰⁵Все документы по делу предоставлены заявителем и хранятся в архиве организаций-составителей настоящего доклада. Данные о населенном пункте, названии органа ЗАГС и конкретных датах не разглашаются по просьбе заявителя, который намерен обжаловать действия органа ЗАГС.

¹⁰⁶См. об этом подробнее, напр.: Дискриминация по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности в сфере здравоохранения, образования, занятости и социального обеспечения в Российской Федерации: альтернативный отчет для Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, 2–20 мая 2011 г. С. 13–14, 19–20. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/ngos/IRSM_RussianFederation_CESCR46_ru.pdf (дата обращения: 13.09.2012).

¹⁰⁷Случай зафиксирован в рамках мониторинга Российской ЛГБТ-сети и рассказан самим транссексуальным лицом. ²⁵Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 24 февраля 2010 г. по делу № 2-865/2010, определение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 8 апреля 2010 г. по делу № 2-865/2010, определение коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 10 июня 2010 г. по делу № 33-6119/2010. Все документы хранятся в архиве программы «Правовая помощь» Российской ЛГБТ-сети.

¹⁰⁸Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 24 июня 2010 года.

¹⁰⁹Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 4 декабря 2009 г. по делу № 2-4876/2009. Все документы хранятся в архиве программы «Правовая помощь» Российской ЛГБТ-сети.

¹¹⁰Решение Калужского районного суда Калужской области от 26 мая 2006 года по делу № 2-2178/2006. Решение предоставлено группой за права транссексуалов «FtM-Феникс».

¹¹¹См.: Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 15 декабря 2005 года по делу № 33-1235/05.

¹¹²ЕГЭ – единый государственный экзамен, который сдается в России для поступления в вуз. С целью повышения объективности оценки ЕГЭ проводится не теми учителями, у которых учился экзаменуемый.

¹¹³Положение лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров в Российской Федерации: последняя четверть 2011 – первая половина 2012 гг. М.: МХГ, 2012. С. 24.

¹¹⁴Interim Report of the Special Rapporteur on Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (63rd Sess.), U.N. Doc. A/63/175 (2008), ¶ 47.

¹¹⁵Report of the Special Rapporteur A/56/156, para. 24.

¹¹⁶Report of the Special Rapporteur A/56/156, para. 24.

¹¹⁷Report of the Special Rapporteur on the Right of Everyone to the Enjoyment of the Highest Attainable Standard of Physical and Mental Health, (15th Sess.), U.N. Doc. A/HRC/14/20 (2010), ¶ 23.

¹¹⁸Пункт 34 Приложения к Рекомендации КМ.

¹¹⁹Пояснительный меморандум к Рекомендации CM/Rec(2010)5 Комитета министров государствам-участникам о мерах по борьбе с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности / Руководящий комитет по правам человека (CDDH), 1081-ое заседание, 31 марта 2010 года, CM(2010)4 add3 final. [Неофициальный перевод]. СПб.: Российская ЛГБТ-сеть, 2012. С. 51.

¹²⁰Принцип 18.

¹²¹См., напр.: Почти две недели школьника, признавшего себя в гомосексуальной ориентации, продержали в наркологической клинике // Новая газета. 2012. 25 апр.

¹²²Расшифровка интервью: гости – Вероника Скворцова, министр здравоохранения РФ, ведущий – Алексей Венедиктов, главный редактор «Эха Москвы» / Радио «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/903377-echo/#element-text> (дата обращения: 31.07.2012).

¹²³Email переписка с Д. Андроновым (18.01.2010).

